Голос Твой я услышал в Раю...

(Трансцендентальная буффонада)

***Структура*:**
Пролог:
Милая Франция.
1. Присутствие.
2. Монархический принцип.
Эпилог:
Берег моря.

Разумеется, не всякий думает так. Есть люди, которые не нуждаются в бессмертии и которых пугает сама мысль о том, что десятки тысяч лет они будут сидеть на облаке и играть на арфе! А ещё есть люди, и их немало, с которыми жизнь обошлась так жестоко или которым так опротивело собственное существование, что ужасный конец предпочитают они бесконечному ужасу.

Карл Густав Юнг

Автор
© А.Л.

Пролог.
Милая Франция.

§ 1. *Утро. Ангелы.*

– Аллах*а*-ысмарлад*ы*к!
– Гюл*е*-гюл*е*![1]

Господь міров и эгр*е*горов завтракал, сидя за квадратным дубовым столом, накрытым кухонной клеёнкой. За окном розовели в рассветных лучах стволы яблонь. Завтрак Его состоял из вина, фруктов и сыра. Два разнополых Ангела прислуживали Ему, наливали вина в бокал, рассказывали последние новости из тех сфер, где они побывали этой ночью. Серый парижский кот по кличке Фигаро, трагически погибший в водосточной трубе на ул. Монмартр, возлежал на подоконнике под фикусом и мурлыкал в лучах рассветного солнца. Он умер ещё до Второй Міровой Войны.

– Как там Гортхаур? – молвил Господь, подняв бокал и глядя сквозь него на кота. – Всё ворчит?

Ангел-кавалер и Ангел-барышня фыркнули.

– Ох уж этот Мышиный Король! Дались ему Мои славные щелкунчики! – рассмеявшись, воскликнула Прекрасная Дама, сидевшая чуть поодаль в мягком синем кресле с пряжей и спицами в руках.

– Щелкунчики? – Господь вопросительно взглянул на Даму.

– *Кракеры*, как говорят в Амаркорде, взломщики *программ*, – уточнил Ангел мужского пола (собственно, внешних половых различий у Ангелов нет: скорее, пол различим посредством особенных излучений). – Они обосновались в нескольких небольших поселениях Амаркорда и под руководством одного умершего монаха взламывают секретные шифры Гортхаура.

Господь отрезал кусок сыра. – Шифры? – переспросил Он, смакуя вино.

– Ну да, детальные сведения обо всём, что сделал, подумал, почувствовал, увидел во сне и т.п., живя в земном Энрофе[2], тот или иной человек. В общем, они именуют всё это словом *карма*[3], – и Ангел, взяв пустую бутылку, наполнил

---

[1] – Мы поручили тебя Аллаху! – Смеясь-смеясь! *(турецкая прощальная формула; здесь и далее курсив в транскрипциях означает ударение,* – ред.*)*

[2] Энроф – физическое пространство-время (см. Д.Андреев. Роза мира).

[3] Карма (санск.) – причины и следствия человеческих деяний.

её из рукава вишнёвого цвета вином. – Фокусник, – сказал Господь и рассеянно переспросил: – Карма, говоришь? – затем, подняв бокал в сторону Дамы: – Хочешь? – Дама отрицательно покачала головой, продолжая работать спицами. Он сказал: – Сплетаешь нити судеб? – Дама засмеялась. Он сказал: – *Мойра*[1].

– Видишь ли, – промолвила Ангел с излучением барышни, почесав левую ладонь, – они полагают, что Правосудие свойственно не Тебе, а Гортхауру; впрочем, они всячески изощряются в своих диссертациях, дабы обоснование такой идеи не выглядело как чистой воды персидский дуализм.

– Вот так сказанула! – воскликнул Господь, очищая золотым ножичком апельсин, и потрепал Свою прислугу по плечу (сидя, Он был с Ангелами одного роста). – У тебя левая ладонь чешется. К деньгам.

– Господи, да на кой нам деньги! – сказали оба Ангела, – Разве Ты не всемогущ?

– Вам видней, – сказал Господь и, зевнув, посмотрел на Энроф. – А эти там, астрономы, всё вычисляют кривизну пространства? Ну-ну. – Он помолчал, затем, отправив в рот ломтик сыра, добавил: – До чего приятно быть человеком – пить вино, есть фрукты, читать книги! Хотите апельсин?

– Не-ет, – отвечали Ангелы, – мы сытые.

– Ну, дело ваше.

Он поблагодарил Своих официантов, и те ушли во двор, растворив в своих широких рукавах пустую бутылку и тарелку с апельсиновой кожурой. Господь раскрыл книгу и погрузился в чтение. И вот что Он прочёл:

Видимость отсылает к целому ряду своих проявлений, а не к скрытой реальности, которая вбирала бы в себя всё ***бытиё*** *сущего*[2].

– По-русски это не ахти, – пробормотал Господь. Из книги вышел Ангел Сартра, автора вышеприведённых, а также нижеследующих строк:

Доколе можно было верить в ноуменальные реальности, видимость считали чистой отрицательностью. Она была "тем, что не есть бытиё"; у неё не было иного бытия, кроме бытия иллюзии и ошибки[3].

– Что тут сказать? – Господь пожал плечами и поглядел в ясные глаза Ангела. – Он до сих пор того же мнения?

– Увы, – ответил Ангел автора книги. – Пишет толстенную книгу в том же духе; он считает, что не умер, а кругом тот же Париж, только намного более *тошнотворный*… Тем более что эта скотина Гортхаур позаботился о создании соответствующих условий.

– Ты поосторожней с эпитетами. Гортхаур пока у власти в своей стране!

---

[1] Мойра – др.-греч. богиня Судьбы.
[2] См. Сартр, Бытиё и Ничто, М.: Терра, 2002, с.20, – *ред*.
[3] Там же.

– Прости. Я постараюсь, – сказал Ангел.

– А что до твоего подопечного – бумаги не жалей, пусть пишет. Но используй каждый его промах *в Мою пользу*; не проворонь его, дружок! И не плачь! – Господь прижал к Себе Ангела Сартра, так что Сартр сладко вздохнул в своём тревожном загробном бытии. После чего Ангел поцеловал Бога в щёку и ушёл обратно в книгу.

Дама продолжала невозмутимо вязать, а кот Фигаро вдыхал ароматы нового дня. Розовые блики нежно легли на переплёты книг в книжных полках, занимавших целую стену, на хрустальную вазу с цветами, на фолианты и гроссбухи, наваленные на этажерке, на клавесин, на кота, на чело Прекрасной Дамы, сидящей в кресле шагах в десяти от Него.

Со двора доносятся разные звуки: хозяин рубит дрова для камина, две его сестры с коромыслами на плечах о чём-то болтают с Ангелами и хохочут.

§ 2. *Досье блудной овцы.*

They perished in the seamless grass,
No eye could find the place;
But God on his repeallest list
Can summon every face.

Emily Dickinson[1]

Дама приехала сюда ночью; в апартаменты, где находился в гостях у друзей Её Сын, кучер внёс Её чёрный, украшенный сапфирами саквояж и, поцеловав Ей руку, удалился. Она прислушалась к стуку копыт и колёс отъехавшего экипажа.

Господь сидел в кресле у зажжённого камина и задумчиво созерцал огненные языки. Время от времени Он комкал какие-то бумаги и бросал их в огонь. Некоторые из бумаг сгорали сразу, другие долго топорщились, как бы не желая сгорать, третьи становились совершенно чёрными, шипели и щёлкали, словно злясь на Того, Кто уничтожал их. Рядом стояло такое же кресло (синяя обивка, золотые подлокотники), между кресел – зеркально-чёрный журнальный столик, на нём – бутылка, полная какой-то синей, как купорос, жидкости, и два высоких прозрачных бокала. Бутылка была без этикетки. Дама села в свободное кресло и, подвинув к Себе саквояж, достала из него разноцветную пряжу и две серебряные спицы. Она была одета в изящное, цвета ультрамарина, платье длиной до самых Её туфель, как бы хрустальных. Тёмные волосы собраны и почти не видны из-под сиреневого в золотых звёздах платка, покрывавшего голову и плечи. Положив клубки и спицы на столик и откинув платок на спинку кресла, Дама потянулась, устроилась поудобнее и тоже принялась глядеть на

[1] Исчезли. Где – утаено
Сомкнувшейся травой;
Но Бог всех вызовет, зачтя
Нетленный Список Свой.
(пер. с англ. Н.Рябовой)

огонь. Слышалось лишь потрескиванье головёшек и вышеупомянутое сопротивление некоторых бумаг.

– Рад Тебя видеть, Мириам, – не повернув головы, сказал Господь. – Всюду таскаешь Свою знаменитую *каабу*[1]? – Так Он называл Её чёрный саквояж.

– Здравствуй, Малыш! – ответила Дама. – Что это Ты делаешь в столь поздний час?

– Да вот, уничтожаю некоторые Списки, а они спорят со Мной. Ведомство Гортхаура взывает к моей *справедливости*!

– Это печально.

– К тому же этих списков – взгляни на этажерку, – уже набралось такое множество, что Я начинаю подумывать о более основательном способе одурачивания Гортхаура. Ведь и его полку прибывает!

– Его, пожалуй, одурачишь! – скептически заметила Прекрасная Дама.

– С тех пор, как он стал Гортхауром, Мы с Отцом только и делаем, что его дурачим, – сказал Её собеседник.

– М-да. Как и Я со своей *каабой*… Что это Ты пьёшь такое синее? Ты так неотступно думал обо Мне, что Я решила Тебя навестить. Ты устало выглядишь, Сынок.

– Спасибо, что отозвалась. Что Я пью? На, попробуй, – Он налил Ей полбокала синей жидкости. – Это странное вино.

– Твоё здоровье, Малыш! – Она немного отпила, не чокаясь. На том свете не чокаются.

– Я действительно немного устал, – сказал Господь. – Иногда передо Мной ставят вопросы, от которых поневоле устанешь. С тех пор, как Ты сделала Меня Человеком, Я стал лучше чувствовать то, что тревожит людей. Ангелы приносят Мне гроссбухи, из которых Я вырываю эти листы… На них тысячи имён – жертвы Гортхаура! Ангелы сами не решаются их сжигать.

– Почему?

– Видишь ли, они не вполне уверены в том, что, возвеличивая Милосердие (как это принято называть), Мы не нарушаем *общего плана* Отца. Ведь это Он Сам внушил им *порядочность* и, следовательно, любовь к Справедливости… А погляди, что из этого вышло? Один из самых порядочных, которого некоторые называют Гагтунгром[2], воздвиг целую державу, где орудуют господа с неудовлетворённой испорченностью. Они карают умерших за малейшее отклонение от *нормы*, как её понимает Гортхаур…

– Да, он тот ещё бюрократ! – согласилась Дама. – Но Я-то знаю, как и всегда знала, что этого не было в Начале и не будет в Конце. Я иногда спрашиваю Отца, а Он улыбается в ответ и молчит…

---

[1] Кааба – чёрный метеорит, святыня мусульман. Они полагают, что Кааба черна от их грехов перед Аллахом.

[2] Гагтунгр – у Д.Андреева, в *Розе мира*, имя планетарного демона Земли. Д. Толкиен называл его Гортхауром. Дама назвала его Мышиным Королём (см. сказку Гофмана *Щелкунчик*).

– Да, но как назвать то, о чём Он молчит? Помнишь, Мириам: *Безымянное есть начало Неба и Земли, обладающее Именем есть мать всех вещей…*[1] Может, это…

– Не надо, не называй! – прервала Его Мириам, сделав останавливающий жест. – Посидим так просто.

Они помолчали.

– Но Ты не этот вопрос имел в виду, не вопрос о *порядочности*?

– Я имел в виду вот что. По-человечески Мне понятен страх перед смертью, и Я вкусил его в полной мере… Но есть на Земле такие странные люди, которых пугает понятие *бесконечности*! А стоит им додуматься до *Первопричины*, стоит поверить в *Нас*, они попадают в ещё больший тупик: если, говорят они себе, Творец в Своей Сущности пребывает вне міров, которые Он творит, то сама эта Сущность – *откуда* Она? Им говорят: от Бога. *А откуда, в таком случае, Бог*? – спрашивают они.

– Не для ума это дело, – сказала Дама.

– Во всяком случае, – сказал Её Сын, – этот вопрос ставят *люди*, существа, которых Я спасаю от крючкотворства Гортхаура… Вот, например, помнишь ли… был такой Хайдеггер, сын звонаря из Месскирха?

– Да-да, помню. Его зовут Мартин[2]. Один из Моих протеже.

Господь присвистнул. – Браво! Все они, что ли, Твои протеже?

– Ну, а как Мне быть! – улыбнулась Дама. – Впрочем, Мышиный Король Моим протеже никогда не станет!.. Так что же Мартин?

– Порвал с Церковью и заладил, как попугай: *Бог умер, Бог умер*! А потом вдруг заявил, что, мол, *вопрошание есть благочестие мысли*. Но если Бога больше нет, то, скажите на милость, кого же вопрошать?

– Ну, с кем не бывает. Он ошибся.

– Профессор-то философии? Я ему тоже сказал: *Вы*, говорю, *ошиблись, профессор*. (Ну, то есть, когда он уже умер.) А с другой стороны… Я Сам часто вопрошаю. Когда Мы творим, Мы ведь вопрошаем. Ты, Отец, Я… Мы ведь не знаем исхода дела! И не пример ли тому любезнейший Гортхаур?

– Но Мы вопрошаем не Друг Друга, а Судьбу! – Мириам задумалась.

Он не ответил и, взяв с этажерки целый гроссбух, с досадой швырнул его в огонь. Потом всё же сказал: – Допустим. Значит, она умнее Нас?

Мириам думала о чём-то другом, краем глаза следя за Энрофом. – А Мне вот некогда вопрошать… Всюду – война. Всюду – жертвы.

– Но разве Тебе не важно – кто Ты, почему именно Ты; не говоря уже о *масштабах* – этого они никак не возьмут в толк! Вот Ты сидишь в кресле и пьёшь вино, и при этом от Тебя не ускользает ничто из происходящего в мірах? Имеем ли Мы Трое *судьбу*? Но тогда наша судьба *божественнее* Нас!

---

[1] Цитата из русского перевода "Дао-дэ-цзин", § 1.

[2] Речь идёт о Мартине Хайдеггере, немецком философе (1889-1976).

– Не знаю, может быть, есть вещи, которых Я не замечаю, – сказала Мириам.

– Это Тебе кажется! Но, как ни спорит со Мной Гортхаур, Хайдеггера Я ему не отдам!

И Они стали смотреть, как пламя медленно и неохотно пожирает громадный талмуд, на котором готическим шрифтом написано по-немецки: *Дело Хайдеггера*.

§ 3. *Провидение.*

"Ну, не кощунствуй, Бах", – говорит Бог.
"А Ты дослушай, Бог", – говорит Бах…
Из песни А. Галича

Такой вот странный разговор имел место минувшей ночью в одной из комнат того дома, где остановился на пару дней Господь міров и эгрегоров. Он-то и есть Сын вышеозначенной Дамы и Творца всего сущего.

Ну, а теперь пора ввести в повествование Клерка – это, собственно, наш главный персонаж: затюканный сорокалетний невротик, который облюбовал для своего электронного почтового ящика кличку ***klerk*.** Этой кличкой мы и будем его называть.

В ту же небесную ночь Господь вспомнил о рабе Своём Клерке. Он налил Себе и Мириам синего вина и предложил выпить. Мириам-Богородица задумчиво поглядела сквозь Свой бокал на огонь.

"Закат над Киннэрэт", – подумала Она[1].

– А кроме Киннэрэт, что Ты видишь? – спросил Он, потрепав по загривку Фигаро, вернувшегося с улицы и прыгнувшего к Нему на колени.

Она увидела Клерка, который угрюмо передвигается по Тверской улице и тащит за собой по грязному снегу ржавую тележку с просроченными продуктами для верующих пенсионеров. Вся его жизнь пропитана печалью и абсурдом. В свои сорок лет он сам себе кажется угасающим пенсионером, которого подкармливают полупрокисшим молоком никому не понятных *вероучений*. Он влачит неуклюжую тележку и внутренне бунтует.

– Я вижу… – молвила Мириам. – Он думает о том дне, когда Ты шёл на казнь. О Симоне Киринеянине. Об инквизиции. Об Индексе запрещенных книг. О Варфоломеевской ночи.

– А ещё?

– О своей второй половине и о бессмысленности происходящего.

– И?

– И ещё я вижу… девушку с золотистыми волосами. Она живёт в Париже, недалеко от Сакре-Кёр[2]. Она сидит на парапете над Сеной и читает книгу. Sartre, *L'être et le néant*[3], – прочитала Богородица.

---

[1] Киннэрэт – озеро, недалеко от которого расположен Назарет, или Ноцэрэт, родной город Мириам. Другие названия озера – Геннисарет и Тивериадское.

[2] Сакре-Кёр – католический храм *Святого Сердца Иисуса* в Париже на холме Монмартр

– Вот как? Ты и её видишь?

Мимо Клерка проходили изысканно одетые барышни, и он, застенчиво горбясь, грустил о том, что ни одна из них никогда не станет его женой и даже сестрой; они глядят на меня с жалостью, ведь я одет, словно бомж, они думают – что это у него в телеге? Он мечтал. Он представлял себе Монмартр, родину кота Фигаро; вспоминал, как два года назад получил загранпаспорт и как ему не хватило ста долларов на паломничество в Тэзэ, во Францию. (*Паломничество во Францию* – подумать только, какой оксюморон[1]!) Никогда у меня не было сестры, да и жена была… не моя, а чужая. Может, и любила меня год-другой… Она ведь была моей единственной женщиной; остальные – просто знакомые дамы. Никогда не иметь собственной комнаты. Вечно вокруг родня, ворчащая из-за моих книг. Если б раздобыть ноутбук[2]! Он закуривает на ходу. В кармане лежит флакончик с транквилизаторами. Он принимает их вот уже восемнадцать лет. С горечью вспоминает он дикую нудистскую бухту в Крыму, куда четыре лета подряд он ездил вместе с *мадам* (так он называл свою бывшую жену) и её двумя детьми, которые давно уже выросли.

Мириам отпила немного.

– Похоже, ему больше нечего там делать, – сказал Бог.

– Ты полагаешь? – Богородица подумала о последней исповеди Клерка в костёле в Милютинском переулке. – Мышиный Король окружил его основательно. В таком состоянии ему нельзя умирать …

– У Гортхаура разработан детальный план, как превратить его… в *чёрную дыру*. Действительно, жаль его. Он много думал о Божественном, но не любит церковных людей. Он злится и называет их *клерикалами*…

– Прибегая при этом к Таинствам и словно забыв, что *клерк* происходит от *clericus*[3], – заметила Богородица.

– Может, всё-таки отправить его в Тэзэ[4]? – сказал Господь.

Чуть позже, устав от возни с бумагами, Он сел у Её ног и положил голову к Ней на колени; Мириам гладила Его по голове, собравшей міры, и говорила: *Спи, Мой Малыш, ничего не случится*! И пока Он спал (а Фигаро занял Его кресло и смотрел на языки огня, лизавшие досье Хайдеггера), Она следила за Энрофом, оберегая его от всякого зла, и думала об Отце.

---

[3] *Сартр* "Бытие и Ничто" *(фр.)*

[1] Оксюм*о*рон – соединение противоположных значений в одном выражении.

[2] Портативный компьютер в виде плоского чемоданчика.

[3] Церковный служка *(лат.)*

[4] Тэзэ – протестантская община недалеко от Клюни в Бургундии (на Юге Франции); место паломничества экуменически настроенных христиан.

§ 4. *Сон. Синее вино.*

Хари: *"Нет, это не сны. Это как-то так, вокруг…"*
Крис: *"Наверное, это всё-таки сны."*
(Из к/ф "Солярис")

А снилось Ему вот что.

Он увидел Свою Божественность: последняя представляла собой как бы маленький и то и дело меняющий цвет ёлочный шар, висящий на детской ёлке; время от времени к ёлке подходил какой-нибудь задумчивый ребёнок – мальчик или девочка – и минут пять строил рожи, глядясь в шарик, как в выпуклое кривое зеркальце. Один мальчуган, однако, долго смотрел на шарик без всяких гримас, словно хотел чего-то там такое высмотреть. И вдруг. Мальчуган оказался… внутри шарика! Что же, вы думаете, он там узрел? Во-первых, небольшую залу, выложенную со всех шести сторон разноцветными зеркалами. Во-вторых – посредине залы – три королевских трона (такие он видал прежде в мультфильмах): синий, белый и красный. Откуда-то пришёл благородной внешности старец – вылитый автопортрет Леонардо да Винчи; длинные седые волосы и борода серебристыми волнами ниспадали на его синие одежды. Придерживая мантию, он уселся на синий трон и величественно положил локти на золотые подлокотники. Заиграли прелюдию Баха фа-минор, ту, что звучит в к/ф "Солярис". Мальчугана так тронула эта музыка, что он даже всплакнул. Потом появился откуда-то мужчина лет тридцати трёх; на нём была белоснежная мантия, и он сел на белый трон. Остался, правее него, трон красный. Как только умолк орган, как бы соткалась из пространства женщина немыслимой красоты, неопределённого возраста, в сине-голубом платье и сиреневой накидке. Она-то и заняла свободный трон. Затем возник человек с видеокамерой.

– Скажите: *сыр!* – велел он всем троим и начал снимать, глядя в глазок. Они послушно улыбнулись, а оператор говорит: – Ну, поехали! – Скрипки заиграли печальную еврейскую мелодию, и все трое пустились танцевать, взявшись за руки. (Тут Господь во сне подумал, что *сыр* по-турецки значит *тайна*.) Старик танцевал отменно. Это был очень красивый и очень странный танец. Потом оператор сказал: *Стоп!* – вынул из камеры маленькую кассету и, подойдя к мальчику, протянул ему в качестве рождественского подарка.

– Смотри не потеряй! – наказал он, взвалил камеру на плечо и исчез. Мальчик оказался опять перед ёлкой. Рядом гримасничала красивая девочка с фиолетовым бантом в чёрных коротких волосах. – Ты где был? – спросила она, увидев мальчика. – Я? – ответил он. – Я был внутри вот этого шарика. – Умора! – воскликнула девочка и захохотала, держась за живот.

Прошло лет пятнадцать. Мальчик вырос, женился на той девочке, и у них родился ребёнок. И вот, каждый вечер, закончив дела, отужинав и вымыв посуду, они собирались втроём на кухне, включали ноутбук, вставляли в него компакт-диск, на который была переписана кассета, и, потушив свет, смотрели

фильм про ёлочный шар, а бывший мальчик вдруг осознал тот факт, что все трое, которые танцевали, были *евреи*…

Господь проснулся, сел в своё кресло и, протерев глаза, увидел некоторые несоответствия в одном из міров. Минуты две Он исправлял положение, дабы посрамить силы Тьмы; заметим, что в пересчёте на земное время Его две минуты продолжались ровно две эпохи примерно по 70 лет. Проделав эту несложную операцию, Он обратился к Мириам:

– Выпьешь?

– Ну, налей чуть-чуть, – ответила Она. Бог-Сын перегнулся через подлокотник к столику и, взяв бутылку, наполнил оба бокала сине-голубой жидкостью.

– Держи! – Мириам, взяв бокал, опять посмотрела сквозь него на огонь.

– Это вино получше, чем то – в Кане[1], – сказала Она. – Ты опять сделал его из воды?

– Из той, которая над твердью[2]! – Они оба засмеялись.

– Увы, Мои протеже не могут взять в толк Твоих шуток! – печально молвила Мириам. – Они так запутались, что Я порой не соображу, чем же им помочь! Мои *визиты* – предмет первостепенной важности для их психиатров, а богословы – представь только – придумали специальную науку: *мариологию*! Обо Мне! – Она взяла со столика шоколад и стала его грызть, гладя Фигаро, забравшегося Ей на колени. Вспомнив, как этот бедолага застрял в трубе, Она снова засмеялась.

– С чувством юмора у них неважно, – откликнулся Сын.

Мать долгим взглядом смотрит на Сына, и чудесная улыбка не покидает Её губ. Многие отдали бы жизнь за эту улыбку – да на том-то свете что о смерти толковать! – Если б они Нас увидели, то, пожалуй, записали бы Нас обоих в пьяницы и бездельники, – сказала Мириам. – Устроили бы революцию и отрубили бы Нам головы.

– И кричали бы: *Долой трёхголовое чудище*! Отец ведь тоже не прочь выпить!

– Долго Ты пробудешь у Лазаря? – спросила Она.

– Может, ещё дня три.

– Что в Моём бокале?

– Несколько пропащих судеб. Но ведь Ты можешь не пить!

– Разве Я не Твоя Мать? – С этими словами Мириам допила Своё вино и поставила бокал на столик. Среди пропащих судеб значилась и судьба Клерка.

---

[1] Кана – селение в Галилее, недалеко от родного города Мириам. Речь идёт об эпизоде из Ин. 2:1-11.

[2] См. Быт.1:7 – *И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.*

§ 5. *Париж. Мёдон.*

...Разграничение слоев Эдема и Монсальвата основано главным образом на национально-культурных различиях между романскими и германскими народами. Но большая религиозность или светскость деятельности человека вносила в посмертные судьбы людей Западной Европы множество корректив, тем более, что Монсальват возник на несколько веков позже Эдема. Франция находится в промежуточном положении, ее трагедия в том, что у нее нет своего синклита. Одни из восходивших монад поднимались из Франции в своём посмертии в Эдем, другие – в Монсальват...

Даниил Андреев, "Роза мира"*, кн.III, гл. 2.*

К полудню, после завтрака, описанного в § 1.

В раскрытое окно влетел серый голубь. Лазарь покосился на него с опаской. Он ещё не забыл трёх ужасных дней, проведённых в склепе *(см. Иоанн., глава 11)*. Понятно, подумал Лазарь, продолжая настраивать клавесин, настал чей-то черёд. Дай-то Бог!

И действительно, примета вскоре сбылась.

Серый голубь слетел на одну из свай моста, по которому Клерк, сидя в автобусе, въезжал в Париж. Он воспринимал этот город как свою забытую родину, как символ того единственно желанного міра, по которому томился с детства, міра, где можно любить, не боясь безответности и не опасаясь измены, где нет больше насилия, и смерть не страшна. Париж. Да что там говорить – одно слово: Париж. Они едут по мосту через Сену; лиловый мелкий дождь моросит за окном. *И ты не видишь крови, заливающей эти лиловые улицы?* – изумлённо шепчет Лазарь, глядя на Клерка со своих небес. Вот клавесин уже почти не фальшивит. Что бы сыграть? *Дай-ка я!* – Мария, сестра Лазаря, садится на крутящийся табурет и берёт первые аккорды *Лунной сонаты* Бетховена. *Вроде ничего,* – говорит она, – *не фальшивит*. Она встаёт и уходит. *Откуда ему про это знать?* – говорит Господь, входя в комнату. – *Он видит и помнит только хорошее. А это немало, чтобы не попасть прямиком к мясникам Гортхаура…*

Входят Мириам и Марта, хозяйка дома. Через окно забрался Ангел Клерка с котом в руках. Судя по излучениям, Ангел мужского пола. Мириам и Марта сажали в саду деревья, а Господь гулял по округе. Никто Его здесь не предаст. Что-то вечно тянуло Его в эту небесную Вифанию, к Лазарю, Марии и Марте. Конечно, кое-что изменилось; тут вам и клавесин, и камин, и много такого, о чём они и не знали на Земле, что такое бывает. *Откуда ему знать про эти потоки крови!* – продолжил Господь начатую мысль. – *В Москве, идя по грязной улице с дурацкой телегой, он ещё, пожалуй, вспоминал про Варфоломевскую ночь… А стоило въехать в Париж – гляди, как изменился.*

– Плачет? – шепнул Ангел у Саваофа за правым плечом.

– Похоже на то, – сказал Саваоф[1] в лице Сына и обвёл всеохватывающим взглядом помыслы живых существ. Каждый Ангел полагает в своей детской непосредственности, что это именно он в любой момент стоит у Саваофа за

[1] Искаж. евр. от [Адонай] *цэваот* – [Господь] воинств; *цэва* – группа существ; "воинство".

правым плечом, уступая левое своей половине *(ведь Ангелы, хотя и не женятся и замуж не выходят, а имеют (каждый и каждая) свою половину, ведь сущность любви заключается в единстве двух половин)*. Андрогинные[1] проекты Гаттунгра относительно взаимной транспозиции полов, перехода М в Ж и наоборот, – с точки зрения Вечности, это всё пустое.

Юго-Восток Парижа. Набережная Берси, мост. Автобус направился на Запад, к Мёдону. Там некогда охотился бедный супруг Марии-Антуанетты[2], про которую Клерк прочёл минувшей зимой целых три книги. *Вот умру, и разыщу всех королев-мучениц,* – подумал Клерк, когда читал эти книги. *А ещё я разыщу Роми Шнайдер*[3] *и Хайдеггера; где бы они ни были – может, я смогу им помочь…* Он думал так лишь потому, что продолжал считать себя верующим христианином и – как и подобает таковому – мысленно предполагал, что вероотступники (в данном случае, Роми Шнайдер и Мартин Хайдеггер) автоматически попадают в Ад или в Чистилище; вот почему надо их оттуда *вытаскивать…*

– Это несколько самоуверенно с его стороны, – заметили Силы Небесные. – Ну да ладно! – Общеизвестно, что Силы Небесные зараз помнят обо всех существах, вникая в каждую деталь происходящего. Но ради удобства изложения приходится ограничиться лишь той гранью Их памяти, что связана с судьбами наших персонажей.

Шофёры автобуса показывали путешественникам кино. Штирлиц вёз пастора Шлага на границу Швейцарии. По радио Эдит Пиаф пела песню *La vie en rose*[4].

– Нет, это полный упадок нравов! – возмутился пастор. Он сидит в лыжном костюме на правом переднем сиденье – Так говорят на рынках!

Штирлиц, невозмутимо покручивая руль, защищает Эдит Пиаф. Пастор в ответ:

– Это в вас говорит снисходительность…

– Во мне говорит любовь к Парижу!

За окнами автобуса – Мёдон, памятник Рабле. Клерк приник к стеклу, за которым продолжается дождь. – *Гляди, как он робок,* – шепчет Ангел. – *Как Ты думаешь, кого он любит по-настоящему: свой Париж или Того, которого он привык называть Тобой?* – Господь: – *Я надеюсь, что он Меня любит… Меня, а не Париж! – Хорошо, если так,* – сказал Ангел и окликнул свою вторую половину. Это была Ангел одной парижанки, той самой, что читала Сартра, сидя на парапете. Вы скажете, что так не может быть, чтобы… впрочем, какое мне дело до вашего скепсиса! Ведь вы же не думаете, будто Бог сотворил небеса и землю за шесть календарных дней?

---

[1] Мужеженские *(др.-греч.)*

[2] Королева Франции, жена короля Людовика XVI-го. Оба обезглавлены в 1793 году.

[3] Французская киноактриса (1938-1982)

[4] *Жизнь в розовом цвете (франц.)*

§ 6. *Совет Ангела. Брюнетка.*

Господь взглянул на внутренние міры попутчиков Клерка, ехавших из Москвы в Тэзэ. Они оживлённо болтают; Париж уготовал им какие-нибудь особенные радости. Две пожилых дамы с научной основательностью обсуждают достоинства зарубежных супермаркетов – у них много родни, нужно прибарахлиться. Очкастый доктор с кинокамерой на плече, отхлебнув из бутылки баварского пива, подумал о Булонском лесе: там каждую ночь в машинах дежурят весёлые парижанки *(он прикинул, сколько у него валюты)*. Рвануть, что ли, вечером туда? Господь: – *Это Мы тебе устроим*. – И, позвав Ангела очкастого доктора: – *Не беспокойся, я о нём позабочусь чуть позже. Ты же не забыл, что у него дома больная мать?* Ангел: – *Я могу закрыть ему свадхистхану*. – Бог: – *Где вы только набираетесь таких выражений! – Я хотел сказать, что он передумает ехать в Булонский лес. – Тогда ему будет намного хуже. Нет уж, пусть и это будет исчерпано!*

В небесную комнату вошла брюнетка с оранжевым кувшином в руках и в зелёном платье. В кувшине молоко – брюнетка давеча доила корову. *Ну как?* – спрашивает Господь у брюнетки. *Как обычно*, – отвечает она. – *Хочешь молока?* – *Давай*. Она наливает в чашку. Изгибы её фигуры синхронизируются с контуром кувшина. Господь пьёт молоко. Тем временем небесная доярка садится на пол у ног Мириам и прижимается к ним щекой. Наклонившись, Мириам целует брюнетку в ароматный затылок. Его запах похож на запах церковного ладана. Она долго была в храме; где-то там, внизу. Гомо-религиозусы сидели на скамьях, благочестиво-любопытствующими взорами сверля Дарохранительницу, и не видели брюнетки. Дама прислушалась к плавной игре органа на хорах Нотр-Дам. Мёдон – это предместье Парижа; когда-то здесь жил Рабле. *Я ухожу в великое Может Быть*, – сказал он перед смертью. Теперь тут проживают господа побогаче; больше не льётся кровь католиков и гугенотов, не пахнет горелым мясом еретиков, не летят головы с плах. Вместо карет – автомобили. Клерк во Франции. Увидеть Париж и умереть. Их приютили в иезуитском монастыре с экуменическим уклоном. Клерк сидит на стуле, у входа в небольшой флигель, куда настоятель определил мужскую часть автобуса, семь человек. Закинув ногу на ногу, он сидит на стуле посреди зелёной травы, и, дымя сигаретой, вяло просматривает книгу, лежащую у него на колене: Карл Густав Юнг, Ответ Иову, Москва, 1995. Ангел поёжился. *Хочешь взглянуть?* – Господь: – *Ну?* – Перед Ним появляется вышеозначенное издание, раскрытое на стр. 120-ой. Ангел, положив подбородок на правое плечо Всевышнего, следит за движениями души Клерка. *Тот, кто впервые слышит об аморальности Яхве здесь, ещё сильнее будет изумлён пониманием Бога, которое демонстрирует Иов. Но все эти капризные смены настроений и губительные припадки гнева Яхве известны давным-давно. Он зарекомендовал себя как ревностный блюститель морали…* Клерк нервно затянулся. "Это я-то

паломник? Хорош, нечего сказать!" С одной из монастырских крыш спрыгнула чёрно-белая кошка и, подойдя к стулу Клерка, потёрлась о его чёрные брюки.

А что если отправить его в Амаркорд? – спросил Ангел. (Федерико Феллини, когда жена вытащила его из дуггура[1] и он проезжал по Среднему Ярусу – как раз, где-то над Францией, сказал, что эти места напоминают ему Амаркорд[2], правда без всего того, что как раз и привело его самого в дуггур и, конечно, без всяких диктаторов. *Амаркорд* на родном диалекте Феллини означает *я вспоминаю*; можно также услышать в этом слове другие слова: *амаре-аморе-маре-кордо-рикордо-куоре*[3] и т.д. Обитателям тех краёв очень понравилось это слово, и с тех пор они считают себя *амаркордцами*. И даже производят в честь супругов Феллини ликёр под названием *Ночи Кабирии*.) *Ведь это страна воспоминаний, как раз между Эдемом и Монсальватом,* – сказал Ангел. – *Она ещё не вполне сформировалась, и этот парень – из тех, кто мог бы там пригодится*. Господь спросил: – *Он достаточно больной, чтобы миновать дуггур?* – Ангел: – *Ни то, ни сё: в общем, невротик.* – И добавил, усмехнувшись: – *Тщетно борется с кундабуфером*[4]. – *Бедняга,* – пробормотала брюнетка и потёрлась щекой о платье Мириам.

§7. *Клерк уезжает.*

Кошка потёрлась носом о штанину Клерка. Он принял решение съездить в Буасси – на могилу Роми Шнайдер. В её лице он поклонился бы всем остальным, чьи могилы он посетить не успеет. Паломники проторчат здесь два дня; завтра к вечеру Клерк обещал вернуться. Притушив сигарету о землю, он завернул окурок в конфетный фантик (дома ему насовали в сумку разных конфет). Затем, повесив на плечо сумку, он заглянул в изысканный иезуитский туалет и спустил окурок в унитаз. Вода перестаёт течь из крана через каждые две минуты, приходится намыленным пальцем нажимать кнопку (там такая система экономии). *Оставлю большую сумку с барахлом, а с маленькой сумкой поеду в Буасси, разве только пройдусь немного по Парижу. Они отвезут моё барахло в Тэзэ, и я своим ходом доберусь туда из Буасси. Впрочем, хрен его знает, где это. Сорок девять км от Парижа, но в какую сторону? Там спрошу.* Он выходит на улицу Порто-Риш. – *Направь его так, чтобы он вышел к бульвару и к церкви*. Ангел кивнул. Тем временем Господь и Дама посмотрели друг на друга через разделяющее их пространство. Они увидели, как герцог Гиз наступает ногой на мёртвое лицо адмирала Колиньи; увидели всё, что было в этом городе с кельтских времён до времён Клерка. Но нет, он не чувствует, что шагает по земле, пропитанной кровью; здесь живут теперь богатые господа, потомки русских эмигрантов, очень либеральные (если только вы не заритесь на

---

[1] Согласно Д.Андрееву, страдалище для тех, кто был подвержен сладострастию.

[2] Название к/ф Феллини.

[3] Горький-любовь-море-струна-воспоминание-сердце *(итал.)*

[4] Термин оккультиста Г. Гюрджиева. Составлен из слов *кундалини* (сексуальная энергия, *санск.*) и *буфер*.

их барахло), очень дружелюбные (т.е. им, в сущности, наплевать на факт вашего существования, и это хорошо, ведь, кроме их равнодушия, вам ничто не угрожает). Они не читают Рабле, зато знают, как проехать на лимузине к его памятнику; у них кредитные карточки, спутниковый Интернет. Зачем им Может Быть? Так говорил сам с собой Клерк, ворочая во рту сигаретой и шагая по бульвару в сторону станции.

Перейдя площадь, Клерк остановился перед небольшим храмом. Прекрасная Дама склонилась над этой сценой и слегка дотронулась до затылка Клерка. Это храм Успения Девы Марии (а кто, по-вашему, эта Дама?). Он боязливо отворил тяжёлую дверь, вошёл и осмотрелся. Никого. Пустые скамьи с проходом посредине. Вон там, в глубине алтаря, оранжевый огонёк: Дарохранительница. Клерк опустился на правое колено и перекрестился по-православному, никого ведь не было. – *Понавыдумывали!* – злобно сказал он сам себе и, пройдя вперёд, примостился на край скамьи. А Прекрасная Дама задумчиво осматривала всё вокруг: статуи, иконы, свечи, прибран ли пол, что за деньги в свечном ящике. Брюнетка встала с ковра и пошла поправить свечу. Дама оглянулась: кто-то звал Её с улицы; Она только оглянулась, а Клерк вдруг почувствовал тоску. – *Вот уже и тоска по родине,* – сказал он себе. – *Ладно, пойду*.

Станция *Белльвю*. Бонжур, мсье! Бонжур! Сильвупле, эн тикэ пур Монпарнас. Прэнэ, сильвупле! Пардон пур мон франсе си маль, мсье! Мэ нон, ву парле трэ бьен, трэ бьен![1] – *Из разговора Клерка с негром-кассиром в окошке кассы Белльвю.* – Электричка; Клерк, сев у окна, рассматривает предместья Парижа. Третья станция – конечная: вокзал Монпарнас.

Из записей Клерка: *От вокзала Монпарнас я шёл пешком в сторону Сены, то и дело останавливаясь и разворачивая карту Парижа. Я наметил три цели: Монмартр, Месса в Нотр-Дам и, наконец, автостопом добраться до Буасси-санз-авуар. Завтра уже июнь – а ещё в январе, развозя продукты в ржавой телеге, я и предположить не мог, что всё так странно обернётся: что за полсуммы меня от храма привезут прямо в Париж и что я буду вот так идти по нему. Думаю, денег хватит, если до Буасси кто-нибудь подвезёт. Вот и Сена. <…> Посетил пляс Пигаль и базилику Сакре-Кёр – собор мне показался сплошным уродством (в отличие от забегаловки, в которой хозяин дал мне штопор открыть бутылку вина, что я купил по дороге). В том кафе я ещё купил огромный сэндвич с овощной начинкой, думаю – его хватит до завтра. <…> Я сижу в вагоне метро, следующая станция – Шатле. По дороге купил за 30 франков новую чёрную сумку с надписью Paris-France; переложил в неё барахло из старой драной сумки, которую похоронил в мусорном ящике. Надеюсь попасть на мессу в Нотр-Дам. <…>*

[1] Добрый день, мсье! Пожалуйста, билет до Монпарнаса. Возьмите! Простите мой плохой французский! Но вы отлично говорите, отлично! (фр.)

§ 8. *Голландский кюре. Буасси.*

…sous le pont Mirabeau
coule la Seine
et enleve
nos amours…
/Apollinaire/ [1]

Барышня с золотистыми волосами сидела на парапете над Сеной и с видимым напряжением читала книгу: *Sartre, L'être et le néant.* Клерк прошёл мимо неё с сигаретой в зубах. Их Ангелы в этот момент сидели в двух разных Ярусах на Небе и тосковали, пытаясь понять замысел Вседержителя. Девушка встала и ушла в сторону метро. А Клерк, постояв на мосту, осторожно вошёл в громаду Нотр-Дам-дэ-Пари. Навстречу важно, словно индейский вождь, шагал старый священник, и Клерк, сам не зная, откуда у него взялось мужество так поступить, обратился к нему по-французски: *Мон пэр, пардонэ-муа, мэ ж'э бэзуэн… де конфессе*[2]! – Кюрэ внимательно посмотрел на Клерка и, показав ему жестом идти за ним, ни слова ни говоря повернулся и пошёл обратно в собор. Там он вошёл в исповедальню, а Клерк встал на приступочку с другой стороны и заговорил сквозь решётку. Он спросил, можно ли по-английски, так как этим языком он владеет лучше. Кюре сказал, что можно, и спросил, откуда приехал Клерк, а узнав, сообщил ему, в свой черёд, что его родная страна – Голландия. Клерк сказал, что он как раз, в числе прочих языков, месяц тому назад начал изучать и нидерландский и что, кроме всего прочего, его любимый художник – Ван Гог, и что церковники (clerical people), из-за которых Ван Гог отошёл от христианства, настолько же далеки от Христа, насколько Ван Гог в своих картинах к Нему близок (they are inasmuch far from Christ, as Van Gogh is close to Him in his canvases). Потом Клерк назвал три-четыре греха и попросил у Бога прощения и силы начать всё заново и позволения причаститься. Кюре прочитал формулу отпущения грехов, спросил, как зовут Клерка, и благословил его. Клерк спросил, как зовут голландского кюре – for memory (на память). Кюре сказал, что его зовут точно так же, как любимого художника Клерка, – father Vincent, отец Винсент (пэр Вэнсан).

Спустя минут сорок действительно началась Месса. Народу была прорва, всё туристы. Когда епископ, после *Отче наш*, сказал: *Saluez l'un l'autre avec la paix et l'amour*[3], туристы продолжали стоять, как истуканы, не поворачивая голов и не протягивая друг другу рук, словно первый раз пришли на Мессу. Потом зазвучала та самая прелюдия Баха – из к/ф "Солярис", любимая Клерком. Под эту-то музыку, замирая от счастья, Клерк принял облатку из рук епископа. Он искал глазами своего голландского кюре, но, видно, тот уже ушёл. В другую повесть, быть может. Как и печальная блондинка с Сартром в сумочке.

---

[1] Под мостом Мирабо течёт Сена и уносит наши любови (Аполлинер)
[2] Отец, простите меня, но мне бы нужно… исповедаться! (фр.)
[3] Приветствуйте друг друга с миром и любовью (фр.)

<…> Поезд от Монпарнаса; билет до станции Лез Ивелин – денег осталось в самый раз до Мёдона (ещё застану там своих завтра утром, чтобы ехать вместе на автобусе в Тэзэ, однако в Тэзэ придётся жить на всём казённом, т.к. не хватит даже на бутылку вина, – хорошо, запасся табаком ещё в Москве); вечер, я голосую на шоссе; в конце концов, остановился дружелюбный и безмолвный француз на сером "Фольксвагене"; он и довёз меня прямо до посёлка Буасси-санз-авуар, т.к. направлялся в Париж со стороны Гарансьера; вот я и добрался до вас, дорогая фрау Роми. <…>

Такова последняя запись Клерка. У могилы Роми Шнайдер и её сына Давида Клерк достал из сумки заветный, перевезённый через границу четвертной и пачку "Беломора", дабы совершить сугубо российский ритуал поклонения всем тем, кого он любил, *невидимым друзьям сердца*, которые похоронены во Франции и вообще в Европе: королям и королевам, а также их жертвам; актёрам и режиссёрам, философам и шансонье, художникам, поэтам и музыкантам. По неизвестной Клерку причине всё лучшее, о чём могла рассказать ему Франция, сконцентрировалось для него в образе кинозвезды Роми Шнайдер, австрийки. Судьба австрийских дам во Франции всегда была незавидна – тем незавидней, чем более знаменита была дама. Тут он подумал: куда я лезу со своим свиным рылом в калашный ряд! *Как, по-твоему, это скромность или больше кокетство?* – поинтересовался Господь у Ангела. *Не знаю, теперь уже трудно понять; нитка вот-вот оборвётся…* В эти минуты Прекрасная Дама вновь села в кресло у окна и принялась довязывать какой-то узор. *Видишь тот узор?* – спросил Господь. Ангел: *Вижу*. Господь: *Сейчас довяжет петлю – и привет!* Ангел: *Тут он и грохнется? – Ты подобрал точное слово. Иди потихоньку навстречу, только слугам Гортхаура особенно не перечь: закон свободы должен соблюдаться даже в столь напряжённый для человека миг.* – Ангел поклонился и пошёл устраивать дела своего подопечного. "Хорошо, что после исповеди он ничего ещё не успел испортить, – думал Ангел. – Однако туго ему придётся в здешних снах…"

И как только Дама закончила одну петлю на узоре и собиралась взяться за другую, на кладбище в Буасси произошло следующее: наш герой умер от инфаркта шагах в трёх от праха Роми Шнайдер. Падая, он выронил из рук четвертной и дымящуюся папиросу. Отец его умер, когда Клерку было 10 лет, тоже куря папиросу, но в России. Дама зевнула и пошла ставить чайник: приближались небесные сумерки. Чуть позже они все соберутся: Марта, Лазарь, Мария, Мириам и Господь; сядут за стол на веранде и будут в задумчивости пить свой небесный чай, в то время как Фигаро дадут настоящей небесной рыбы. Взору Клерка это закрыто, к тому же он умер и ещё не вполне очухался в новых для себя обстоятельствах. Одно он понял: смерти и в самом деле нет – один только краткий миг утраты сознания, – а потом вы опять всё сознаёте. Первое, что он осознал вслед за этим, – это что загробный мiр как две капли

воды похож на земной: там имеется почва, там есть небо над головой (и голова!), там есть тело и одежда, там есть ландшафт и даже *погода*! Моросил дождь; Клерк стоял на земле, усыпанной палыми листьями, в какой-то роще (что заставило его усмехнуться, так как, помните, *земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу*[1])… На плече у Клерка висела новая сумка с надписью *Paris-France*, но вот четвертной и зажжённая было папироса остались рядом с его трупом – там, внизу. Делать было нечего в этих сумерках, под этим привычным дождём, и Клерк в некоторой рассеянности пошёл куда глаза глядят, сквозь смешанный хвойно-лиственный лес. Достал папиросу и, наклонившись от моросящего дождя, щёлкнул зажигалкой. От папиросы пошёл синеватый дым; он терялся в сумерках, между стволов осин и елей, и запах у этого дыма был похож на запах костра или какого-то индийского благовония (в Москве Клерк покупал такие палочки – сандал, лотос, мирру – и жёг их в квартире, когда бывал один и позволял себе покурить на кухне: родня не выносила табачной вони). Когда совсем стемнело, Клерк начал беспокоиться и, перестав различать предметы, подумал, что не худо бы помолиться. Но, как назло, не мог вспомнить ни одной молитвы; *когда я умер*, сказал он себе, *где я был? Возле могилы Роми Шнайдер. Боже мой!*

– *Фрау Роми, если вы живы, спасите меня, помогите мне выбраться отсюда!*

Эта фраза сложилась как бы сама собой. Он стоял, держа в пальцах дымящуюся папиросу и всматриваясь в мрак, уже начинавший пугать его. Одежда насквозь промокла. Но зонтик всё равно лежал в сумке, и, открой он её, намокли бы тетрадки и книги. Тут ему стало вдруг обидно, что загробная жизнь такая сырая, сумрачная и, в сущности, *пустая*; он сел на что-то типа пня и тихонько заплакал.

§ 9. *Загробный автостоп.*

Т.н. "вечный ад" придумали
т.н. "добрые" для т.н. "злых".
Н. Бердяев

Той тихой ночью, взяв с собой колли, которого мне подарила императрица Сисси, я села в свой старый Мерседес и, закурив мятную сигарету, поехала сама не знаю куда – меня выгнала из дома непонятная тревога: словно кто-то нуждался во мне в этот час, так что пришлось отложить рукопись в сторону (я продолжаю свой дневник, который оборвала моя смерть и который теперь снова со мной, хотя всё так изменилось!). Прежде чем включить двигатель, я достала из сумочки последние несколько писем (от мамы, от бабушки и от Давида, моего сына) и внимательно перечитала их, стараясь понять – не в них ли причина моей внезапной тревоги. Но причина была где-то ещё. Я прочла свою обычную молитву, которой меня научили ещё в монастырской школе, и поехала

[1] Первые два стиха "Божественной комедии" Данте в пер. М.Лозинского.

прямо по освещённой автостраде, проходящей в двух километрах от моего коттеджа и связывающей Эдинбург, Париж и Вену (может, вернее сказать – их "отражения" в том міре, где я теперь). Шоссе было вымыто прошедшим ливнем; асфальт отражал огни фонарей и фар. Я включила радио. Играли на скрипке первую часть *Лунной сонаты* Бетховена; колли (я так и не назвала его до сих пор) разлёгся на заднем сиденье и задремал под музыку. Как мне вскоре показалось, этот неясный зов шёл откуда-то со стороны Буасси – там находится могила: моего сына Давида и моя. Многие приезжают туда с цветами; время от времени приезжает Ален[1], который всё там и устроил. Он постарел… Скоро все мы тут соберёмся, подумала я; но им пока и в голову такое не приходит. Я сама с этим помучилась – не могла понять; так велика сила сомнения, что оно меня преследовало даже здесь. Однако этот странный зов не умолкал. Что ж, поеду в направлении Буасси, сказала я себе. Теперь ту же мелодию заиграли на фортепьяно, не знаю почему: она вдруг зазвучала как-то гулко и отчуждённо, словно кто-то одинокий заблудился в лесу и не знает, куда идёт. Мне представился слабый тщедушный человек, который больше не смог жить – и умер. Разве не была и я сама в сходном состоянии? Им кажется, будто я всегда была сильной натурой (мало кто знал, насколько я хрупка: на днях я слышала интервью с Анни[2], в котором она назвала меня *хрупкой Роми*; она меня почувствовала). Я решила, что от такого же хрупкого человека и шёл этот зов; но я не знала – с какой стороны (так сказать, *сверху* или *снизу*) он забрёл в эти края.

За окном опять пошёл ливень, я сбавила скорость и, включив дворники, закурила новую сигарету. Колли уселся и положил голову мне на правое плечо, принюхиваясь к дыму. Тут мои фары высветили фигуру, голосовавшую на обочине. Она была одета в длинную сиреневую тогу (здесь это не удивительно) и держала над головой зонтик.

Это ты? – Он сказал: – *Да, я. Ты слышала зов, не так ли? – Слышала, вот и еду куда глаза глядят. – А куда они глядят?* Я пожала плечами: – *Залезай, что ли!*

Мой Ангел, а это был он, забрался в машину и говорит:

– Очередной из твоих поклонников, похоже, воззвал к тебе с просьбой о помощи. – Он потрепал колли.

– Мне показалось, что зовут со стороны Буасси. Это где-то поблизости?

– Останови, пожалуйста, вот тут.

Я остановилась. И тут же прекратился дождь; мы вышли наружу. Небо стало чёрным и полным звёзд. Машин почти не было; справа и слева от шоссе темнели леса.

– Смотри, вот он. – Ангел посветил фонариком.

---

[1] Ален Делон, французский киноактёр, первый муж Р.Шнайдер.
[2] Анни Жирардо, актриса, подруга Роми Шнайдер, – *ред.*

Я шла за Ангелом, и вижу: метрах в трёх от обочины в овраге лежит человек. На нём чёрные брюки и ветровка поверх свитера; рядом в луже валяется чёрная сумка с вышитыми на ней золотой лилией и надписью *Paris-France.*

– Он тоже двигался тебе навстречу, но, видать, по дороге ему устроили что-то типа засады… Помоги-ка мне, Роми!

Мы вместе вытащили этого парня из оврага и доволокли до машины. Он казался мёртвым. *Ничего, второй раз не умирают,* – заметил мой Ангел. Я нашла какие-то тряпки, и мы стёрли с него грязь; помимо всего прочего, он совершенно промок под ливнем. Колли радостно вилял хвостом и облизывал ему физиономию, которая почему-то напомнила мне лицо Макса фон Сюдова в *Direct en mort*[1]. Только ростом он был раза в два меньше и какой-то скукоженный. Мы уложили его сзади, колли уселся рядом с ним, очень довольный. Я достала сигарету – Ангел тут же извлёк откуда-то из складок своей тоги зажигалку и галантно дал мне прикурить. Мерседес наполнился нежным запахом (эти сигареты мне прислали друзья из Вены).

– Скоро он очнётся? – спросила я.

– Ты знаешь дорогу на Амаркорд? – также спросил он.

– Да, это здесь недалеко.

– Пожалуйста, Роми, отвези его туда. Как только увидишь море (справа от автострады) – вытащи его сама из машины и оставь на косогоре. Потом можешь уезжать домой. Дальше о нём позаботятся.

– Я ему ещё понадоблюсь?

– По-моему, он напишет тебе письмо.

– Хорошо.

– Ну, прощай! – Он нежно поцеловал меня и исчез. Фокусник.

Часть Первая.
ПРИСУТСТВИЕ[2].

Раздел Первый.
§ 1. *Загробное море.*

И вот, внизу крутого косогора…[3]
Данте. Божест. комедия, Ад, I:31

С точки зрения наиболее строгих последователей средневековой японской секты Нитирэн, такие козлы, как я, немедленно после кончины попадают в т.н. *нижний ад* за клевету *на Закон*. В общем, что и говорить – все фанатики одинаковы. Не знаю, как я там оказался, но я сидел на берегу прекрасного лазурного моря, горизонта которого мягко касался какой-то невиданный, и всё

[1] "Прямой репортаж о смерти" (фр.); Макс фон Сюдов, шведский актёр, играл в этом фильме вместе с Роми Шнайдер.

[2] Присутствие (*нем.* Dasein) – главный термин Хайдеггера. См. *Бытие и время*.

[3] Пер. М.Лозинского. В оригинале: *Ed ecco, quasi al cominciar de l'erta.*

же необыкновенно знакомый мне рассвет. Словно я видел это уже когда-то, может быть в детстве, не знаю. Одежда на мне была вся мокрая и грязная; где это я так изгваздался? Одно лишь я помнил: как добрался до Буасси и как откупорил четвертной и закурил папиросу. Потом потерял сознание и очнулся в каком-то *сумрачном лесу*, под дождём. Что касается моего трупа – я смутно различил, как бы в памяти, как он валяется шагах в трёх от – так сказать – усыпальницы Роми Шнайдер, а над ним склоняются несколько сбежавшихся аборигенов, в том числе барышня-полисмен, негритянка. Ну, в общем, решил я, Тэзэ накрылось медным тазом; как, впрочем, и всё остальное. Выходит, я умер. Мне стало как-то всё равно, что там сделают с моими останками, и картинка в памяти как бы выключилась. Я уже порядком промок, но зонтик достать боялся, так как, открой я сумку, промокли бы все вещи, среди которых мне казались особенно дорогими карманная Библия (издание *Лондон, Кингстон-роуд, 1984*, купил у спекулянта в Москве в 85-м году на другой день после того, как обнаружил, что в доме нет Библии) и толстая тетрадка с отчасти переписанными, отчасти законспектированными трудами Хайдеггера, Сартра и Юнга. Я шёл через лес, потом сидел на каком-то гнилом пне и плакал, как полный кретин. Потом опять пошёл (а что мне ещё было делать – вокруг только сплошные дебри и ливень!). Вот тут-то меня и охватил ужас. Там, у Данте, описывается *пятнистая и вьющаяся рысь*, символ сладострастия… Она ему явилась как бы *внизу крутого косогора*… Не стану врать, рыси я никакой не увидел, но тот зверь, который до смерти меня перепугал, был, я думаю, пострашней. Я даже не пытаюсь его описать: помню лишь оскаленную огромную пасть и красные глаза хищника, и то, как он бросился на меня. Видно, я опять потерял сознание и стал бы жертвой этой поганой сволочи, если бы каким-то чудом не оказался вот тут – на совсем другом *косогоре*.

Встряхнувшись, я подобрал сумку и спустился вниз, на золотистый песчаный пляж. Вдоль косы – валуны. Солнце всё выше. Прямо как в Крыму. Я снял ботинки и куртку и разложил их на одном плоском камне, чтобы высушить. Затем нашёл пачку "Беломора" и пачку сигарет "Голуаз" и тоже положил на камень сушиться. Они промокли, так как я оставил их в карманах куртки, в то время как две книжки (кроме Библии, у меня был с собой *Ответ Иову* Юнга), блокнот и конспекты лежали себе в новой сумке, купленной только вчера. Вчера? – спросил я себя. Что теперь такое вчера или что означает *теперь*, *потом*, *прежде*, равно как и *тут* или *там*? Однако не зря я верил в бессмертие, как бы там Сартр ни утверждал, что вера есть самая сущность *самообмана*. Но вот же я, живой и невредимый. Того зверя лучше скорее позабыть. Хотя не исключено, что это и впрямь было *sui generis*[1] предвестие *дуггура* (так я подумал и немедленно перекрестился, не помню как – по-православному или нет). Из всего ясно лишь то, что *я есмь*. Ясно ещё, что вот эта одежда, эта сумка, эти мои руки-ноги, вот этот песок, почти высохший под утренним солнцем, само это солнце, и море, и лазурь, и шоссе там, над косогором, и валуны – всё

[1] своего рода (лат.)

это некая *реальность*; она имеет форму, следовательно *материальна*; но эта материальность уже не та, что была там, на Земле (вот и разберись: *была* относится к времени, *там* – к пространству! Значит, здесь есть время и есть пространство). Где бы вы ни присутствовали – вы тут же начинаете анализировать своё присутствие; это диагноз. И не Хайдеггер его выдумал в своём *Бытии и времени*, которое в кристаллизованном виде покоится в моей новенькой сумке. Где-то теперь он сам? Где они все – Роми Шнайдер, Господь Бог, Богородица, Сартр, где святые и Ангелы? Поди тут разберись.

Вы, вероятно, заинтересуетесь, как обстояло у меня дело с гениталиями? С пищеварением, дыханием и т.п.? Но всему своё время. Меня как-то мало интересовали собственные гениталии, скажу честно. То есть я чувствовал, что дышу, чувствовал под руками материю песка и воды, мягко накатывавшей на берег, чувствовал, как равномерно бьётся сердце; в общем, я понимал, что больше не нуждаюсь в таблетках, лежавших у меня в сумке, – что-то подсказывало мне, что я совершенно здоров и функционирую именно так, как я *сам хотел бы* функционировать! Такое бывало разве что в давно позабытом детстве, и то не постоянно: оттого и запомнилось. Итак, я не стану морочить вам голову насчёт гениталий, ибо ещё не пришло для этого время; скажу лишь, что никакого желания, с ними связанного (будь то *абстрактная похоть*, например, или *естественная нужда*), я не ощущал. Поэтому я равнодушно совлёк со своего загробного тела брюки и прочее и с разбегу плюхнулся в загробное море. Я плавал под водой и наблюдал там всяких рыб. Даже достал со дна красивую раковину, приспособил её на камешек в качестве пепельницы и закурил просохшую на загробном солнце земную сигарету. Вот тут, пожалуй, было чему удивиться: табак пах травой, а дым от него напоминал дым костра (я это заметил ещё в лесу, под дождём, но не так отчётливо) и был совершенно лишён всего того неприятного, что по опыту знакомо любому курильщику и особенно тому, кто не выносит табачной вони! Каждая затяжка позволяла глубже вникать в тот приятный и сосредоточенный покой, в котором пребывало моё тело, исцелённое от недугов и омытое приветливой, хотя и непонятной, водой. Может, формула этой воды иная, чем H_2O? Я достал тетрадку с Хайдеггером и раскрыл её наугад. И вот что я прочёл:

Историческим присутствие может быть лишь на основе временности. Последняя временит в экстатично-горизонтном единстве своих прорывов. Присутствие экзистирует как будущее собственно в решительном размыкании выбранной возможности. Решительно возвращаясь к себе, оно возобновляюще открыто для "монументальных" возможностей человеческой экзистенции[1].

Такие дела.

[1] См. Хайдеггер, *Бытие и время*, М., *Ad marginem*, 1997; пер. В.В.Бибихина; § 76.

§ 2. *Бессмертный бард.*

Я поля влюблённым постелю…
Вл. Высоцкий

Одевшись, я забрался на большой синий валун и *в первый раз в жизни* помолился Господу Богу от чистого сердца. Я ведь и впрямь будто снова родился – правда, уже в брюках и в ботинках и с сумкой на правом плече, и с Хайдеггером и Юнгом в сумке, и с дурацкой бородой, которая, однако, оказалась могущественней тления! Я поблагодарил Иисуса Христа за все Его милости и Богородицу – за Её несомненное участие в моих невзгодах, которые, как я полагал, уже закончились (ведь я-то думал, что попал прямо в Рай), и Ангела, и св. Терезу из Лизьё, и Марию с Марфой, и Роми Шнайдер, в общем – кого только вспомнил. И даже прибавил по-церковнославянски:

– Святителю отче Ник*о*лае, моли Бога о мне!

Затем я слез с валуна, счастливый как идиот, и, взобравшись вверх по косогору, направился в сторону шоссе, ожидая каких-нибудь загробных машин и рассчитывая, что какой-нибудь умерший куда-нибудь меня подвезёт. Дел-то было по горло: искать всяких там родственников, уже поумиравших, и, потом, я рассчитывал отыскать Роми Шнайдер, живую, а не мёртвую; отыскать также других, в том числе узнать, что сталось с Хайдеггером, Сартром, Юнгом и прочими. Если я в Раю, думал я, то у меня, должно быть, имеются привилегии – замолвить словечко за того-сего; вот только кому, спрашивается вопрос. Ведь если Бог добр и всемогущ, то Он и Сам всем поможет, а если добр, но вдруг не всемогущ – то сатану (я плюнул трижды через левое плечо) не упросишь. Как там его называл Даниил Андреев? Гагтунгр. Если прав Даниил Андреев, то власть Гагтунгра над нами куда больше, нежели говорят в Церкви (я имею в виду не всяких там серафимов-роузов[1], а таких, как о.А.Мень[2]). Хотелось думать, что Он, Бог то есть, всё-таки достаточно всемогущ, ведь не мог же Гагтунгр создать такой красоты – этого моря, неба и т.д., да ещё и поместить в эту красоту *меня*, и исцелённого от всякой земной дряни; поместить меня сюда, а не в какой-нибудь *дуггур*, где тебя какая-нибудь сумасшедшая Фокерма[3] отделает так, что сам себя в зеркале не узнаешь! Кстати, насчёт зеркала. Я достал из сумки квадратное зеркальце и посмотрелся. В общем, та же физиономия, что и была, правда более гладкая и совсем не как у сорокалетнего невротика!

---

[1] О. Серафим Роуз, был священником Зарубежной Православной Церкви, умер в 80-е гг.; обскурант.

[2] О. Александр Мень, был священником Русской Православной Церкви, убит в 1990 году.

[3] Фокерма – согласно Д.Андрееву, вторая ипостась Гагтунгра, символ демона сладострастия.

На обочине шоссе на камне сидит человек с гитарой, спиной ко мне. Потрёпанные джинсы, заправленная в них тельняшка, на голове – кепка; рядом валяется красивый пиджак. Я говорю ему: – *Здрасьте!* – Он оборачивается, и я вижу – Владимир Высоцкий собственной персоной. Ну, дела! Когда я учился в католическом колледже, то обратил внимание, что на доме, где он жил, на М. Грузинской, приделана мемориальная доска в его честь (ну, там, дурацкий барельеф и что-то типа *здесь жил и работал*), а через дорогу – наш костёл (думал, поучусь в бесплатном колледже – и пойму, наконец, чья правда! – и ничего не узнал). В общем, мы там выходили покурить за ограду храма и каждый раз я со странным ощущением созерцал этот нелепый барельеф через улицу с непременным увядшим букетом каких-нибудь гвоздик. Какая, спрашивал я себя, связь между этим человеком и этим костёлом, в котором при его земной жизни располагался "центральный склад № 1"? И не понимал. И вот, н*а* тебе!

Он говорит:

– Здравствуй. Ты кто?

– Я Клерк, – отвечаю я ему. – Я умер вчера вечером.

– А-а. Добро пожаловать! Как это тебя угораздило помереть во Франции?

Я рассказал ему свою историю.

– А вы чего тут сидите? – спрашиваю.

– У меня ведь жена была француженка; вот и тянет в эти места!

– Да, я вас обоих очень любил. Как она прекрасна в фильме "Колдунья"! Так что – она тоже скоро умрёт?

– Типун тебе на язык, приятель! Лучше я тебе спою, пока автобуса нет.

И он спел мне одну из своих новых песен. Загробный копирайт не позволяет мне привести здесь её текст и музыку. Но песня в целом мне понравилась; в ней не было той неприятной вещи, которую на Земле связывают с понятием *адреналин* (правду сказать, я так и не понял, что это такое).

Потом он повесил гитару грифом вниз на плечо, извлёк из внутреннего кармана пиджака четвертной (точь-в-точь как мой вчерашний), и мы выпили во славу Божию и за здоровье Марины, его вдовы.

– Владимир Семёныч, – спросил я его, когда выпили, – а здесь есть кино?

– Конечно, есть. Тут такое кино, что… в общем, увидишь. Я-то, понимаешь, так сказать, скочерыжился без Бога, почём я мог тогда знать! Может, тебе больше повезёт, раз ты такой религиозный; хотя дело, брат, не совсем в этом. В этих краях, где мы с тобой нынче повстречались, страшны только сны.

– Всё же я бы хотел выяснить, кто меня спас.

– От того-то зверя? Кажется, я догадываюсь, кто. Кого ты звал, она и спасла тебя, наверное. Больше-то некому.

– Роми Шнайдер?

– Ну да; а почему нет? Здесь ведь уже не важно – была у тебя слава кинозвезды или ты был простой клерк (извини за каламбур). – Он предложил мне папиросу "Север" (такие были в моде в России в 50-60-е гг.).

– А куда идёт автобус, которого вы ждёте?

– Точно тебе говорю: нам не по дороге. Я – в Париж (кстати, тут не один Париж, а сколько міров, столько и Парижей, и Москва не одна, в общем, тут есть что посмотреть), так вот, я – в Париж, а тебе надо бы, по моему разумению, в сторону Амаркорда. Это не кино, это такой край тут неподалёку – вон за тем лесом. Так назвал его Феллини, в шутку, а жителям понравилось.

– Вы всё-таки актёр…

– Ну так и что!

– Ну, это… если вдруг увидите её, фрау Роми…

– Передам, не беспокойся. А жена у тебя была?

– Была. Но уже года четыре я один. Она слишком любвеобильна.

– А может, ты сам и виноват?

– Кто его знает… Я не хочу, чтобы с ней приключилось какое-нибудь зло. Наверно, всё-таки Бог ей поможет, как вы полагаете?

– Да ты, брат, не куксись! Вот, возьми. В лесу пригодится. – Он отдал мне четвертной и, пожав мне руку, побежал к подошедшему автобусу. Там сидели люди, и я подумал, что они все тоже умерли. И эта мысль не была мне неприятна.

§ 3. *Утомлённое солнце.*

Ариа же безумнаго обличил еси…
Из Акафиста свт. Николаю.

Проводив взглядом автобус, я – делать нечего – засунул четвертной в сумку, где лежали, помимо всего прочего, зачерствевший сэндвич и отполовиненная ещё в поезде на Лез Ивелин бутылка вина, купленные на пляс Пигаль. Но есть не хотелось. Странно, думалось мне, тот факт, что жизнь продолжилась, я не воспринял как нечто из ряда вон выходящее; я просто жил, существовал. Разве это не опровергает построения гениального атеиста Сартра, утверждавшего случайность бытия *в-себе*? И, наоборот, разве не прав Декарт, с которым он спорил насчёт того, что *cogito ergo sum*[1]? Если бы я не сознавал, что я – это я, то тогда смерть и впрямь означала бы исчезновение *меня*, а вместе со *мной* – и всего вообще (пусть это и солипсизм[2], но зато честный!). В этот момент я вошёл в лиственный лес и подумал о синхронизме времён года на Земле и на… я хотел сказать – на Небесах, но вовремя спохватился: откуда мне знать, где я! Может, и в Раю, но уж как пить дать не в таком, каким его представляют святоши! Рай – это… в общем, это когда тебе хорошо. Я с удовольствием курил папиросы и пил время от времени то вино, то водку, присаживаясь где-нибудь на пенёк или бревно, и отметил, что и у алкоголя здесь совсем не тот вкус, что на Земле – там алкоголь какой-то горький, от него тяжелеет потом голова, хочется спать, а то

[1] *Я мыслю (сознаю), следовательно существую (лат.)* – Декарт.

[2] Солипсизм – философский взгляд, согласно которому всё, что мы воспринимаем, есть лишь функция нашего восприятия; ничто не существует объективно, а только через моё восприятие (от лат. *solus* – единичный, единственный).

бывает и хуже; кроме того, земной алкоголь воняет ещё сильнее, чем чужой табак, а здесь и на вкус и на запах что вино, что водка весьма, весьма приятны. Итак, весело сказал я себе, водка и *Беломор*, и сумка с книжками и сэндвичем, – всё умерло и всё воскресло, преображённое. Однако к сэндвичу сердце моё всё равно не лежало – уж слишком он был чёрствый.

Так я прошёл насквозь две-три берёзово-осиновых рощи и только один раз долго сидел, пытаясь врубиться в одно не вполне ясное рассуждение из книги Юнга – то самое, которое я начал читать в Мёдоне (помню, там ко мне подошла очень любезная кошка и потёрлась о мои штаны). За это время я выкурил половину своих табачных запасов, допил бардовскую водку и слегка забеспокоился: во-первых, запасы алкоголя и табака заканчивались, во-вторых, мне хотелось сыру и кофе, в-третьих, я ни разу не почувствовал ни большой, ни малой нужды. Это как-то настораживало. Думая об этих проблемах, я миновал большой хвойный участок и вдруг услышал знакомую музыку: судя по звуку, крутили старую пластинку – танго, фокстроты, всё такое. Впереди показался просвет. Я вышел на ярко-зелёную поляну, полную иван-чая и всякого разнотравья. Вдалеке синела лента шоссе, холмы, и в них уже садилось солнце. Посреди поляны, с трёх сторон окружённой лесом, прямо на траве стоял стул, на стуле – старинный граммофон с ярко отполированной трубой, из которой как раз запели песню "Утомлённое солнце нежно с морем прощалось"; а перед граммофоном на пеньке сидел сухонький седобородый старичок в застиранной синей рясе и с необыкновенным умилением слушал эту музыку. Я закопал окурок в землю, подошёл к старичку и деликатно, сквозь музыку, поздоровался.

Старичок в синей рясе, обернувшись, кивнул и тут же снял иглу с пластинки. Стало тихо, только верещали цикады, как всегда под вечер.

– Здравствуй, здравствуй! – ответил он мне. – Гляди, как красиво! – Он показал глазами на заходящее солнце.

– Синхронизация, – небрежно бросил я.

– Не понял. Переведи-ка!

– Это когда то, что происходит на одном плане, как бы совпадает с чем-то сходным на другом.

– Ох, я в этих штуках не силён. А ты, часом, не из ариан[1]?

– Нет, я – помесь православного с католиком. В общем, экуменист.

– Это я понимаю. Экумени – значит *вселенная*. Я и сам почитаюсь как на Востоке, так и на Западе. Только вот ариан не люблю. Тебя как звать-то?

– Зовите меня Клерк. Я – русский. А вы – тоже?

– Нет, я, скорее всего, грек.

– Однако, вы неплохо говорите по-русски!

– Я не говорю по-русски, с чего ты взял?

– Приехали! А на каком же языке мы с вами говорим?

– Не знаю. Видимо, на общем!

---

[1] Арианство – ересь, согласно которой Бог-Сын не единосущ Отцу, а подобносущ. Основана священником по-имени Арий в IV веке.

– Хм. В остроумии вам не откажешь. А как вас зовут?

– Николай. Ты же сам меня давеча поминал, стоя на валуне! Забыл?

– Полно вам! Вы?! – Я смекнул, что это сам святитель Николай, не больше, не меньше. Который, если верить преданию, дал пощёчину еретику Арию. Я и не предполагал, что увижу таких шишек: то киноактёр, то святитель… Право, мне везёт.

– А-а, – говорю, – это вы вмазали бедному Арию по морде? И не совестно вам, христианину-то?

– Ой, братец, и не говори – ещё как совестно! Но уж такое было время… Бес меня попутал. Это хорошо, что ты защищаешь ближнего.

– А он не в Аду?

– Господь с тобой! Мы всё, что могли, для него сделали. Святой Исидор[1] пристроил его где-то служить у бывших готов[2], в Испании – ярусами тремя пониже нас с тобой. Мы дружим с Исидором. А у тебя много друзей?

– Как вам сказать? Вообще-то, прорва.

– А кого среди них больше – живых или умерших?

– Скорее, умерших… хотя, как я уже догадываюсь, смерть оказалась фикцией. Раз – и мы уже тут!

– Какой ты резвый, братец! Это хорошо сразу после исповеди и Причастия: раз – и ты уже тут. И то – зверюгу-то позабыл?

– Всё-то вам известно, святитель Николай! Кстати, может, вы объясните мне, что это за дрянь была и почему она меня не съела?

– Много сказать не могу – Господь меня таким правом не наделил, а в общих чертах скажу: это был никто иной, как сатана. Он принял такой вид, что ты сразу и упал в обморок. А потом тебя спасли. Кого ты сам просил о помощи, тот тебе и помог. Остальное сам додумывай. Хотя не забывай, что в конечном-то счёте нам не помогает никто, кроме самого Всевышнего. Даже Пресвятая Богородица лишь отражает Его бесконечный свет, наподобие как Луна лишь отражает свет Солнца.

– Ну, а вот что касается Солнца, Луны, земли, моря, леса, табака, алкоголя – это всё на самом деле? Или это уже иная какая-то материя?

Он почесал бороду.

– Ты любознателен, братец. Я на все вопросы ответить тебе не смогу. Ступай к тем, кто поумнее меня. Только я тебя так не отпущу! Помоги мне отнести домой граммофон.

Я взял это сооружение, а он – стул и пластинку, которую предварительно упаковал в старомодный конверт с дагерротипом какого-то приморского курорта.

– А вы любите море?

– Море – это великое творение. И великий символ! Пойдёшь на всенощную?

---

[1] Св. Исидор Севильский – память 4 апреля; испанский церковный деятель V-VI вв.; известен тем, что обратил испанских вестготов из арианства в православие.

[2] Готы – общее название ряда варварских племен начала Средневековья.

– Значит, храмы ещё существуют? – задумчиво ответил я. – Раз вы – священник и служите, значит мы не в Раю?

– Это верно. В Раю я бываю часто, и там, конечно, храмов больше нет, а всё и во всём – Господь. Но жить предпочитаю здесь и ещё в двух местах – над городом М*и*ры и над городом Б*а*ри. Вообще я стараюсь заботиться о русских. Жаль их, всё время у них страсти да раздоры…

– Да уж.

Тем временем мы пришли к изящному храму с луковкой, оранжевой от лучей заката; к храму прилегал домик священника. В церковном дворе туда-сюда ходили несколько монахов и монахинь, готовя всё для службы. На траве сидели прихожане с прихожанками – человек двадцать – в ожидании. Всё вокруг дышало таким чудным довольством, что, казалось, покой и, что ли, какая-то странная нежность прямо разливаются по телу. На колоколенке зазвонил колокол, и в моём сознании как бы перелистнулись сразу штук пять-семь русских картин – *Над вечным покоем* и *Золотой Плёс* Левитана, *Московский дворик* Поленова, *Весна* Юона и что-то ещё. Такое впечатление, что голова действовала по какому-то внушению *свыше*, как это бывало со мной очень давно, в минуты вдохновения или любви. Зазвонил колокол, и все понемножку собрались в бревенчатом храме.

§ 4. *Всенощная и что было потом.*

По небу полуночи Ангел летел,
И тихую песню он пел…
Лермонтов.

Я обнаружил, что храм этот – своего рода гибрид: как у католиков – два ряда скамей, несколько статуй святых, открытый алтарь, где место священника – за Престолом, лицом к пастве, и, в то же время, – православные иконы, паникадила, свещной ящик… Стало быть, святитель Николай – экуменист, не без облегчения решил я. А может, и сам Бог – экуменист? То-то будет смеху!

Я сел с краю у Иконы Богородицы *Знамение*. Прежде я и не видел такой: она была как сфотографирована! Совершенно живая, невероятной красоты Дама, открывающая объятья приходящему. Господи Боже; я заплакал. Вы бы тоже заплакали, как младенец на руках у няньки – от счастья, разумеется! Сути происходящего я, признаться, сперва не понял: через западную дверь вошли: сам святитель в той же синей рясе и без головного убора, а за ним – два человека в белом, как бы монашеском, одеянии и с цветами в руках. Приглядевшись к ним, я подумал, что один больше похож на мужчину, а другой – на женщину, – так и оказалось впоследствии, когда святитель мне наедине объяснил, в чём дело: то были два Ангела – грубо говоря, Ангел-*ян* и Ангел-*инь*[1]. Потом за старое пианино возле алтаря села приятной наружности поселянка в сиреневой косынке и длинном розовом платье и по кивку головы святителя принялась играть… ноктюрн Шопена. Я настолько же обалдел, насколько и обрадовался: значит, в загробной жизни нет того мрака, о котором

[1] Ян и инь – соответственно, мужское и женское начала в даосизме.

сообщали всевозможные *знатоки*; здесь живут живые люди, весьма любезные в обращении, не умеющие желать зла ближнему и полные тёплого, светлого юмора. Сыграв ноктюрн, барышня вернулась на скамью к своим. Наступила странная какая-то тишина, прямо как у Иосифа Бродского в стихотворении *Сретение*:

И странно им было, была тишина
Не менее странной, чем речь…

Святитель утёр слезу в уголке правого глаза, между тем как Ангел-*ян* подошёл к алтарю и зажёг три свечи (как я узнал чуть позже – в честь Пресв. Троицы, третьим Лицом Которой являлась… Богородица, тогда как Св. Дух почитался как самая *жизнь* Божества, исходящая от Отца к Сыну, затем – к Матери и вновь возвращающаяся к Отцу, как бы охватив Творение).

Собравшиеся принялись глядеть на горящие свечи, как-то уйдя куда-то внутрь и о чём-то глубоко задумавшись. Так они все, включая святителя, и промолчали всю дорогу (по моим часам – минут сорок). Затем тихо и с почтением покинули храм и разошлись по домикам, расположенным прямо в лесу, по берегу какой-то речки.

Святитель отпустил своих ассистентов и, подойдя ко мне, говорит:

– Ну, пошли, что ли, поедим-выпьем?

Я, как дурак, согласно кивнул и пошёл за ним; мы пришли в домик, прилегающий к храму, в котором он, видимо, проживал. Такие бывают в дачных посёлках: крыльцо с козырьком от дождя и перилами, внутри – веранда и комната с печкой. На веранде – деревянный стол, накрытый клеёнкой, на столе – красная стеклянная ваза с золотыми шарами, а я очень любил всегда эти цветы. Возле вазы – старая греческая Библия, потрёпанная и вся в закладках из конфетных фантиков (я тоже любитель закладывать книжки фантиками, и вообще я люблю конфеты).

– У меня тут… сэндвич завалялся, – сообщил я хозяину. – И… если хотите, немного вина; была ещё водка, да я её в лесу всю допил. А вообще поесть не помешало бы, хотя голода я до сих пор как будто и не чувствую…

Возясь с какой-то посудой в углу, святитель добродушно бросил:

– А-а, пожалуй, отдадим-ка мы твой дурацкий сэндвич, хоть он и чёрствый, местным птичкам. Ты не возражаешь?

– Я? Нет. Да я и купил-то его уже чёрствым. Одно название – *Париж*, а толку-то!

– Во-во.

Затем он снял рясу, оставшись в чёрном вылинявшем подряснике, аккуратно повесил рясу в шкаф и, прихватив какую-то корзину и пару старомодных круглых бутылок, повёл меня в комнату.

– Вот, растопи-ка печку своей модной зажигалкой, а я тут на стол накрою!

Глядь – а зажигалка моя не фурычит!

Я и говорю: – Не фурычит моя зажигалка. Видно, у вас здесь *другой огонь*.

Он дал мне коробок со спичками. Когда в печке разгорелись дрова, мы уселись со святителем за стол, как и на веранде – квадратный, деревянный и покрытый клеёнкой. Он поставлен прямо у окна, выходящего к берегу реки, над которой нависли большие старые деревья. Старик достал из корзины здоровенный кусок сыра, фрукты и круглый оранжевый хлеб.

– Хочешь – кури, – сказал он. – Но сперва давай выпьем по стаканчику! – Он налил из круглой бутыли в два гранёных стакана какого-то тёмно-красного вина. Мы, разумеется, выпили. Я ощутил приятное тепло в области вишудха-чакры[1], которая была у меня при земной моей жизни явно поражена.

– Нравится? – спросил он.

Я кивнул. В печи весело потрескивали дрова.

– Ну, рассказывай! – говорит святитель, отрезает хлебу и сыру и принимается со вкусом пережёвывать. На вид ему всё же не так много – от силы лет пятьдесят; но там, на поляне, он показался мне совершенно древним.

§ 5. *Mysterium coniunctionis*[2].

Подчас действительность бывает такой же архетипической, как и человеческая фантазия, и временами души, кажется, "проникают в предметы вне тел", где они мелькают, как в наших снах.

К.Г.Юнг "Mysterium coniunctionis".

– А вы не хотите покурить? – спросил я, прикуривая от головёшки.

– А мне и так хорошо, – сказал он. – Ты мне зубы не заговаривай – рассказывай давай!

– Да, в общем, чт*о* тут рассказывать? – Святитель подставил мне синюю дымчатую пепельницу. – Спасибо. Родился я в Оренбурге, это город на реке Урал…

– А то я не знаю – там куча моих икон! Ну-ну.

– Ваши-то иконы – в двух православных храмах, не считая третьего, взорванного большевиками. А на улице, где роддом, стояла после Революции обувная фабрика, они её устроили в здании католического храма, освящённого в честь Богородицы Лоретанской…

– Ну ты подумай, вот мерзавцы! Как же им после этого спастись? Ладно, продолжай. – И он налил нам обоим ещё по стаканчику. Я откусил яблоко, отхлебнул вина и, сунув папироску в угол рта, продолжил:

– После того как я родился, моего отца – он был военный врач – направили в Германию, сказали: не поедешь, карьеру тебе испортим…

– Негодяи! – снова перебил он. – Но прости меня, нрав у меня такой свирепый. И в Германии ты был, значит, малышом?

– Точно. Дохлых мышей таскал в карманах.

– Это ещё какого рожна?!

---

[1] Вишудха-чакра (санск.) – энергетический центр в астрально-эфирном теле на уровне горла.

[2] Таинство соединения *(лат.)*

– Да ведь я маленький был! И потом, за мной увивалась компания враждебно настроенных типов – мне три, а им по пять-шесть лет. Хоть и русские, а травили меня. Вот я, бывало, как выну из карманов пару дохлых мышей, держа их за хвост, и покажу им – так они с визгом разбегаются. Там и девчонки тоже были. Злые такие. Как Баба-Яга!

– Ах, пожить бы им в моё-то время! Кесарь Константин быстро показал бы им, где раки зимуют!

– Ну. В общем, отец мой подружился с одним немцем, и мы ездили к ним через весь Франкфурт-на-Одере на велосипедах. У немца была дочка Сюзанна, на полгода меня старше. Тогда я влюбился в первый раз.

– Сколько ж вам было?

– Мне – три года, ей – три с половиной.

– Молодцы! – Святитель усмехнулся и стал резать сыр, то и дело прихлёбывая вино.

– Помню, у неё был такой шикарный замысловатый конструктор – мы строили из него *дом*. С кирпичами, кухнями, балконами, даже с туалетом! Возились на ковре в детской, пока родители пили вино и делали вид, будто понимают друг друга. У них был *свой* общий язык. Мои-то ведь не знали по-немецки.

– Зато ты теперь знаешь, наверно.

– Почему?

– А то я не вижу – у тебя на лбу написано, вот тут, – он ткнул указательным пальцем мне в центр лба, – *хочу всё знать*!

– Ну, это вам видней – вы, как-никак, святитель. Вот, а потом выяснилось, что этот немец во время войны служил в контрразведке, и вообще на моего отца донесли в первый отдел[1] – что вот, мол, он нарушает советскую военную дисциплину, ну, нас и попросили из Германии обратно в Россию. Пять лет я там прожил. Так что я почти немец. Особенно по духу…

– Что же ты помирать приехал не в Германию? Ну да ладно, Господь разберётся. А как ты научился читать? – Святитель Николай потянулся, потом нажал какую-то кнопку на манжете подрясника, и послышалась тихая музыка – по-моему, джаз начала XX-го века.

– Читать меня научила бабушка-еврейка – кстати, я хотел вас спросить: не знаете ли вы, как они тут устроились, мои умершие родственники?

– Я не знаю, братец Клерк, это ты сам потом узнаешь. А какое слово ты прочитал первым?

– Это было слово *дом*; я сложил его из плиточек с буквами. Но вот как раз дома-то у меня до сих пор и не было: то я жил у одних родственников, то у других, то у чужой жены… А где я теперь буду жить, вам не известно?

– Не тревожься, этот мир не без добрых людей. Скорее, злых тут не сыщешь: в этом отношении тебе повезло. Твоё прошлое привело тебя сюда, оно

---

[1] В советские времена так называли отдел, связанный с "госбезопасностью". На него работали доносчики, которых вербовали среди советского населения.

же поведёт тебя и дальше. А если понадоблюсь – пойди в тихое место да позови меня. А потом иди куда глаза глядят – где-нибудь и найдёшь меня.

– Даже если вы и не здесь будете?

– Я давно живу[1], братец. Есть вещи, которых я и сам-то не пойму, но вот, даёт мне Господь какую-то силу… слышать, что ли, всякого человека, который меня позовёт. Правда, на Земле мало к кому я смог прийти: такие уж там дурацкие условия; а здесь всё другое – и тело другое, и земля, и небеса. А помнишь, там, где вы с Сюзанной собирали свой *домик*, как-то раз ваши родители вместе встречали Рождество? Помнишь Санта-Клауса?

– Смутно… больше по фотографиям, которые сделал мой отец. А что?

– Это в мою честь появились Санта-Клаусы. Они что-нибудь обязательно дарят детям на Рождество. Беда только щас мне тебе нечего подарить!

– Стало быть, вы и так всё про меня знаете, раз сказали про Санта-Клауса! Впрочем, я уже перестаю удивляться. Особенно после того, как вы нажали на свою манжету, и послышался джаз. Ваше здоровье! – Я хотел чокнуться со святителем, а он говорит: *Не надо чокаться – плохая примета. Мы здесь не чокаемся.* – И мы тихо и с удовольствием выпили. После чего я достал тетрадку с конспектами и выписками и наткнулся в ней на следующее высказывание Сартра:

Прошлое есть субстанция. В этом смысле картезианское cogito должно формулироваться скорее так: Я мыслю, следовательно, я был[2].

§ 6. *Пора в путь.*

– Пора в путь, душа моя!
(Декарт
перед смертью)

Потом святитель зажёг какую-то синюю лампу, и так мы долго молчали в этой синей горнице. Он принёс с веранды свою греческую Библию и про себя чего-то там читал (отмечу, что загробному зрению даже коты позавидуют: я, например, разбирал свои записи вообще при одном только догоравшем полене). Мои папиросы кончились, а святителя просить достать мне откуда-нибудь из воздуха табаку было как-то неловко. Ночь прошла незаметно. Мы ещё потом пили и закусывали, и в эти-то моменты я и узнал про Троицу и всё такое. Спать совершенно не хотелось. Мы вышли во двор и спустились к речке. На берегу кое-где сидели поселянки с удочками в руках. Меня приятно поразило то, как они тут все молчаливы. Я так устал от слов, от этих бесконечных земных реклам, от *идиотизма*. Эти люди не были похожи на то, что Хайдеггер именовал *das Man*[3]. Святитель отвязал в камышах лодку и, положив в неё

---

[1] Св. Николай жил в IV веке в Византии.

2 Ж.-П.Сартр, указ соч., с.148.

3 Das Man (нем.) – субстантивированное безличное местоимение 3-го лица ед.ч., означает: люди, безличная масса индивидов.

корзину с едой и бутылкой, пригласил меня сесть на корму, а сам уселся за вёсла. После чего мы поплыли по тихому течению неизвестно куда.

– Вы извините, но такое впечатление, будто вы – Харон.

– Если это ругательство, то меня этим не проймёшь! – сказал святитель. Оказалось, что он понятия не имеет о Хароне[1]. Пришлось рассказывать ему древнегреческие мифы (при том, что он сам был грек!). Я собирался было сообщить ему о трактовке образа у Данте (см. *Божест. Комедию, Ад, Песнь III* – "а бес Харон сзывает стаю грешных, / Вращая взор, как уголья в золе, / И гонит их и бьёт веслом неспешных…"), но он поморщился и просил не продолжать развивать эту тему.

– Однако память у тебя неплохая!

– Видите ли, однажды мне взбрело в голову выучить эту поэму Данте наизусть…

– Да ну! Ты же сказал, там страниц шестьсот! И выучил?

– Не-ет, мне надоело. Там всякие ужасы про ад и всё такое прочее, а я человек мирный и люблю покой. Я выучил с грехом пополам девять песен и, бывало, иду себе по улице куда-нибудь и про себя повторяю, чтобы не забыть.

– И не забыл?

– Да я и повторять-то бросил. Вообще уже ничего почти не помню. И то сказать – на кой оно нужно, зазубривать перевод на русский язык, даже такой, как у Лозинского!

– Не знаю, – сказал он, загребая веслом и любуясь игрой взошедшего солнца в речной воде, – может, ты и прав. Я в этом ни бум-бум, как ты выражаешься.

Я невольно засмеялся.

– А как тут Данте, вы не знаете?

– Братец ты мой, да что я тебе – справочное бюро?! Сам всё и выяснишь.

– А как долго нам ещё плыть? Владимир Семёныч сказал, это за лесом… А я и так полдня до вас добирался… Хотя, что и говорить, так бы вот плыл да плыл! Хорошо вы, однако, гребёте.

– Многих я уже перевёз через эту реку. Сам посуди – уж веков шестнадцать прошло с тех пор, как я помер!

– Да-а!

Наконец он подгрёб к противоположному берегу и привязал лодку. Река здесь стала более широкой, а вдалеке виднелось её устье: похоже, она впадала в то же самое море.

– Не забудь корзину!

– Спасибо! – ответил я. – А вы?

– А я тут посижу малость на травке. Потом поплыву домой, ближе к обеду. Там обещали сегодня уху сварить! А после возьму свой граммофон и пойду опять музыку слушать. А потом – всенощная. Чем плохо я живу, а?

– Вы отлично живёте; только вот я полагал…

---

[1] Харон – в др.-греч. мифологии перевозчик умерших через реку Стикс.

– Ах, оставь. Всё, что ты там полагал, на самом деле совсем по-другому! Ну, ступай, что ли. Вон там, за рощицей, – озеро; за озером – просёлочная дорога, она и приведёт тебя в Амаркорд – это как бы такая небольшая провинция, состоящая из нескольких поселений. Там тебя и поселят. – Он обнял меня, троекратно поцеловал, перекрестил троеперстием, и я, поклонившись ему, взял корзину и пошёл по траве к лесу.

§ 7. *У озера.*

> Настоящее молекулярное состояние является в каждый момент строгим следствием предшествующего молекулярного состояния.
>
> *Ж.-П. Сартр, Указ. соч., с. 143.*

Не вижу смысла объяснять, каким именно образом – раз уж я умер – ве́сти оттуда (где я теперь) умудрились попасть в т.н. *сюда* (где сидит их читатель – возможно, в уютном кресле, с коньяком, кокосовой шоколадкой и сигарой), хотя на Земле и принято полагать, будто существует непроходимая пропасть между *тем* міром и *этим*. Действительно, что-то подобное упоминается в Библии (по долгу службы я часто её просматриваю в здешней библиотеке), во-первых – в *Кн. Бытия* 1: 6-8, во-вторых – в *Еванг. от Луки* 16:26. В первом тексте речь идёт о *тверди*, поставленной Всевышним между двумя *мірами*, поту- и посюсторонним (для читателя – в одну сторону, для меня, как умершего, – в другую); во втором тексте, когда Господь излагает притчу о безымянном богаче и нищем Лазаре, Он и сам – устами Авраама – как бы сетует, констатируя, что *между нами и вами установлена пропасть, так что ни мы к вам перейти не можем, ни вы к нам*. Всё это так. Однако ведь Он говорит о пропасти, отделяющей не *видимое* от *сверхчувственного*, а *преисподнюю*, куда попал богатый человек, от *лона Авраамова*, на котором очутился Лазарь. К этой притче в своё время я, может, ещё вернусь, а пока лишь подчеркну тот факт, что я, автор этих строк, не то чтобы побывал в клинической смерти со всякими там *коридорами* и *светом в конце туннеля* и не то чтобы вышел из некоего суперсостояния (наподобие *самадхи*), а полноценно и безвозвратно прекратил своё физическое пребывание на Земле и, миновав почти мгновенную фазу утраты сознания, оказался в міре абсолютно ином, в теле, но не физическом, в пространстве и во времени уже не земных, хотя и не имеющих ещё характера того, что на Земле именуют туманным словом *вечность*. Я был освобождён почти от всего, что томило меня на Земле, и открыт чему-то Новому, которое странным образом не пугало. Но мне предстоял ещё какой-то весьма любопытный и странный путь; это я как-то интуитивно предчувствовал. На Земле я немало прочёл мнений по этому поводу: говорили, что душа незамедлительно попадает либо в ад, либо в рай; или что в ад она попадает только в состоянии первородного греха (т.е. вне Крещения); или – что если она крещена, но не успела раскаяться в каком-либо смертном грехе, то попадёт в Чистилище и там должна пребывать определённое, так сказать, *время*. Ближе

многих других к делу были, как ни странно, Сведенборг с его теорией *господствующей любви*, Даниил Андреев со своей *Розой мира* (в которой, однако, имеются ляпсусы – типа того, что у Данте не имелось собственных детей или что Иисус – не *воплощение* Бога, а Его *выражение*); близок к Истине был Николай Бердяев, стоявший во главе почтенной традиции, уходящей в глубь тысячелечий (назову её *либерально-мистической*), и русский кинорежиссёр Андрей Тарковский. Нельзя не помянуть добрым словом Терезу Авильскую с её *Внутренним замком*, а также Клайва Льюиса с забавной книжицей *Расторжение брака*. Впрочем, список *друзей Истины* составил бы, пожалуй, два добрых земных фолианта!

Пока я шёл через освещённый летним солнцем хвойный перелесок, мне пришла в голову неприятная мысль об *овцах* и *козлищах*, о которых повествуется в 25 главе Еванг. от Матфея. Конечно, я понятия не имел, к какой категории причислит меня местная бюрократия, если она тут имеется, но, думал я, безусловно не к *овцам*. Скорее к *волкам* (если такие тут есть) – или к тем, что на Земле носили овечью шкуру, или, что вероятней, к тем, которые по душевному складу были овцами, но, по целому ряду причин, выглядели как самые натуральные злые волки. Между делом я подумал также о людях-динозаврах, птеродактилях и саблезубых тиграх; тем не менее собственную персону я не мог мысленно запаковать во что-нибудь более подходящее, нежели облезлая волчья шкура (хотя бы в смысле *шкура Степного Волка*[1]). В общем, я пожалел, что зоологический аспект Страшного Суда затронут Господом Богом столь скупо. Так задумался я над этими вещами, ожидая, что же будет дальше, и вышел к озеру, о котором сказал мне святитель.

Тёмное, спокойное озеро, окружённое елями; по мшистому берегу стелется синий вереск, видна спелая голубика; где-то на еловом стволе стучит дятел; у самой воды – камыши, а посреди камышей стоит рыбак и сосредоточенно следит за поплавком удочки, которую держит в руках. Он одет в серый непромокаемый плащ, на ногах – резиновые ботфорты, лицо гладко выбрито и затенено полями чёрной широкополой шляпы с красивым красно-синим пером; в углу рта торчит окурок сигары. Я поставил корзину на траву и рядом с ней положил сумку.

– Моё почтение! – не меняя позы, сказал рыбак. – Как дела?

Тут я почувствовал, что хочу курить: последнюю французскую сигарету я выкурил у св. Николая в горнице давеча ночью, – ну и говорю в ответ: – Спасибо, ничего. Но пока что я, правду сказать, не очень разобрался, что тут у вас происходит. Там, на Земле, всегда было как-то *не-по-себе*.

Рыбак выпустил струю дыма. – Ну, эти ужасы – позади, – сказал он мне. – Теперь всё пойдёт на лад. Что вы уставились на мою сигару?

– Простите: у меня вышел весь мой табак…

---

[1] *Степной волк* – роман Германа Гессе (1877-1962).

– Дать вам сигару?

– Будьте так любезны! Когда я очнулся, то очутился в каком-то весьма странном лесу, напомнившем мне времена мезозоя; я ещё подумал: вот вылезет сейчас какой-нибудь плезиозавр из-за хвоща – и что я ему скажу?

– Возьмите в коробке, вон там, на пеньке. Здесь нет плезиозавров. Ловите зажигалку!

Я поймал красивую дымчатую зажигалку, нашёл сигары и с удовольствием закурил. Согласитесь, в этом что-то есть – покурить загробную сигару; впрочем, я уже почти не удивлялся – особенно после истории с манжетой (см. § 5). Вспомнив жуткого зверя, я, однако, промолчал и повертел тяжёлую старомодную зажигалку; на ней было написано: *Suisse*[1].

– Ну? – спросил он, и, вытащив серебристую рыбку, бросил её в блестящее ведро, стоявшее неподалёку, на мшистом спуске к камышам. – Всё в порядке?

– О да, спасибо! – отвечал я.

– Не за что. Это всё ерунда.

Я выпустил струю синего ароматного дыма, присел на небольшой валун и, щурясь от голубого света, как бы льющегося сверху вниз, говорю:

– А вы не читали Хайдеггера?

– Представьте, – ответил он, как-то косо улыбнувшись, – Хайдеггера я читал. Тут вообще неплохая библиотека… А вы, собственно, давеча имели в виду его фразу из *Бытия и времени*, не так ли: *Совесть есть зов заботы из не-по-себе бытия-в-міре, вызывающий присутствие к само́й своей способности-быть-виновным*? Несколько неуклюже, но, в общем, забавно… – Мы помолчали. Он снова вытащил серебристую рыбку (типа плотвы, с оранжевыми глазами) и бросил её в ведро.

– А вы давно здесь? – спросил я.

– Где, в камышах?

– Да нет, давно умерли?

– Лет на двадцать (в земном смысле слова) раньше вас. Вас как зовут?

– Клерк. А вас?

– Меня? Мартин.

Тут он внимательно поглядел на меня из-под своей шляпы, и я узнал его. Это был Мартин Хайдеггер.

– Это Вы?!

– Да, – отвечал он, – это я.

[1] Швейцария (франц.).

§ 8. Разговор у просёлочной дороги.

> Теперь, если я правильно понимаю, мы должны увидеть связь того, что мы назвали отрешённостью, с обсуждаемой сущностью мышления, хотя мы едва знакомы с этой отрешённостью, а главное не знаем, куда её следует поместить.
>
> *М. Хайдеггер. Из разговора на просёлочной дороге*[1].

1.

Итак, покойный доктор Хайдеггер стоял в загробных ботфортах в потусторонних камышах загробного озера и ловил загробную рыбу. Теперь разговор пошёл уже несколько иначе. Он сунул погасший окурок в карман плаща и спросил:

– Ну, и к чему же Вы пришли на Земле?

– Пожалуй, к тому, что правосудие – это дьявол, а любовь – это Бог. Мой любимый писатель – Александр Грин. – Доктор улыбнулся, а я счёл нужным, наслаждаясь свежестью собственной памяти, прибавить: – Он написал в *Джесси и Моргиане*: *Что ненависть и любовь сродни, – неверное мнение; его единственная ценность в том, что оно заставляет думать*.

– Когда увидите Юнга, непременно скажите ему об этом: похоже, он основательно перемешал то и другое в своём Абраксасе.

– Я увижу Юнга?

– А почему бы и нет? Вы ведь и его конспектировали!

Не зная, куда теперь повернуть, я вежливо спросил:

– Ну, а как поживает фрау Эльфрида? (Так звали жену Хайдеггера; она была чрезвычайно красива.)

– Благодарю Вас, она в порядке. Что Вы собираетесь делать дальше?

– Я не знаю этих мест, не знаю здешних обычаев. Вообще-то я не думал, что загробная жизнь так… пластична! И я сам, и всё остальное словно состоят из материи, но я не в состоянии определить – из какой именно…

– Вам сообщат, – сказал Хайдеггер и резко вытащил удочку из воды – на крючке барахталась очередная серебристая рыбка. Он снял её с крючка и бросил в ведро. – Теперь Вам спешить некуда.

– Сообщат? Кто? Может быть, *das Man*? – поинтересовался я. (То был едва ли не главный термин Хайдеггера в *Бытии и Времени*, означавший ту безличную человеческую массу, которая нас формует и обезличивает по своему образу и подобию, так что мы забываем, в чём же, собственно, смысл *нашего* существования и кто такие *мы*.)

– Что я написал, то написал, – улыбнулся доктор. – Похоже, я своровал фразу у Понтия Пилата! Стало быть, я должен ему бутылку.

– Пилата? Вы с ним знакомы? – Я не удивился, просто судьба Пилата меня интересовала ещё там, на Земле… Так уж получилось, что я умер

---

[1] М.Хайдеггер. Разговор на просёлочной дороге. М., Высшая школа, 1991, с. 115.

исповедовавшись и причастившись. Те же, кто не был крещён или не раскаялся, приобретают после смерти, как я полагал, более или менее (вероятно, в зависимости от *кармы*) вампирический характер, и им ничего не остаётся, как пытаться выжить за чужой счёт. К таковым принадлежал и Пилат. А может, и Хайдеггер.

– Я обязан ему первыми шагами после того, как умер…– Хайдеггера слегка передёрнуло. – Простите, я вспомнил тут кое-что… Туго мне пришлось. А он к этому времени уже очухался и всё ему причитавшееся отбыл, так что его самого стали посылать к таким, как я, бедолагам.

В ведре задёргалась рыба. Ветер тревожно тронул верхи елей, а небо стало тёмно-жёлтым, словно за ним включился грандиозный жёлтый фонарь. Я поджёг погасшую сигару, затянулся и посмотрел на мох, на котором я сидел, и на синий вереск.

2.

– А бутылку чего вы ему должны? – спросил я. – И кто эти *они*, которые *сообщат* и которые *посылают*? Это что, администрация загробного міра?

– В общем, вам повезло. Успели одуматься. Я-то вот не успел. Не хватило смелости… Что касается das Man, этого в Нижнем Ярусе хоть отбавляй. Сковородок там нету, но приятного мало.

– Долго вы там были?

– Пока не согласился.

– С чем?

– С Доктриной! – резко ответил Хайдеггер. – Разве вы не заметили, читая мои труды, как я разделался с Доктриной? Как я обошёлся с метафизикой? – Он сделал паузу и попросил кинуть ему зажигалку. – Ну вот. А что касается тех, кто сообщает и посылает, – это вполне конкретные существа, они состоят из той же субстанции, что и мы с вами, и осуществляют целый ряд специальных функций в рамках Среднего Яруса. – Я вспомнил Ангелов в храме св. Николая, а он извлёк из кармана окурок сигары, поджёг его свободной рукой, затянулся и, глядя на поплавок, продолжил: – Ярусов, как вы понимаете, всего три: в Нижнем – что-то наподобие Ада, в Среднем – что-то наподобие Чистилища, а Верхний населён – возможно, вы будете иронизировать, – *святыми*! – Я обратил внимание, что доктора взяла некоторая досада.

– Ну, а бутылка?

– Помните Землю? Там всё можно было разложить на частицы – ну, скажем, атомы, молекулы, электроны и т.п. Там всё распадалось (например, ваш труп – извините за бестактность – в данный момент, вероятно, разлагается в глинистой мокрой почве кладбища вместе с древесиной вашего гроба и издаёт омерзительный запах). Здесь же, с одной стороны, не существует распада, с другой – всё состоит из *материи*, сама же материя состоит из *дхарм*.

– Из дхарм? – переспросил я.

– Из дхарм. Вы ведь читали что-то там о буддизме?

– Кто вам сказал?

– Тот, кто меня к вам направил.

– Вот как… В общем, что-то я читал. Дхармы, стало быть, тоже частицы, но природа их не физическая, да? Они не умирают?

– Вернее сказать, они суть порождения двух факторов: земной *кармы* и нашего загробного восприятия. То, что мы нажили *там*, и то, как мы осознаём себя *здесь*, взаимно переплетаясь, создаёт все вещи: море, деревья, озеро, ведро, рыбу, сигары, наше тело, нашу одежду и т.д. Из особого рода восприятий ткутся и те дхармы, что принимают конфигурацию бутылок. А в бутылках налито именно то, что даёт нам возможность *пребывать*. Потусторонняя (т.е. *посю*сторонняя, для нас) субстанция уже не может просто распасться, как труп, но, поскольку её материал – душа со всеми её переживаниями и представлениями, она рано или поздно должна преобразоваться. Средний Ярус имеет, так сказать, *длительность*, правда иную, чем земное время; а Верхний, говорят, равнозначен тому, что люди, ещё не умершие, называют словом *вечность* (правда, они совершенно ничего не понимают и всё превратно истолковывают, – иначе Ницше и Хайдеггер не стали бы Ницше и Хайдеггером!).

– Но, доктор, если мы здесь курим, пьём и, вероятно, едим, то у нас должно быть пищеварение; однако хоть я и чувствую, как приятный дым наполняет моё нутро своеобразным покоем, но ничего похожего на пищеварение не ощущаю, да и что в данном случае означает слово *нутро*! А если есть нутро, то в нём должно быть пищеварение! Всем известно, что *человека оскверняет то, что выходит из него*… Значит, должны быть туалеты? Но это же явный абсурд – загробные туалеты!

– Вы полагаете, абсурд?

– Безусловно.

– Может, их тут и нет?

– Это вы *меня* спрашиваете?

– Хорошо у вас получается вот эта еврейская интонация. (Тут я припомнил: Хайдеггеру приписывали антисемитизм; а моя бабушка по материнской линии – еврейка.)

– В *Чжуан-Цзы*[1], – отвечал я, – говорится насчёт Дао, что оно – во всём; в том числе – простите! – в моче и кале…

– Право, любезнейший, едва скончавшись, вы сразу ставите столь глобальные вопросы! Откуда мне знать! Спросите у Чжуан-Цзы, что он там имел в виду, – доктор вытащил из воды удочку и прибавил: – Дались вам эти туалеты!..

Хайдеггер стал сматывать удочку и выбираться из камышей.

– Впрочем, что-то похожее я видел в Нижнем Ярусе. Но мне запрещено пугать вас *этим*. У вас – *другое*.

---

[1] Чжуан-цзы – древнекитайский философ III-II вв. до Р.Х. Трактат назван по его имени.

– Я должен пережить что-то неприятное? – безразлично спросил я сквозь почти докуренную сигару.

– Кое-что, – сухо подтвердил доктор. – Ну, мне пора. До встречи!

– До встречи! – машинально ответил я. А когда опомнился, он уже бодро шагал по *просёлочной дороге*.

Раздел Второй.

§ 1. *В прекрасном міре.*

…Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу – как неба властелин –
В прекрасном міре, но один.
Лермонтов.

Я притушил сигарный окурок о камень и подошёл к воде. В этом месте берег был ровный и мшистый; наклонившись, я вдруг обратил внимание на собственное отражение и подумал: *Странно. Лицо, в общем, моё, да и туловище; одет я так же, как был одет два дня тому назад в Париже (чёрные брюки, свитер, ветровка, туфли); но что-то, всё же, изменилось, а вот что – не пойму*.

– Не сомневайтесь, – крикнул с дороги профессор, – мы действительно умерли! А здешние материя и форма действительно состоят из дхарм!

По всей видимости, начинался закат. Может, это великолепное зрелище и стоит того, чтобы без всякого сожаления покинуть бренную Землю, только я вдруг почувствовал подкравшуюся ко мне ностальгию. Как в фильмах Тарковского, тревожно зашумела трава и пролетела тёмная птица. Как быстро тут проходят дни. Надо было куда-то идти из этих мест; искать обещанный Амаркорд. Накинув сумку, как обычно, на левое плечо и повесив на правый локоть корзину, я пошёл вслед за доктором, уже исчезнувшим за горизонтом. Солнце зажгло верхушки елей; лес светился, мерцал и переливался разными тонами оранжевого, отражаясь в воде. Нельзя сказать, что это солнце внешне отличалось от земного; оранжевое зарево охватило небо и всё собою окрасило. Я думал о соответствии между оранжевым цветом и лунной чакрой[1] и шёл себе вперёд по пустой дороге, мимо пшеничных колосьев. Курить было нечего. На моё счастье впереди показались городские коттеджи, и я поспешил в их направлении, рассчитывая раздобыть там немного табаку и переночевать.

Вдруг я вспомнил чудовище и, испугавшись остаться в одиночестве на ночь глядя, побежал. И тут послышалась тихая музыка, похожая на *Венецианское адажио* Альбинони; я остановился как вкопанный – музыка перестала; побежал – заиграла опять. В сумеречном эфире трепетали стрекозы. Так я добежал до ближайшего дома; музыка умолкла, тревога сменилась любопытством: в городе слышен был гул разговоров и смех; я пошёл вверх по мощённой булыжником улице, по обеим сторонам которой выстроились старомодные двух- и

[1] Свадхистхана-чакра (санскр.) – энергетический сексуальный центр.

трёхэтажные дома, в стиле эпохи Рыб[1] и времён романтизма[2]. Улица полого шла вниз; уже зажглись фонари вдоль тротуаров; показался деревянный мост через реку, а у моста – кофейня с витиеватой вывеской: *Сан-Суси*. Последний фильм Роми Шнайдер назывался *Прохожая из Сан-Суси*. Я постоял на мосту. Определённо всё это кем-нибудь подстроено; впрочем, мгновенный мой страх прошёл, уступив место доверчивости, вообще всегда мне свойственной, а тем более – после встречи со святителем. Хайдеггера я так и не нагнал – может, он сел где-нибудь в машину и уехал? Трудно представить его в машине, да ещё с рыболовецкой снастью и с ведром, полным плотвы. Я вошёл в кофейню.

Там никого не было – ни персонала, ни посетителей. Я спросил себя – чем они тут расплачиваются; машинально посмотрел в кошелёк и нашёл там 50 франков с изображением Сент-Экзюпери и *Маленького Принца* и ещё рублей двести на обратную дорогу по России. Рубли я скомкал и выкинул к едренефене в стоявшее поблизости мусорное ведро, а 50 франков сохранил – хотя бы на память… Как специально, на стойке я обнаружил пачку сигар, спички и красивую хрустальную пепельницу. *Выкурю одну,* – сказал я сам себе, – *а если это чужие – скажу, что не знал.* Типичная советская психология. Вокруг несколько прямоугольных столиков, накрытых синими скатертями, и – никого. Покурив, я достал из корзины провиант, поел и выпил, вспоминая святителя. Уж не позвать ли мне его? Да нет, не стоит отрывать его по пустякам. Только бы меня оставил в покое этот страх перед зверем. Возможно, это проекция чего-то, что живёт во мне самом, чего не в силах убить даже самая совершенная исповедь? Я открыл Юнга и прочёл следующее:

Мы не можем уловить Божество человеческими атрибутами. И кроме того, где оказался бы с т р а х Б о ж и й, если бы мы могли ожидать от Бога только д о б р а, т. е. того, что нам самим кажется "добрым"? В конце концов, вечное проклятие не особенно напоминает благо, каким мы его понимаем![3]

После встречи со святителем, подумалось мне, такими штучками меня уже не проймёшь. Это там, внизу, я ещё имел основания усомниться – то в бессмертии, то в Боге, то в Его благости, то в Его всепрощении и т.п. Но как сомневаться, если ты умер и остался жив? Разве что не всё, так сказать, умерло вместе с тобой прежним, не вся дрянь осталась в твоём поганом трупе? Не труп же воскреснет *в последний день*, а *живое тело*! Знать бы только – из чего будет состоять оно, если это, теперешнее, по словам профессора, состоит, из *дхарм*… Так он мне и не сказал ничего про… естественные надобности. Но, как бы там ни было, я этих надобностей ни разу не почувствовал! Я стал каким-то, что ли,

---

[1] Эпоха Рыб – астрологический период, соответствующий двум тысячам лет исторического Христианства.

[2] Романтизм – мировоззрение, свойственное ряду европейских деятелей искусства в XVIII-XIX вв.

[3] Юнг, соч., указ. в Прологе, стр. 104.

другим, *очищенным*… без мерзких запахов, преследующих на Земле с утра до вечера; без – извиняюсь – дерьма и т.п. гадости. Меня не мучила похоть, когда я созерцал поселянок у св. Николая, а между тем они были достаточно красивы и гармоничны – они сидели в храме с непокрытыми головами, так что волосы развевались по их плечам; но что-то в них было такое, что абсолютно исключало всякую возможность похоти (да и нет у меня больше того, *чем* её ощущают; не то чтобы нет больше гениталий, но такое впечатление, что они превратились в sui generis рудиментарный привесок; в них более не имелось нужды, и я обращал теперь внимание на них не в большей мере, чем двухмесячный ребёнок). Как только они продолжают жить с этой пакостью там, на Земле?! – удивлённо думал я, допивая второй литр вина из круглой святителевой бутыли.

…*многое из того*, – продолжал Юнг, – *что в своих конечных эффектах выказывает себя глубочайшим злом, восходит вовсе не к столь же закоренелой злобности человека, но к его глупости и бессознательности. Вот почему и так называемое добро может достигать абсолютно сходных последствий. Подумайте только о разрушительных результатах сухого закона в Америке или о сотнях тысячах аутодафе в Испании, которые были вызваны похвальным рвением спасти людские души*[1].

Я пошёл за стойку – полюбопытствовать насчёт выставленных на задней витрине напитков. *Да-а, насчёт сухого закона*, – подумал я, зевая, – *это уж точно*! Слава Тебе, Господи, что Ты не ввёл сухой закон *здесь*! И я, приложившись к горлу бутыли, выпил за упокой всех, кто был мне дорог, и за здоровье трёх мною встреченных знаменитостей – Вл. Высоцкого, свт. Николая и М. Хайдеггера. Но в кофейне до сих пор никого не было, кроме меня. Не глюк ли это? – спросил я сам себя. Но, не в силах ответить и порядком уже от всего устав (хотя местный алкоголь совершенно не влёк за своим употреблением ни тяжести в голове, ни признаков опьянения), я нашёл между стойкой и витриной скамейку и, улёгшись на ней, заснул без задних ног.

§ 2. *Сон. Явление Ангела.*

> Иногда трудно провести черту между дурачеством и творчеством, и постоянно происходит так, что два этих явления смешиваются.
>
> Юнг, *Mysterium coniunctionis*.[2]

Мне приснился кроваво-красный шар Муладхары[3], расположенный в воинственном регионе Овна. Кто-то кричал: *Берегись, Валькирии, Валькирии!* Сквозь ржавую железную решётку, откуда-то как бы изнутри, я смотрю на

---

[1] Там же.

[2] Минск, Харвест, 2003, стр. 64.

[3] Муладхара-чакра (санскр.) – энергетический центр у копчика, ответственный за физическое выживание.

происходящую снаружи бойню-мясорубку. Думал, я в тюрьме, в камере, а оглянулся, и предо мной – внутренность как бы собора с перемешанными православно-католическими атрибутами. На аналое лежит книга. Подойдя к аналою, читаю на обложке закрытой книги: *Ответ Иову*. Звучит музыка Бетховена из 9-й симфонии; хор поёт *Оду к радости* Шиллера. Я снова поворачиваюсь к зарешеченному окну, а оно оказывается окошком исповедальни, в которой сидит священник, сухой старичок в белом облачении и с алым епитрахилем на шее; он читает какой-то журнал. *Отец*, – говорю я, – *Слава Иисусу Христу!* – Он кладёт журнал на колени и что-то отвечает, повернув ко мне лицо… После нашего разговора (я перечислил ему сорта вин и табака, которые мне довелось в жизни попробовать) я на миг заглядываюсь на иконку с изображением Девы Марии Гваделупской, прикнопленную правее решётки, затем снова смотрю на лицо священника и вдруг вижу, что это лицо моей сверстницы-крёстной, как если бы ей было уже лет этак 70… "Странно, – думаю я, – ведь она ещё не умерла!" Она говорит: – *Раз уж ты меня опередил – молись обо мне*… Я оборачиваюсь на чей-то мальчишеский оклик: *Доброе утро, Клерк!*

– *Здорово ты тут устроился – прямо как в гробу!* – услышал я и проснулся. Ко мне через край стойки свесился какой-то парень с золотисто-рыжей шевелюрой и зелёными глазами; он повис на стойке и явно был навеселе. Одет он был в синие потёртые джинсы, в голубую фуфайку и – сверху – в вельветовую куртку цвета сочной травы. Лучи загробного солнца играли в его апельсиновых локонах, между тем как во рту у него торчал тлеющий *бычок* (в смысле папироска).

– Ты кто? – спросил я. После столь странного, хотя и не особенно страшного сна голос и внешность этого посетителя подействовали на меня, как мягкий транквилизатор.

Парень затянулся и весело говорит:

– Я узнал, что ты здесь, вот и пришёл. Я – твой Ангел, – при этих словах моя физиономия вытянулась от изумления (я не предполагал, что даже Ангелы умеют курить); между тем *парень* продолжал: – Хочешь повидаться с бабушкой?

– Чего-о? – вскричал я. – С какой ещё бабушкой?!

– Которая научила тебя читать. И стирала твои вонючие пелёнки… Во всяком случае, она специально сюда приехала… И твой отец с ней.

– Значит, с ними всё в порядке? – обрадовался я. – Наверняка, продолжают курить *Беломор*! И где же они?

– Через два квартала вверх по этой же улице увидишь двухэтажный деревянный дом (остальные дома – каменные); твоя бабушка сидит у окна, положив локоть на подоконник с геранью, курит папиросу и глядит на ворону,

которая уселась на фонарь. Ворона – добрый знак; ну, пока! Я за тобой заеду! – Ангел (если он не наврал, конечно, что он Ангел) как-то косо улыбнулся, притушил бычок о пепельницу, что была на стойке, и вышел на улицу.

Как то бывает на Земле по утрам, мне вдруг захотелось кофе и ломтик сыру; моё душевное тело при этом ничуть не пострадало от диковинного сна, который я, кстати, отлично запомнил (тогда как на Земле почти не помнил снов), и не требовало всего того низменного, чего требовало моё физическое тело там, на Земле: я имею в виду всякие там унитазы, раковины, зубные пасты, мыло и прочую, когда-то столь милую, дрянь. Я вылез из своего *гроба*, как выразился мой новый знакомый, отхлебнул из святителевой бутыли чего-то похожего на вишнёвый ликёр и, закурив сигару, отправился на поиски бабушки и отца.

На улице начинался тёплый как бы июльский день (я и умер как раз в июле, при Солнце в Раке – если, конечно, не учитывать прецессию[1]); где-то за углом, похоже, был рынок – доносились бодрые крики торговок. Предлагали фрукты, сыр, вино, табак, хлеб и т.п.

Я докурил на мосту сигару и сунул окурок в карман ветровки. Под мостом тихо текла речка, и видно было, как колышутся водоросли и шныряют стайки мелких рыб. Рынок остался сзади, ближе к входу в город, а я пошёл от речки вверх по улице, как сказал мне весельчак с оранжевой шевелюрой. На солнцепёке грелись кошки, свернувшись на подоконниках возле горшков со столетниками, фикусами и прочей растительностью; мне пришло в голову, что всё это слегка отдаёт *Марсианскими хрониками* Рэя Брэдбери[2].

§ 3. *Небесная родня.*

Прошёл я сотню ри,
За дальней далью облаков
Присяду отдохнуть.

Басё.

Как бы там ни было, передо мной в самом деле стоял уличный фонарь с примостившейся на его круглом колпаке вороной. Моя бабушка – теперь она выглядела лет на тридцать, хотя скончалась она в восемьдесят четыре, – и впрямь курила папиросу, рассеянно глядя на птицу на фонаре, и сизый дым мягко обволакивал горшок с цветущей геранью. Нерешительно подошёл я к раскрытому окну, и тогда моя бабушка меня заметила. Глаза её искрились, и, похоже, она всем была довольна в этой жизни.

– Здравствуй, – несколько смущённо начал я.

– Здравствуй, коли не шутишь! А я вот сижу, жду. Ждать и догонять – хуже всего. Заходи – как раз и кофе скипел! – Я улыбнулся ей и вошёл в старый дом, пахнувший, как в детстве, слегка подгнившими брёвнами (*запах Богородицы* –

[1] Прецессия – смещение земной оси относительно эклиптики за 2000 лет примерно на один зодиакальный знак против часовой стрелки. Вероятно, Клерк был и астрологом.

[2] Брэдбери – амер. писатель-фантаст XX в.

так я называл этот запах, пока не умер; Бог весть – почему). Моя натуральная бабушка-еврейка обняла меня, и только потом я заметил отца: он полулежал, как бы в тени, на той самой тахте, на которой я помню его мёртвого… Он курил папиросу, что вполне естественно. Впрочем, здесь, на *этом* свете, не обязательно курить, равно как и на *том*, то есть на Земле, было не обязательно не курить. Как станет ясно чуть позже, здесь немало некурящих, а Хайдеггера, например, который при жизни вовсе не был любителем сигар, здесь пристрастила к табаку философ-писательница Ханна Арендт, его давнишняя подруга. Мой отец лениво поднялся и тоже подошёл и обнял меня. Так мы постояли с минуту, словно три грации Боттичелли. После чего я осмотрелся: комната, оклеенная бежевыми обоями с узором из птиц, на стене – две полки с какими-то русскими книжками (среди них я не заметил ни одной по медицине, несмотря на то что мой отец на Земле был фтизиатром[1]); что-то ещё из мебели сильно напомнило мне квартиры, в которых я жил с отцом и с матерью, а буфет был явно тот же, что в Оренбурге, в бабушкиной коммуналке, куда меня принесли из роддома; у окна стоял стол, накрытый к завтраку; телевизора не было.

– Ну, рассказывайте, как вы тут? Где все? – спросил я, усевшись за стол. На нём была клеёнка с нарисованными ананасами, апельсинами и бананами. На подставке стоял кофейник; бабушка принесла три сиреневых чашки, такого же цвета вазочку с сухариками и нарезала сыр ножиком с сиреневой ручкой; всё это с папиросой во рту.

Потом загасила окурок в стеклянной пепельнице. Отец сел ближе к окну; лишь теперь я увидел, какое у него измученное лицо.

– Твоими молитвами, – усмехнулся почему-то отец и тоже загасил папиросу в пепельнице. – Плохо нам пришлось; мы тебя всё ждали, ждали… чтобы… ну, чтобы ты, наконец, понял, что всё это не зря – и моя дурацкая, нелепая смерть в 36 лет, и ваши с мамой скитания из квартиры в квартиру, и хлопоты родни… Ох, старик, если б ты знал, как я сопротивлялся!

– Но чему?! – спросил я.

– Как бы тебе это объяснить… Я сопротивлялся устройству міра, что ли. *Такому* устройству. Как только я понял, что смерти нет, а Бог, наоборот, есть, я стал кричать, обращаясь к Нему: *Как Ты посмел так подло поступить со мной?!* Я страшно ругался; богохульствовал. Не помогли даже молитвы моего дяди, сарапульского[2] протоиерея! Он и так меня увещевал, и этак. И *Книгу Иова* всё в меня впихивал; и водкой поил (у нас там, внизу, водка горькая, горше земной, а он привозил мне туда настоящую, райскую водку!)… В общем, ничто не помогало.

---

[1] Фтизиатр – врач-специалист по болезням лёгких.
[2] Сарапул – город в России.

– Да уж, – вставила бабушка, сев за стол и жестом приглашая всех к завтраку, – намучился бедняжка. Мне и то не пришлось так мучиться; оказывается, быть евреем на этом свете – это вам не хухры-мухры!

– А что? – спросил я.

– А то! – сказала бабушка. – Опять ты за кил*о*метр от стола уселся, что за урод! – Она нежно поцеловала меня в щёку.

– Да, лучше быть евреем, это верно, – грустно заметил отец. – Видишь, мы с тёщей – то есть, я хотел сказать, с бабушкой – как только услышали, что ты тоже умер, попросились сюда на один день.

– На один день? – Я с удовольствием пил кофе и ел сыр, не отрывая глаз от своей родни: им обоим было лет по тридцать, не больше… Впрочем, черты лица моей бабушки были такие же, какими я их помню в её шестидесятилетнем возрасте; и она была как бы не полнокровная, как на фотографиях её молодости, а скорее сухопарая и маленькая, но очень обаятельная. Просто мы все трое о многом вспомнили, и нам было печально. Но Бог же не виноват, что всё так глупо произошло с нашим земным существованием. Да и никто, похоже, не виноват.

– Да, это точно, – читая мою мысль, согласился отец, – никто не виноват; но есть, тем не менее, одна могущественная сила, которая в нас, как бы это сказать, *не заинтересована*… Пока я отрицал Бога, эта сила прокрутила меня через свою мясорубку (типа той, что тебе нынче приснилась). – Тут я поневоле вздрогнул. – Всё стало меняться непосредственно после того, как ты окрестился. Тогда, помню, пришёл ко мне мой Ангел – я видел его в первый раз, так как по смерти меня моментально забрали какие-то господа, похожие на чёрных самураев, и я торчал в их застенках. Снился твоей матери… Понимаешь, умереть-то я уже не мог, вот они и мучили меня как хотели. Дядя ещё, спасибо, отмолил меня наполовину… А на другую – во-первых, моя мать (впрочем, она, ты знаешь, умерла в приюте, совсем выжив из ума, и ей тут было не до меня, не до нас вообще), а во-вторых – ты и мама, когда, вслед за тобой, окрестилась.

– А я, хоть и некрещённая, зато еврейка, – не без гордости сказала бабушка.

Я подумал – неужели им здесь видно было всё, что происходило со мной *там*? Но бабушка поймала мою мысль и, обняв меня за шею, говорит: – Не бойся, ничего плохого мы не знаем; если у вас там происходит что-то плохое, то мы только и знаем: происходит что-то плохое. Самое важное, что может вообще там произойти, это *крещение*. А для нас, евреев, несколько *и*наче. Нас тоже мучают, но только до тех пор, пока мы не согласимся признать Крест. То есть нам прямо показывают Распятие и говорят: вот это, мол, ты сам. Но точно так же распят с тобой и Бог, в Которого ты не веришь; скажешь *согласен* – поднимешься на ступеньку выше… Я-то что, я недолго сомневалась. Уж больно мне не хотелось мучиться!

– А ты Бога видела?

– Он Сам за мной пришёл.

– Как Сам? Сам?! – Я почесал в затылке. – И за тобой? – спрашиваю отца.

– Нет, я ждал тебя.

– Причём же тут я?

– Дело вот в чём. Сейчас я живу немного пониже этого города и, так сказать, далеко на Востоке, над Сарапулом – поближе к дяде и к матери, которую он определил к себе в храм – она там поёт и читает псалмы. Меня отпустили, так как от тебя зависит мне помочь окончательно выбраться. Пока я ни то, ни сё – был врач, а сейчас помочь никому не умею; как раз чтобы научиться помогать другим, я и должен подняться чуть выше – туда, где храм моего дяди. Не знаю, кем я стану; тут ведь, в сущности, все врачи! Те, кто повыше ярусом, тянут тех, кто пониже. И всё это лишь начало; путь бесконечен.

– Пока на Земле не родится последний человек, – добавила бабушка.

– То есть что же, – спросил я, – здесь не размножаются?

– Дурак ты дурак, – сказала бабушка. – Всему своё время!

После завтрака мы с отцом и бабушкой долго молчали и курили. Каждый думал о чём-то своём, о тех, кто умер и кто должен так или иначе умереть. Потому что смерть и размножение – два основных закона земного существования. Пока я мало понимал, да, сказать по правде, и не особенно стремился понять сразу всё; предстояла какая-то жизнь, в новых, странных условиях – там пойму, думалось мне. Потом мы пили водку из старого графинчика, который бабушка достала из буфета, и закусывали её солёными огурцами и ветчиной (бабушка специально ходила на рынок); *закусывать* – здесь, собственно, не то же, что на Земле: водка здесь не горькая, а, скорее, *острая*, её основная роль заключается в том, чтобы пробуждать печальные образы человеческого бытия и мысль о тех, кому хуже, чем тебе. Вот почему мне было бы крайне досадно, если бы всё то, что я говорю о загробном алкоголе, было *превратно понято*.

§ 4. *Мы больше не говорим "прощайте", ибо всё уже прощено!*

> Вечность, которую ищет человек, не есть бесконечность длительности, это бесполезное течение после себя, за которое я сам ответствен; она есть покой в себе, вневременность абсолютного совпадения с собой.
>
> ***Сартр,* Бытиё и ничто,** с. 171.

Отец устал и лёг спать на тахту, извинившись. А мы продолжали тихо беседовать о том, о сём.

– Поумирала-то, – я говорю, – целая прорва – мы там знай только успевали хоронить, поминать… С каждым годом всё трудней – гробы дорожают, водка дорожает, могильщики обдирают до нитки, да ещё эти агенты из ритуальных

контор… Прямо хоть и не умирай вовсе! – Я примолк и вдруг обратил внимание, что папиросы у бабушки лежат не в пачке с надписью *Беломор*, а в деревянном сундучке. – Это не *Беломор*, значит! – спрашиваю.

– Те, кто строил *Беломорканал*, – уже наверху; большинство! – сказала бабушка. – Твоё здоровье! – Она выпила. – А те, кто посылал строить, – все в самом низу. Что с ними будет – одному Богу известно.

– Стало быть, ты стала верующей?

– Конечно. Сперва мне было тоскливо; я жила в коммуналке, в одном грязном городе, в самом низу. Там ко мне стал приходить мой дед Мойше (ты знаешь – он был ребе[1]), и от него я узнала все эти вещи… Ну, насчёт того, что нас всех обманули; про Ленина – как он сорвал крест; про Сталина… В конце концов дед мне заявил, что наши предки ошиблись! Что, мол, Машиах[2] уже пришёл, а они Его не приняли. Сперва я спорила; даже ругалась; но тем хуже мне потом бывало. Знаешь, бывало дед уйдёт (только кинет на прощанье так кротко: *Смотри сама*…), а ко мне является чёрт и начинает меня мучить…

– Стоп-стоп-стоп, – перебил я, – какой ещё чёрт?

– Обыкновенный чёрт. Правда, без рогов и хвоста, но зато такая сволочь, прости Господи (она перекрестилась, моя бабушка-еврейка!), что если бы ты не помогал мне, я бы уже превратилась не знаю во что!

– Неужели от наших крещений столько зависело? – Я был и впрямь удивлён.

– Ты стал заглядывать в церковь и по незнанию вписывал меня и других некрещёных в записки, – уставом оно запрещено, а наверху только того и ждали: оказывается, черти проклятые как увидели, что ты делаешь, так и исчезли. Говорили, что тебе несдобровать: мол, эти твари решили тебе отомстить. Да ты и сам, видно, почувствовал… Нелегко ведь тебе пришлось – жена предала, нервы отказали, два раза чуть не умер от заворота кишок, не имел ни своего дома, ни денег; одевался в барахло!

– Откуда ты всё это знаешь?! Ты всё-таки следила за мной? – Я представил себе эту всеохватывающую слежку – например, в сортирах или ночью, когда мы были с женой.

– Не бойся, – успокоила она, как и чуть раньше, – повторяю тебе, умершие могут видеть только то, что им на пользу. А во-вторых, ты же исповедывался; как на тебя наложат епитрахиль – так всё и стирается; откуда же мне знать то, что сам Бог уже позабыл! – Бабушка взяла из сундучка папироску, помяла её и щёлкнула зажигалкой.

– Тут всё не такое, как на Земле, – сказал я. – Табак, алкоголь, пища, природа… Один мой новый знакомый сказал мне, что здесь всё состоит не из атомов, а из дхарм. Ты про это слыхала?

---

[1] Ребе (евр.) – учитель, раввин.
[2] Машиах (ивр.) = Христос (греч.), "Помазанник".

– Ой, нет – это для меня мудрено! Знаю только, что больше мы не умрём… Ч*е*м плохо – сижу, покуриваю, поливаю цветы. Солнце греет; сижу себе читаю; иногда варю суп. Принимаю гостей. Того ужаса, что я натерпелась внизу, больше уже быть не должно! – Бабушка левой рукой вынула папироску изо рта (я заметил, что зубы у неё не вставные, как были при смерти, а как бы натуральные).

–А гости – это кто?

– В основном, родня. Ты же знаешь, родни у нас много; многих ещё надо вытаскивать н*а*верх… – В этот момент за окном послышался стук копыт и громыханье колёс. Я глянул в окно, поверх горшка с геранью, и увидел подъехавший двухместный экипаж об одной серой лошади; на козлах сидел *Ангел с папироской*, одетый так же, как и давеча.

– Тпру-у-у! – сказал он; лошадка остановилась. – Нам пора ехать, Клерк. Не грусти, вы ещё много раз увидитесь, вы же померли все!

Бабушка высунулась в окошко и помахала Ангелу:

– Негодяй, увозишь внучк*а*, а я так по нему соскучилась! – Бабушка на самом деле улыбалась, словно знала много такого, чего покамест не знал я. Делать нечего, я подошёл к спящему отцу и нежно поцеловал его в лоб. Вид у него был действительно усталый, как после каторги. Он проснулся и говорит:

– Я очень рад, старик, что ты меня не подвёл. Я с тобой не прощаюсь. Мы теперь с тобой навсегда встретились. – А я почувствовал лёгкую грусть от того факта, что он – не Бог… Но всё же я был безмерно рад за них обоих.

– До свиданья, братцы! – сказал я им и заплакал. Потом вышел из дома, где они сами *гостили*, и препоручил себя своему Ангелу-пижону.

§ 5. *Дом.*

"Wohin gehen wir immer?" – "Nach Hause."[1]
Novalis.

Я вышел на улицу, сел в экипаж, и мы куда-то поехали. Вот город остался позади; мы переехали мост, видимо, в предместье; людей вокруг было мало. Затем начались луга, и горы показались вдали. Я вдыхал запахи трав и думал о дхармах. В ответ на мой вялый вопрос, куда он меня везёт, Ангел ответил:

– Куда-куда – на кудыкину гору!

– Надеюсь, тут нет насекомых?

Этот вопрос я задал Ангелу, стоя на пороге своей новой квартиры. За моей спиной зеленели вдоль просёлочной дороги луга, напомнившие мне вот этот пейзаж Ван Гога:

[1] "Куда мы всё время идём?" – "К дому." *Новалис* (нем. романтик).

Вдали синели горы. Обычный романтический *штамп*, подумал я. Почему мои земные приятели, отличавшиеся брезгливым снобизмом, как правило, терпеть не могли штампов? Ведь всё, что впечатано в память, – это штамп! Ангел, задумавшись, пожёвывал былинку.

Я вошёл в небольшой двухэтажный домик и осмотрелся. На первом этаже – две отдельных комнаты, выходящие в коридор; кухня; её простое прямоугольное окно смотрит на поле, хвойный лес вдали и гряду сопок. Туалета я не нашёл – да, собственно, как таковой он мне и не был нужен; обычное любопытство! Зато в обеих комнатах всё было завалено книгами, бумагами и репродукциями, а в комнате побольше, к своему изумлению, я обнаружил чёрный клавикорд и лежащий на нём футляр со скрипкой. На подоконнике ветвился широколистый фикус. Наверху – тоже комната, и довольно большая – точно гостей принимать. Осмотревшись в ней, я спустился и вижу: прямо к окну придвинут письменный стол, на столе – какой-то серый чемоданчик. Возле него – хрустальная пепельница и поднос с тремя бутылками неведомой жидкости (впрочем, судя по всему, все три были уже початыми, а в пепельнице лежало два сигарных окурка). Обе комнаты выходили окнами на кленовую аллею, которую уже погрузило в тень заходящее солнце.

– Располагайся тут, – сказал Ангел, силуэтом стоя в проёме двери. – Мне пора уходить. Дом – в твоём распоряжении.

– Это что – всё моё?

– Всё твоё. Во всяком случае, пока. Ты же не в Раю!

– А где я, ты можешь мне сказать?

– Тебе адрес написать, что ли? В общем, мы поселили тебя в т.н. провинции Амаркорд, так сказать, в пригороде. Посиди тут, покури. Троих знакомых, не считая меня, отца и твоей бабушки, ты уже приобрёл; потихоньку всё образуется!

– Скажи-ка, это твоими стараниями я дал дуба? Я, собственно, не собирался так рано умирать! Или, может, так Аллах порешил?

– Оставь свои дурацкие вопросы, Клерк. В твоей ситуации главное – следовать естественному ходу вещей.

Теперь я разглядел его. Ангел мой стоял в проёме двери, облокотясь на косяк, нейтрально-лёгкий, как и подобает Ангелу. Лицо его было в тени, однако светилось каким-то идущим изнутри голубоватым излучением, в то время как

позади него зелёный вангоговский луг уходил к горам, в которые садилось оранжевое солнце. Я оглянулся из коридора. Кленовая аллея за окнами комнат; вдали синел, зеленел смешанный какой-то лес. Видимо, аллея соединяла его с моим домом.

– Ты куришь странные папиросы, – говорю. – Мне можно попробовать?

– Не-ет! Ты – человек, – ответил он, – а я – Ангел. Поэтому, хоть я и похож на одного из вас, *субстанциально*, дружок, мы разные! Табак у Ангелов чересчур крепок для вас… Вот когда попадёшь в Рай – тогда и тебе его дадут!

– И на том спасибо. – Я извлёк из кармана пачку с сигарами и закурил. – Никогда не имел собственной квартиры, – говорю (а он так и стоит в проёме). – Даже отдельной комнаты. Сидел в углу на кухне. То на одной, то на другой. Книжки читал. Слушай, я забыл святителеву корзину в кабаке! – Он пожал плечами; наверно, ему это было не особенно важно. От табака мне сделалось совсем легко; даже мысль о моём грустном отце как-то прояснилась – главное, я с ним повидался. А тут – все загробные удобства, тепло… Как будто вам позволили снова стать маленьким и открытым, без *комплексов*, без подавленного *ressentiment*[1]! Пожалуй, решил я, смерть не так уж и плоха, как привыкли считать на Земле. Да и Земля не так плоха – ведь и здесь, хотя состоял этот мір не из атомов, а из дхарм, всё казалось *лучшим из земного*.

§ 6. *Чемоданчик.*

…Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег…
Пушкин.

Ангел мой укатил. Что ж, я приступил к обживанию нового жилища; хотя мне никак не верилось, что это вот всё – моё, эти полки с книгами, кем-то собранными, эти шкафы с какими-то вещами, эта – о Господи! – скрипка (как я жалел на Земле, что вовремя не выучился играть на ней!), эта аллея за одними окнами и эти луга и горы – за другими. Эти два этажа – тогда как на Земле я мог лишь приткнуться то на одной кухне, то на другой. Я налил себе вина в бокал, нашёл в кухонном шкафу сыр, ветчину, бананы, кетчуп, в общем готовый ужин. Удивился, что обычный деревянный буфет вполне заменяет холодильник; видно, дхармические продукты не портятся… Теперь главное – не допустить тоски, ибо для меня всегда таилась опасность тоски в одиночестве, в необжитом помещении. Я поужинал на кухне при электрическом (?) свете обычной лампочки, свисающей с потолка (через пару дней я купил к ней красный абажур, как был когда-то дома у *maman*); закурил сигару и пошёл поглядеть, что это за серый чемоданчик.

[1] По-франц. – обратное отрицательное чувство, мстительность, ревность, зависть и т.п. Ницше сделал его основной характеристикой христиан.

Он лежал закрытый на письменном столе, как я уже сообщил выше. Крышка легко отщёлкнулась, и моему взору предстал… ноутбук! Правда, с какой-то чудной клавиатурой и без мыши, но всё как положено: экранчик-дисплей, белые клавиши с латинскими и русскими буквами, всякие переключатели перед дисплеем. И никаких инструкций. Придётся разбираться всю ночь, так что от тоски я уже застрахован.

Я пристроил дымящуюся сигару на хрустальную пепельницу, поставил бокал рядом и взял посмотреть какую-то книгу, словно кем-то позабытую на кресле (оно стояло чуть поодаль, у торшера и столика). Это оказалось неизвестное мне жизнеописание Хайдеггера. Перевод с немецкого, издано в Москве. Хорошо тут со снабжением. Я открыл наугад и читаю:

У нас нет данных, что Хайдеггер знал философский памфлет французского неокантианца Жюльена Бенда "Предательство клерков" ("La trahison des clercs"). Ловко подстроено, – подумал я. И далее: *По мнению Бенда, предательство интеллектуалов начинается именно в тот момент, когда они решаются вверить свою судьбу зыбучим пескам истории и пожертвовать универсальными духовными ценностями – истиной, справедливостью, свободой – ради таких иррациональных сил, как инстинкт, "народный дух", интуиция и т.п. Долг "клерков", то есть интеллектуалов (философов и литераторов), которых Бенда называет "светскими клириками", состоит в том, чтобы охранять универсальные ценности человечества от посягательств со стороны политизированного "духа времени". Кроме "клерков", никто не в состоянии это делать, ибо "миряне" волей-неволей погрязают в мирских делах и страстях. Строгий гуманистический рационализм должен устоять против пения сирен – романтических восхвалений "народного духа".* И ещё чуть ниже: *Жюльен Бенда убеждён в том, что всякий, кто изгоняет человеческий дух с его универсальной родины и превращает в объект спора между народами, тотчас оказывается на стороне тех, кто призывает к "войне культур"*[1].

Вот так – с ходу поставили меня в курс дела. Теперь, пожалуй, я начал кое-что понимать. Во-первых, это странное совпадение моей электронной клички, которую я здесь выдаю за собственное имя, с названием типа людей, которым препоручена забота об Истине, Благе и Красоте (насколько я понял мысль Бенда). Во-вторых, мне подсунули книжку, которая ещё не вышла на Земле, судя по выходным данным. В-третьих, по всей видимости, у них тут как раз тусуются *клерки*, занимаясь чем-то вроде изучения и сохранения культуры. Возможно, они создают метакультуру Франции, ведь у неё нет метакультуры? Меня поразила и обрадовала такая мысль. Бенда умер в 1956 году,

[1] Р. Safranski *Хайдеггер: германский мастер и его время*. М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 2002.

следовательно, его можно разыскать здесь. Сейчас пороюсь в чемоданчике, посмотрю – не удастся ли его включить; затем посплю. А утром, обозрев окрестности, пойду опять в город – *мои*, надо полагать, уехали обратно, на *свою территорию*. Надо первым делом поискать католический или православный храм, всё равно; ведь не могут же они не иметь храма – это мне стало ясно после знакомства со святителем.

Чемоданчик был без проводов и, судя по всему, без батарей. Я нажал наобум клавишу *работа*, и глядь – на экране появился пейзаж, который я видел давеча в дверном проёме; затем пейзаж превратился в кино: со двора вошёл Ангел и стал, точно как давеча, в проёме; я различил его ухмыляющуюся физиономию.

– Ну что, класс? – говорит он с экранчика.

– Класс! – разумеется, отвечаю я.

– Ну, ты тут поупражняйся, а у меня ещё дела! Покедова, Клерк! Смотри, не предавай!

– Кого?

– Миссию!

И он ушёл. Я услышал, как на экране где-то за домом заржал конь и загрохотала Ангелова таратайка. Вот балбес, подумал я, только бы пофокусничать. Пейзаж сменился другим – горный водопад, тропинка, ведущая в густой лес. Я нажал букву "h". На фоне пейзажа появилось окно с приглашением набирать дальше. Я набрал: *heidegger*.

§ 7. *Постановка задачи.*

…Вопрос *о смысле бытия* надо поставить заново.
Хайдеггер, Бытиё и время
(вступление, указ. соч.).

С экрана чемоданчика на меня, усмехаясь, глядел доктор Хайдеггер, лет тридцати-сорока на вид, но с тем выражением лица, которое было ему свойственно лет в шестьдесят-семьдесят.

– Вот и вы! – говорю. – Какими судьбами?

– Всё взаимосвязано, Клерк, – ответил он. – Вы позвали меня, и вот я здесь. Правда, в такой форме… Ну уж не обессудьте.

– Да что вы! Я всегда мечтал иметь ноутбук!

– Ах, вам подарили ноутбук? Очень хорошо. А у меня – старый немецкий компьютер, который всё время включён – из опасения пропустить что-нибудь важное. Видите, какая тут техника.

– Помнится, вы написали доклад о технике.

– Было такое дело. Но не забудьте – есть колоссальная разница между строением из атомов и строением из дхарм! Здесь и техника, и само электричество – того же происхождения: они происходят из наших душевных вибраций, запечатлевшихся *здесь* ещё до того, как мы с вами умерли!

– Помните: *техника – вид раскрытия потаённости*[1]?

– Да, именно так я и выразился.

– Вы не будете против, если я на досуге почитаю вашу биографию? Я её нашёл тут, куда меня привёз мой Ангел, среди прочих книг.

– Читайте себе на здоровье. Теперь это имеет мало значения; значимо тут для нас с вами лишь то, с помощью чего можно вытащить других.

– Что же потаено *здесь*, доктор? Ведь, кажется, об Истине уже не может быть и двух мнений!

– Истина, мой друг, и не была когда-либо *потаённой*! Просто форма, в которой мне преподносили Истину *там*, на Земле, меня не удовлетворяла. Не сумев отличить форму от сути, я и поплатился. Здесь остаются потаёнными *судьбы*, и весьма многие. Задача, стоящая перед нами (уж коль скоро нам всё-таки повезло!), заключается в том, чтобы идти в глубину: ведь ни философского поиска, ни созерцания и отрешённости никто не отменял! Чем глубже мы с вами, тем легче *выявление* упомянутых судеб. Мы должны им помочь.

– Таким образом, вы, похоже, разорвали с печально известной частью вашего прошлого и примкнули к тем, о ком сказал в своё время Жюльен Бенда, не так ли?

– Если вы имеете в виду моё безмозглое потакание *народному духу*, которое привело меня в ряды НСДАП, то, безусловно, вы правы. Я – такой же *клерк*, как и вы (извините за каламбур). Всё не случайно – не случаен и выбор вами псевдонима (или клички), не случайно и то, что вы очутились в этих краях.

– Я-то понятно, но вот как очутились здесь вы? Вы же немец и умерли в Германии!

– Ну и что! Во-первых, я люблю Францию, и мне далеко не безразличен тот странный факт, что у неё нет метакультуры[2]; во-вторых, Бавария – не так далеко от Франции, и я, пользуясь этим, приобрёл здесь небольшой домик, куда приезжаю пожить из своего загробного Тодтнауберга[3].

– А фрау Эльфрида живёт в Тодтнауберге?

– В основном, да.

– А фрау Ханна Арендт?

– Она живёт в Париже (в *здешнем* Париже, так сказать – на этом *уровне*). Это она пристрастила меня к сигарам. Почему вас интересует Ханна Арендт?

– Простите, если я проявил бестактность[4].

– Ничего.

---

[1] Хайдеггер, Время и бытиё. М.: Республика, 93; стр. 225.

[2] По Д.Андрееву, каждой земной культуре в потустороннем міре соответствует *метакультура*. Трагедия Франции – в том, что у неё нет своей метакультуры. Именно над созданием последней трудятся, в частности, обитатели Амаркорда, страны воспоминаний.

[3] В Баварии, вблизи деревушки Тодтнауберг, в горах, у Хайдеггера был свой дом. Он называл его *лыжной хижиной*.

[4] Дело в том, что Ханна Арендт какое-то время была любовницей Хайдеггера.

– На самом деле, меня интересует только Истина, доктор.

– Не обманывайте себя. Неужели вас не интересует, например, ваша вторая половина?

– О, я так мало ещё знаю про этот ваш мір… Откуда мне знать про свою вторую половину! Я даже не разобрался ещё с собственным строением.

– Но ведь любовь не зависит от строения вашего тела, не правда ли? Чуть позже вы обнаружите, что миф о двух половинках – абсолютная правда. Всё загробное существование настолько же безгранично, насколько пронизано, как бы это половчее сказать, сексуальностью! Однако простите, ко мне кто-то пришёл. Теперь вы знаете, как выйти со мной связь. Удачи вам, Клерк!

Потом я какое-то время сидел весьма одиноко наедине с бутылкой крепкого, похожего на кагор вина, уже прежде кем-то откупоренной, и время от времени поглядывал на череду картинок – слайд-шоу из пейзажей, включившееся сразу после того, как Хайдеггер со мной попрощался. Я думал, в частности, о немке Сюзанне – кем и какой она стала теперь, живёт ли всё там же, во Франкфурте-на-Одере, исповедует ли коммунизм или что-нибудь буржуазное, верит ли она в Бога и если да, то в какого и как. Силы мои постепенно начали сдавать, и я, погрузившись в мягкое синее кресло, незаметно для себя заснул. Мне снился Джойс, который был похож на пьяницу из "Маленького Принца" *(Что ты делаешь? – спросил Маленький Принц. – Пью, – отвечал пьяница. – А зачем ты пьёшь? – Чтобы забыть. – Забыть что? – Что мне совестно. – Совестно от чего? – Что я пью. – И больше от него нельзя было добиться ни слова)*. Ещё мне снился Данте, который сидел на пеньке весь взъерошенный, как вымокший под дождём голубь; он держал обеими руками советский четвертной и смотрел диким взглядом. Быть может, такова расплата за описания ужасов, в действительности не имеющих места в Нижнем Ярусе? – спросил я себя во сне. Но тут же вспомнил отца и бабушку, а также слова Хайдеггера о том, как туго ему пришлось. А также слова Владимира Семёныча о том, что здесь страшны только сны. Я размышлял во сне, даже понимал, что я сплю! Вот фокус, который мне никак не удавался на Земле, так сказать, в Энрофе… И в какой-то миг я почувствовал смутный ужас – как будто то чудовище собиралось появиться опять, и я, не дожидаясь, дико заорал.

– Ну, чего ты орёшь, дурак! – послышалось с порога, и я, проснувшись, вскочил с кресла, взъерошенный от потревожившего меня страха. Это был Ангел. Я с сожалением подумал, что накануне забыл помолиться – может, в этом причина такого поворота сна? Ангел был одет в длинную оранжевую тогу, открывавшую загорелые щиколотки и розовые туфли. Прямо кукла. Так я ему и сказал, решив, что Ангелы – народ вообще-то не обидчивый. И он не обиделся. Налил мне кофе, отрезал два ломтика сыра и стал ждать, когда я это поглощу. Какое счастье, что не надо идти в клозет и ванную. Да их и нет здесь. Я был совершенно чист (чуть было не сказал – физически); завтрак вселил в меня

бодрость и уничтожил последствия ужаса. Зачем я ему понадобился в такую рань, – спросил я себя. – *Поехали*, – откликнулся он. – *Скоро увидишь*.

Мы вышли во двор, он уселся на козлы, а я – в таратайку.

Раздел Третий.
§ 1. *Офис.*

Смерть не является неизбежной, это несчастный случай, всегда происходивший до сих пор, и мы вбили себе в голову: победить и преодолеть этот несчастный случай.

Сатпрем[1] Разум клеток.

Ангел, насвистывая, неторопливо повернул свою таратайку. Я рассеянно глядел на просёлочную дорогу, вдоль которой бежала серебристая полынь. Лошадь сверкала на рассветном солнце – видно, конюх хорошо её вымыл. Я спросил, куда он везёт меня спозаранок. В мои планы входило посидеть в своём новом доме, изучая возможности чемоданчика. Кроме того, там была целая этажерка с книгами, а я не успел их толком посмотреть, так как быстро устал после разговора с Хайдеггером по чемоданчику и вскоре заснул.

– Эгоист несчастный! – добродушно сказал Ангел, погоняя лошадку. – Привык груши-то околачивать! А между прочим тут даже в Раю работают!

– Так ты на работу меня везёшь? Вагонетки грузить?

– Вагонетки грузят на семнадцать ярусов ниже этого, – заявил он. – Я везу тебя в приличный офис, где тебя ждёт любимое дело.

– То есть? – Я закурил, глядя ему в затылок, на который была нахлобучена ярко-зелёная шапочка.

– Подъезжаем, Клерк. Дальше о тебе позаботятся другие, а я оставляю тебя. Моя роль на сегодня исчерпана, не поминай лихом! И не забывай молиться утром и вечером! Пока!

– Куда ты? – Я вылез из таратайки. Он взмахнул лёгкими поводьями, присвистнул и помчал прочь, не ответив.

Передо мной, в долине, окружённой сопками, располагалось нечто наподобие деревни, которую я видел, въезжая во Францию, сквозь окно автобуса: каменные коттеджи, особняки, окружённые красивыми садами, опрятная улица (похоже, центральная и единственная), небольшой и весьма изящный готический храм, рядом – два-три кафе. И – прямо передо мной: похожий на какой-то бункер или бомбоубежище серого цвета дом, с плоской крышей, без окон. На фоне прочих домов (и в особенности храма) он казался каким-то марсианином. Мимо проехал фольксваген. Вдоль улицы росли тополя.

Я обошёл странное здание и в его торце обнаружил дверь; чуть дальше во дворе возвышались клёны. На двери висела табличка с надписью:

---

[1] Сатпрем – *бытиё-любовь* (санскр.) – индусское имя одного француза, полученное им от Мирры Альфассы, француженки, сподвижницы известного йога Шри Ауробиндо. Сатпрем был с ней до её смерти и написал о ней много книг. Её называли *Мать*.

Штэппенвольф и К° (Филиал в Амаркорде)

Прикрывая за собой дверь, я полуобернулся и посмотрел на дорогу, уходившую в холмы; пахло травой.

– Добрый день! – передо мной возник какой-то парень с шеей, обмотанной серым шарфом, лысый и равнодушно-приветливый. Тоже, я подумал, умерший.

– Моё почтение! – отвечал я. – Меня привёз мой Ангел. Он сказал, что здесь приличный офис и что меня ждёт любимое дело. Я – Клерк.

– Клерки нам нужны, – сказал лысый в шарфе. – Посиди вон в той комнате, я доложу шефу.

– А кто такой г-н Штэппенвольф? – спросил я, удерживая лысого за рукав (он был в синем рабочем халате).

– Такого г-на не существует; это вымысел другого г-на – писателя Германа Гессе. Но состояние души Штэппенвольфа[1] типично для определённого круга умирающих. Наша контора занимается регистрацией душ, умерших именно в таком состоянии, обработкой данных и ещё кое-чем.

– По-твоему, я что-то понял?

– Я ответил как мог. Спроси у шефа. – Лысый пожал плечами и ушёл по коридору, освещённому мягкими настенными светильниками. Вдоль стен шли какие-то двери – первая вела в комнату, указанную мне лысым. Войдя внутрь, я увидел как бы журнальный столик и пару кресел по его сторонам, одно против другого. На одном из них спала чёрно-белая кошка. Так как на столе была пепельница, я закурил сигарету. Комната наполнилась ароматом. Кошку отвлёк от дрёмы щелчок моей зажигалки, и мгновение она смотрела на меня. Потом выгнулась, потянулась, зевнула, снова свернулась в клубок и погрузилась в свои сны.

Сев в кресло, я взял один из лежавших на столике буклетов. Там значилось: *Штэппенвольф и К° (инф. бюллетень).* Не успел я его раскрыть, как в комнатку вошёл человек и занял свободное кресло, против меня, взяв кошку на руки. Он был тоже совершенно лысый, но, в отличие от первого, довольно полный и солидного вида. Он немедленно достал из кармана толстую сигару и закурил.

– Ну, – начал он, – как вы тут?

– Спасибо, – говорю, – ничего. Вот, ищу работу. Меня зовут Клерк. То есть это была моя электронная кличка в Интернете. Но я уже с ней свыкся, так что можно звать меня так.

– Понятно. – Он погладил кошку, потом крикнул: – Боб, ты поливал сегодня мой фикус?

– Да, шеф! – донеслось из коридора.

– Принеси нам чего-нибудь выпить!

– Так вы – шеф? – спросил я.

– Представьте. Это хорошо, что вы не прочь поработать. Многие умершие, смекнув, что к чему, нацеливаются на халяву.

---

[1] Степной волк (нем.) – роман Г.Гессе.

Лысый в шарфе и халате принёс бутылку с какой-то фиолетовой жидкостью и пару гранёных стаканов.

– А потом что с ними бывает? – поинтересовался я.

Он пожал плечами, наполняя стаканы:

– Теряют защиту и опускаются ярусом ниже. Там они уясняют суть бытия.

– А вам, значит, известна эта суть?

– Выпейте. Это влияет на верхнюю часть головы и помогает избавиться от гнетущих ум противоречий. – Он подвинул мне стакан.

– Это не чернила? – спросил я.

– Нет. Вас порекомендовал мне доктор Хайдеггер, а я ему всецело доверяю. Он сказал, что вы ему кое в чём помогли и что, несмотря на кажущуюся замкнутость, вы человек отзывчивый.

Я пригубил фиолетового зелья. В верхней части головы действительно появилось какое-то приятное ощущение, как при чтении захватывающей книги. У жидкости был смешанный вкус ежевики и кагора.

– Никогда не пил такого вина.

– Это – Амаркорд, – многозначительно сказал шеф. – Прозит!

– Прозит! – ответил я. По моему телу откуда-то с темени как будто разливался покой. Я обратил внимание на фикус на подоконнике. – У меня на Земле тоже был такой фикус. В чём же заключается работа?

– Постепенно вы вникнете, коллеги помогут. Сегодня посидите, поройтесь в компьютере, полистайте наши издания, осмотритесь. Боб (мой ассистент) принесёт вам справочник, который вам поможет уяснить самое важное. Общая суть работы в том, чтобы регистрировать информацию об умерших в определённом душевном состоянии и отсортировывать лишнее.

Вошёл Боб.

– Пошли, что ли? – сказал он мне.

– Пошли, – отвечал я. – Спасибо, – сказал я шефу, – хотя, извините, всё это странно.

– Потом вы поймёте, – сказал шеф, – что попали именно туда, куда хотели попасть. Кроме того, как вы скоро убедитесь, жители Амаркорда весьма приветливы. Удачи вам, Клерк!

§ 2. *В цеху.*

> Он опустил плоскую серебряную книгу, которую читал, удобно примостившись на большом камне. Страницы книги были из чистейшего, тонкого, как папиросная бумага, листового серебра, разрисованные от руки чернью и золотом. Это был философский трактат десятитысячелетней давности, найденный им в дачном доме, в одном из марсианских посёлков.
>
> *Брэдбэри*. В серебристой лунной мгле.

– Боб, – говорю я, пока мы идём по коридору, освещённому мягкими настенными бра, – я верно понимаю – наши трупы гниют в Земле, а мы – это наши душевные тела?

– Это похоже на правду, – сказал Боб.

– М-да-а… Чего угодно мог ожидать… Но всё-таки странно – рыба, вино, табак, электричество – как они могут состоять из дхарм?!

– Почаще пей фиолетовое вино и не отягощай ума, дружище. Мы здесь делаем одно очень важное дело; но оно требует скорее души, чем ума. Ум, в отличие от души, нематериален; он лишь связь объектов между собой. Ну, как, скажем, энергия больше символизирует душевные дхармы, а информация – умственные. Понимаешь? – Я пожал плечами. Мы вошли в большое помещение. – Я привёл клерка, которого зовут Клерк. Вон тот стол отныне будет твоим, равно как и оборудование. Фанни, я надеюсь, поможет. Ну иди, располагайся там. – Боб хлопнул меня по плечу и ушёл. А я остался наедине с десятью новыми знакомыми, среди которых двое оказались женского пола: одна – брюнетка, другая – рыжая. Служащие расположились рядами по три человека; десятой оказалась брюнетка – она сидела одна в ряду, предназначенном для троих, так как слева и справа от неё было по столу с компьютером и всякими гроссбухами. Брюнетка помахала мне рукой:

– Иди сюда! Вот твоё барахло. Стол номер 11. Меня зовут Фанни.

– Очень рад, – сказал я, подойдя к ней и раскланявшись по дороге с остальными. Она протянула мне руку, маленькую и довольно изящную. Я взял её руку и поцеловал, сказав: – Вы не очень-то похожи на умершую, мадмуазель…

Присутствующие оценили моё чувство юмора и похлопали в ладоши. Пошли перешёптывания о новом кавалере Фанни. Только рыжая, сидевшая через ряд от брюнетки, оставалась грустной и ни на что, кроме своих бумаг, не обращала внимания. Кроме всего прочего, она была поглощена чем-то, что слушала через большие наушники. Я сел справа от брюнетки, которая вернулась к своей работе – она нажимала кнопки на клавиатуре и высматривала что-то на экране монитора (впрочем, оборудование лишь в общих чертах напоминало своего земного двойника). На столе у каждого стояло по какой-нибудь бутылке, почти все пили и курили. Я сел в вертящееся кресло перед своим компьютером и тоже закурил.

– Интересно, – говорю я брюнетке, – а те, которые не курили и не пили, их что – нет здесь?

– Да ну тебя, – ответила брюнетка. – Ты ведь уже заметил свойства местного табака.

Я нажал кнопку *вкл*. и услышал в своём компьютере приятную музыку. *Музыка айнуров*[1], – пробурчал я специально для брюнетки, рассчитывая, по привычке, показать себя кокетливым циником. Никакого подобия вожделения я, однако, не чувствовал – это так же верно, как и то, что после смерти я ни разу не испытывал ни большой нужды, ни малой. К брюнетке меня потянуло просто потому, что я никогда особенно не любил мужчин и предпочитал дружбу женщин.

---

[1] В книгах Д.Толкина *айнуры* – почти то же, что Ангелы.

Когда компьютер загрузился, я увидел перед собой три вертикальных колонки, или панели, с именами людей. Колонки были, соответственно, оранжевого, зелёного и сиреневого цветов. Музыка продолжалась – она мне напоминала что-то типа средневековой кельтской арфы. Я спросил барышню-брюнетку, что мне дальше делать. Она велела взять два гроссбуха из трёх, лежавших передо мной слева от клавиатуры, один заполненный, другой чистый; из первого во второй я должен переписывать т.н. *досье*, но не все, а только помеченные двумя буквами "h" (позже я сообразил, что это сокращённый *Harry Haller*[1]). С такой пометкой было процентов 5-7 досье, остальные, наверное, уходили в иные ведомства. Потом мне следовало сканировать из гроссбуха в компьютер, там всё оформлять и отсылать копию сделанного за день по определённому адресу (так что у них была, ко всему прочему, электронная почта). В общем, как я понял, меня сделали клерком-регистратором в чём-то похожем на загробное ЦРУ в миниатюре… Я выяснил, что гроссбухами снабжают специальные разносчики, одни прибывают раз в неделю *снизу*, другие убывают со всеми проработанными гроссбухами куда-то *наверх*.

– Скажи, Фанни, а на каком языке мы говорим? Я, между прочим, русский.

– Какая разница! – сказала Фанни. – Ты ведь понимаешь нашу речь?

– Да, но…

– Если у тебя всё ещё есть охота заниматься языками – изучай на досуге сколько влезет. С книгами тут проблем нет. А язык ты слышишь тот, который тебе понятен: ни русский, ни французский, а просто язык. Понимаешь?

Увы, я признался ей, что ничего не понимаю. Впрочем, я понял то, что сама Фанни уже стала мне чрезвычайно близким и дорогим человеком. Но сказать ей об этом у меня недостало смелости.

§ 3. *Тёплая компания.*

…Только с горем я чувствую солидарность…
Иосиф Бродский.

– Сущность *Штэппенвольфа*, т.е. типа, к которому принадлежит персонаж Гессе по-имени Гарри Галлер, – вот что мы тут прорабатываем, – сказал толстяк из соседнего ряда. – Мы сами умерли в таком состоянии, хотя и в разные времена. Впрочем, если бы ты умер без исповеди и Причастия или в смертном грехе, пиши-пропало: угодил бы не скажу куда. Но ты, похоже, хитрый малый: последняя твоя исповедь полностью уничтожила все сведения о твоих смертных грехах и окружила тебя такой защитой, что Гортхаур даже не прикоснулся к тебе, пока ты переходил через его таможни. Больше того, ты вырубился, как только увидел один из миражей Гортхаура, и всю дорогу не приходил в сознание!

– Как вы об этом узнаёте? С помощью телепатии?

[1] Гарри Галлер – главный герой романа Г.Гессе *Степной волк*.

– Типа того. Понимаешь, – сказал толстый, – мысль не встречает здесь тех преград, что она встречает в Энрофе. Она сообщается симпатически. При этом происходит как бы специальная фильтрация мыслительных потоков, в результате чего *нет смешений* и нет *злоупотребления мыслью*.

– Неплохо сказано, – одобрил я. – А он будет мне мстить, этот Гортхаур?

– Да, конечно, – ответил толстяк. – Ты же, в сущности, ополчился против него! А что такое твоя последняя исповедь? Ван Гогу от неё стало весело, правда ему сообщили лишь общий смысл и не назвали твоего имени.

– Значит, с ним всё в порядке?

– О да, он, так сказать, отмолил себя своими блестящими картинами! Ты был абсолютно прав.

– Вы что же, имеете в распоряжении, так сказать, полный текст моей последней исповеди?

– Ни в коем случае! Нам известно лишь общее направление мысли и сама как бы *тональность* душевного, дхармического состояния *клиента*, некий дхармообразующий узор.

Фанни добавила: – Гортхаур заслуживает не только презрения; это опасный, расчётливый враг, столп Правосудия, разучившийся прощать. Он завидует нам, людям. Так как в отношении большинства умерших, а также других человеческих видов (созданных уже вне Энрофа) Гортхаур бессилен, он мстит только тем, кто для него доступен. То есть тем, кто рождается на Земле.

– Фанни говорит дело, – сказал толстый. – Кстати, меня зовут Поль, – он протянул мне руку, и я её пожал. – Ты оказался нашим клиентом, и кое-чем мы смогли тебе помочь. Хотя выбор ты сделал, конечно, сам.

– Я полагал, что всё, что со мной произошло – смерть и после, – дело рук моего Ангела… Выходит, я чем-то обязан и вам?

– А также той, к кому ты взмолился о помощи, – сказала Фанни.

И они в общих чертах рассказали мне то, что произошло после того, как я потерял сознание.

– Единственное, чего мы совсем не знаем, – это тот *образ*, который принимает сила и сущность по-имени Гортхаур (или Гагтунгр) с целью устрашения наших клиентов (да и нас самих, ведь он мстит всем, кому только может), – добавил Поль. – Например, мне пришлось продвигаться сквозь целые толщи нижних ярусов и подъярусов, прежде чем я стал регистратором в Амаркорде.

– А как ты умер? – спросил я.

– На пиру у Хлодвига[1]. Я слишком много ел мяса и пил пива. Подумай – король тогда был ещё язычником! Каково же пришлось мне – простому солдату! В каких только загробных переделках я не был!

– Фантастика! – воскликнул я. – А ты? – Я обращался к Фанни.

---

[1] Хлодвиг – король франков в VI в.; принял христианство, что имело важные последствия для Франции.

– Я погибла от рук *патриотов* в 1793 году: соседка донесла патрулям, что я будто бы дворянка… Меня посадили в тюрьму, потом – гильотинировали.

– Боже мой… – пробормотал я.

– Вот влип, не правда ли? – засмеялся сосед с другой стороны. – Хорошая компания, да? – Этот был тощий и смахивал на Шопена. Но выяснилось, что зовут его Пьер.

– Не бойся, – сказала Фанни. – Здесь ты с нами. Как видишь, мы уже хлебнули горя и знаем, как помочь, если что.

Я пожал плечами и погрузился в списки умерших. Чуть позже я узнал, что тощий Пьер был когда-то гугенотом[1] и пал в Варфоломеевскую ночь.

§ 4. *Сан-Суси*.

I taste a liquor never brewed –
From tankards scooped in Pearl –
Not all the Vats upon the Rhine
Yield such an Alcohol!

Emily Dickinson[2].

– Общая суть, – сказала мне Фанни, – заключается в том, что любые движения человеческого *Я* образуют т.н. узор *кармы*, или причинно-следственный клубок, который как бы наматывается в специальных сферах Гортхаурова царства на соответствующую ось. Эти штуки с клубками хранятся там, у Гортхаура, в несметном количестве подъярусов и фабрик, на которых ничего никто не производит, а только обрабатывает информацию о кандидатах в умершие. Сами умершие попадают, строго по правилам, каждый в свою сферу, лучше сказать – застенок, где подвергаются соответствующим наказаниям до тех пор, пока за дело не возьмутся в Среднем и Верхнем Ярусах. У нас в Амаркорде за это дело берутся своеобразно – в духе техники конца XX века. Так как ты увлёкся компьютером, тебя определили в одну из таких контор; больше того, именно в ту, которая и обрабатывала данные о твоей карме.

– Чем же мы можем помочь несчастным жертвам Правосудия? – спросил я. – Тем, что выясняем, кто в чём согрешил?

– Это только начало. Самую важную часть работы выполняют *взломщики*, или *кракеры*[3]. Они пользуются специальными *декодерами* – программами, составленными наверху и позволяющими считывать и обрабатывать сигнал, исходящий от клубков с кармой. Эта обработка и называется взломом. В каком-то смысле Бог сделал из нас *воров*.

– И что вы воруете?

---

[1] Гугеноты (искаж. фр. от нем. Eidgenosse – товарищ по обету) – протестанты-кальвинисты во Франции; вели гражданские войны против католиков; их массовое истребление произошло, с санкции короля Карла IX, в 1572 г. в ночь на 24 авг. (день св. Варфоломея).

[2] Я пью неведомый нектар
Из жемчугов – до дна.
Все бочки Рейна не смогли
Такого дать вина!

Эмили Дикинсон. Пер. с англ. А.Гаврилова.

[3] Кракер (англ.) – щелкунчик; взломщик.

– Души, – ответила Фанни.

Оставшуюся часть рабочего дня она, как и остальные, сосредоточенно работала, и я постарался никому не мешать. Сидел, разглядывая списки имён (или псевдонимов) в левой колонке на экране моего компьютера, просматривал гроссбухи, курил. Боб принёс мне первоначальное руководство – инструкцию по работе с оборудованием и правила записи в гроссбухи. В своё время я коснусь этого более фундаментально, однако с учётом того факта, что правила амаркордских (равно как и остальных) загробных кракеров строжайше засекречены во благо настоящих и будущих умерших… Гортхаур не должен в них вникать!

Когда закончился рабочий день, мы вышли на улицу и стали расходиться. На стоянке были припаркованы машины и ярко-жёлтый мотоцикл, который оседлал шеф. Он помахал нам рукой и умчался в город.

– Поедемте посидим в *Сан-Суси*! – предложил Пьер. – Ты с нами, Клерк?

Я пожал плечами в знак согласия. Моим единственным желанием было остаться около Фанни. К нам подошёл лысый в сером шарфе, пожал каждому руку, затем они вместе с рыжей сели в фольксваген и укатили.

– А нельзя ли поспеть на Мессу в этот храм? – спросил я.

– Он открыт только по выходным, – сказал Пьер. – Ну, едешь?

Делать нечего, я кивнул.

– Садись в мою машину, если хочешь, – пригласила Фанни. Конечно, я сел. Пьер и Поль поехали в другой машине: Пьер за рулём, Поль с сигарой сзади. Первый раз меня прокатили вот так, с ветерком, по ту сторону земных моих тягот. Фанни была тот ещё лихач. Мимо мелькали поля, луга, какие-то пастбища с пастухами и коровами, река, мост, в общем – всё как положено, только почему-то без полиции.

– Как видишь, обходимся без полиции, – сказала Фанни, поймав мою мысль. Я ловить мысли ещё не умел.

– Странная тут у вас система, – буркнул я в ответ. – Но есть же какая-нибудь администрация? Кто-то должен всем этим заправлять!

– Не-а! Никто, – беззаботно отвечала Фанни. Мы свернули на ту самую дорогу, по которой Ангел вёз меня на новоселье в своей дурацкой таратайке. – Только Господь и мы, – добавила Фанни.

– А когда я Его увижу?

– Когда вырастешь! – засмеялась она.

В кофейне *Сан-Суси* хозяйничала барменша, как я потом выяснил – Ангел этого места. На ней были юбка и блуза из серебристой ткани, а также белые передник и чепчик, прицепленный двумя булавками к коротким чёрным волосам. В белоснежных зубах торчала голубая сигарета, распространявшая запах хвои. Ангелы как две капли воды похожи на людей. Я ещё не знал тогда, что все мы – Ангелы; просто мы, люди, – Ангелы в определённом смысле

падшие, мы как бы упали в Энроф, в физические тела, упали в наши рождения. Барменша (мои спутники звали её Жюли) ответила на моё *здрасьте* тем, что потрепала меня по щеке:

– А вот и твоя корзина, – сказала она мне. – В ней лежит привет от святителя Николая. – В самом деле, на скамье лежала забытая мной корзина, полная всякой еды, из которой высовывались два бутылочных горлышка. Последние принадлежали двум полным овальным бутылкам с каким-то вином. Я спросил брюнетку-Ангела, где она живёт и почему в тот раз её здесь не было.

– Я живу в Небесной Вифании, – как ни в чём ни бывало, сказала она.

– Допустим, – ответил я. – А ездишь ты, как и вот они, на машине или как мой Ангел – на таратайке?

– Возможно, ты не поверишь. Но, как бы там ни было, я летаю. Или, вернее, я просто оказываюсь там, где должна быть. Может, и ты когда-нибудь этому научишься. Ведь у тебя неплохой учитель, – и она поцеловалась с Фанни.

Потом Жюли пошла обслуживать кого-то ещё, так и не объяснив, почему её тогда не было, а я предложил воспользоваться подарком святителя. Мы сели за стол у окна, за которым виднелись мост и речка, откупорили одну из бутылок и выпили за здоровье моих покровителей.

После того, как Жюли принесла нам кофе, я поинтересовался, чем здесь расплачиваются. – Деньгами, – равнодушно сказала Фанни. – Это такие бумажки или монеты, нам их выдают на месте работы приблизительно раз в месяц. В более высоких подъярусах денег, разумеется, нет.

– Нам, видишь ли, – сказал Поль, – уже не грозят ни зависть, ни жадность, ни тщеславие; ведь теперь мы отлично знаем, чем обернулись подобные вещи для нас самих, когда мы умерли.

– Например, я, – сказала Фанни, – отошла от Церкви; когда настал мой черёд подойти к гильотине, поблизости не было ни одного священника, если не считать одного, присягнувшего патриотам. Я была очень зла на Бога, и это стало причиной, по которой я не смогла сразу попасть *сюда*.

– А я издевался над священниками, будучи гугенотом, – добавил Пьер.

– А я, – заявил Поль, – даже не был крещён; грубый воин, я воевал и пировал, даже не был чужд насилию над дамами… пока одна из них, галльская аристократка, не приручила меня и не заплатила мне за свой позор (коему я её подверг при осаде её города) начатками образования: она научила меня читать и взяла обещание, что я перестану быть столь свирепым. Она, кажется, полюбила меня. Но потом она умерла – смешно сказать – от простуды, и я вернулся к своим коллегам – тупым и безжалостным солдатам Хлодвига, ища утешения в пьянках и дебошах. Однако с тех пор я не обидел ни одной дамы и даже прирезал своего товарища, застав его в роли насильника.

– Вот это карма! – весело засмеялась барменша Жюли и другая компания, которую она обслуживала. Я заметил, что Жюли принимает от посетителей деньги. На кой Ангелам деньги? – спросил я себя.

– Это не себе, – ответил на мою мысль Пьер. – Эти деньги особым образом отражают некий счёт в одном из парижских банков; Жюли, так сказать, перераспределяет фонды этого банка в пользу малоимущих.

Мне оставалось лишь почесать в затылке.

§ 5. *Друг мой Фанни.*

> Между Я и Ты нет никакой цели, никакого вожделения, никакого предвосхищения; сама страсть преображается, устремляясь из мечты в явь. Всякое средство есть препятствие. Лишь там, где средства упразднены, происходит встреча.
>
> *Мартин Бубер*. Я и Ты.

Так мы проговорили всё время, поедая фрукты, ветчину, сыр и запивая всё это вином, дай Бог здоровья святителю. Когда мы вышли (на прощанье Жюли чмокнула меня в нос – похоже, я понравился ей), на улице давно стемнело. Фанни сажает меня в свой автомобиль, мы прощаемся за руку с Пьером и Полем и едем.

– Если хочешь, можешь провести эту ночь у меня, – говорит Фанни. – Я живу неподалёку.

– Да? – сказал я, чего-то испугавшись.

– Что ты, как всё равно не умер! – засмеялась она. – Испугался, что я решила тебя соблазнить?

– Я, кажется, опять забыл корзину в кофейне. – Пауза. Фанни весело насвистывает *Историю любви* Ф. Гойи, которую я играл на гитаре – там, на Земле. – С одной стороны, здесь есть сексуальные различия – даже у Жюли я их заметил! – а с другой стороны – похоже, вся эта *нижняя сфера* здесь просто-напросто не функционирует… – В подобных обстоятельствах не то флирта, не то не флирта я привык пускаться в интеллектуальные рассуждения.

– Зато и удовольствие, которое даёт здесь любовь, будучи совсем иного рода, чем то, на Земле, куда сильнее! – Так отвечала Фанни. – Здесь нечего бояться, Клерк! И, потом, заруби себе на носу: как бы я тебе ни нравилась, у нас с тобой – разные половины. Твоя ещё не умерла, а моя находится там, откуда я её вытаскиваю вот уже сто лет.

– Да ты просто старушка, Фанни! – сказал я.

– Ничего себе комплимент! – ответила она. Мы остановились у трёхэтажного коттеджа.

– Похоже, проблема перенаселения тут решена.

Так сказав, я вошёл в Фаннину квартиру и повесил сумку на вешалку.

– Да, вот такой парадокс, – ответила она, одевая пушистые тапочки. – Земля – очень маленький мір; даже весь Энроф – лишь верхушка айсберга по отношению к огромному количеству міров, душевных и духовных. Присаживайся, я сейчас сделаю кофе и включу музыку. – Она нажала кнопку на какой-то технике типа музыкального центра, и оттуда заиграли Лунную сонату. – А тут – огромное количество ярусов, подъярусов и, так сказать, слоёв; некий

аналог перенаселения я видела внизу, когда ещё не выбралась из тех мест, где приходится отрабатывать карму.

– Скажи, Фанни, а на Земле вы были знакомы – ты и твоя половина?

– Нет, мы и не могли быть знакомы. Он умер на сто лет позже меня, в Париже. Он был художник, из той же среды, что и Тулуз-Лотрек, Дега, Ван Гог и т.д. Знаешь, когда Ван Гог умер после попытки застрелиться, Гагтунгру не удалось ничего с ним сделать: холсты и рисунки Ван Гога образовали как бы глухую защиту от Гагтунгра, Ангел Ван Гога, очень милая *дама*, сидела в этой небесной галерее и держала его за руку, а слуги Гагтунгра (мы называем их *таможенниками*) просто отскакивали от той ауры, которая соткалась из вангоговских полотен! Но мой суженый погиб не так, как его собутыльник Ван Гог: спился и в момент смерти почти ничего не соображал, да и талант у него был недостаточный, в отличие от Ван Гога, чтобы защититься картинами… Так он до сих пор и сидит в одном из слоёв нижнего Чистилища, а я работаю с его кармой, которая похожа на хвост динозавра… – Ей стало грустно, но, взяв себя в руки, она кротко улыбнулась и пошла на кухню делать кофе.

На чёрном, полированном столике – поднос с серебристым кофейником, двумя чашками (одна – красная, другая – фиолетовая) и стеклянной вазочкой, полной печенья. Пепельница. Мы пили кофе, курили, разговаривали. Я рассказал ей о Сюзанне. Я рассказал ей о том, как однажды без памяти влюбился в свою институтскую однокашницу, как признался ей в любви, дав ей почитать свои стихи, под которые подложил записку с признанием, как она была деликатна со мной, как мне было плохо, когда она дала мне понять, что я не тот, кто ей для счастья нужен… Как впоследствии она заставила меня креститься и стала моей крёстной матерью. Как я благодарен ей за это. Как я видел её недавно во сне семидесятилетней.

Фанни, подойдя ко мне, погладила меня по плечу.

– Ты на сегодня устал. Завтра нам надо работать, старик. Давай спать.

– Вместе?

– А что?

– Нет, ничего.

– Тогда всё в порядке.

– Я вспомнил Гермину[1].

– Какая я Гермина! Наши сексуальные различия теперь ни на что не годны… Здесь *кундабуфер*, как ты его называешь, приказал долго жить, три нижние чакры уступили место трём верхним – сердцу, горлу и зрению.

Фанни, не раздеваясь, легла на кровать и позвала меня. Я лёг рядом с ней, и она привлекла меня к себе. И мне сделалось хорошо. Так бывало в детстве. Я вдруг почувствовал своё сердце. Я почувствовал, что эта Фанни, в синих джинсах и белой блузке, обнявшая меня, – моя сестра. Она сказала правду: здесь больше уже нет вожделения, нет животных импульсов. Здесь –

[1] Гермина – персонаж романа Г.Гессе *Степной волк*; женская ипостась Гарри Галлера.

притяжение дхарм, их тихое соединение в один целостный тёплый узор. Земля здесь состоит из эфира. Я чувствовал, что поднимаюсь вместе с Фанни над кроватью, и мы парим. *Лунная соната* (первая часть), дойдя до конца, начинает звучать вновь. Сердце горит.

§ 6. *Женщина.*

Грех думать – ты не из весталок:
Вошла со стулом,
Как с полки, жизнь мою достала
И пыль обдула.

Б. Пастернак

Очень трудно, почти невозможно описать эти вещи. Но раз уж я взялся за эти sui generis *мемуары*, то отступать некуда. Не было в моей земной жизни ни одного дня, когда бы я усомнился в том, что прекрасная женщина воплощает в себе весь смысл Міроздания. Как-то раз я написал даже стихотворный опус под названием *Голгофа Женственности*, заканчивался он так:

Женственность – моё Распятье,
Крест и Бог моих молитв!

Окрестившись, я едва ли изменил этим убеждениям: начать с того, что я и крестился-то в угоду Даме, в которую был безответно влюблён. Да и в самой Церкви меня в особенности привлекал образ Богородицы (как это в акафисте – *о Мати Господа моего Творца*…). Объятия Фанни заключали меня не менее целомудренным образом, чем взгляд Богоматери Марии, обращавшийся на меня с иконы (особенно с той, что в храме святителя Николая). Это явь, похожая на самый приятный сон, или, возможно, сон, в котором – преображённая в счастье явь. Такое впечатление, будто принцип Инь мгновенно стал доминирующим, а всё, что было во мне самом от принципа Ян, тихонько растворяется в Инь, словно я погружён в мягкую воду лесного пруда. Вся душа сосредоточилась в области, занимаемой сердцем; думает оно, а не ум. Оно, сердце. Вбирающее в себя міры моё слабое, и, однако, уже бессмертное и окружённое женской заботой сердце.

– Скажи-ка, милая Фанни, – сказал я наутро, сидя за её кухонным столом, – Зачем же нам гениталии, если мы теперь и впрямь пребываем в сфере неземной любви?

– Они тебе докучают? – спросила она, наливая себе и мне кофе из серебристого кофейника. – Видишь ли, они, так сказать, остались чем-то недовершённым, непонятым; они ведь тоже проекция наших земных конфигураций… У них должно быть какое-то значение – возможно, то самое, что и предполагалось в Начале, при нашем сотворении, и затем исказилось в результате Падения. Пища, которую мы едим, вот этот кофе, это печенье, этот сыр, в конце концов, – всё это претворяется в некий дхармический фермент, поддерживающий наше Присутствие…

– А что означает: *Не женятся и замуж не выходят, а пребывают, как Ангелы на Небесах*?

– То и означает, что рано или поздно, уже не в міре дхарм и гун[1], а в міре, где наше истинное тело как бы окружено Духом, инь и ян неслиянно соединяются друг с другом и становятся творцами новых міров, новых видов прекрасных существ. В Аду всё наоборот: у некоторых из числа попавших в Ад, гениталии, как ты это называешь, гипертрофируются до огромных размеров…

– Представляю, – вставил я, закуривая сигарету, – люди-фаллосы и т.п.

– Дурак. Так вот, там нет ни любви в нашем смысле, ни совокупления, как оно бывает на Земле: в этом-то и вся их мука! Фокерма играет на этой особенности адского тела. Её наибольшее удовольствие – танталовы муки душевных тел, не преобразивших вовремя свою сексуальность.

– О, Фанни, да ты просто синий чулок! – сказал я.

§ 7. *Уикэнд.*

И где-то за холмами море
Мерещится всё время мне…
Б. Пастернак

В конторе мне выдали гроссбух с новыми поступлениями, и я часа четыре кряду выкапывал в нём степных волков и волчиц, сопоставляя данные их судеб (в той мере, какую дозволяет, так сказать, официальная загробная деликатность) с закономерностями воздаяния, списки которых хранились в специальном справочном файле в компьютере шефа, к которому мы были подключены. Каких только смертей не бывает, думал я. Разумеется, пришлось безжалостно отмести всех самоубийц (ведь Гарри Галлер так и не покончил с собой), всех сумасшедших или преступников; искать надо было сперва по принципу "учёный–неучёный", "сторонник ненасилия–агрессор", "в браке–не в браке" и т.п. Один из главных признаков *степного волка* – это, конечно, склонность к беспокойству по поводу распада личности, ведь, хотя Гессе запихнул своего героя в конце концов в *магический театр*, где рокер Пабло – практически оборотень, обратная сторона Моцарта, равно как и Гермина – обратная сторона самого Гарри, чувствуется, что автор романа был вынужден прибегнуть к такой псевдо-буддийской логике, тогда как сам для себя остался тем же книжником и одиночкой. В том-то и дело, что этот роман, в сущности, безысходен. Степной волк нашёл ложный выход – он предпринял попытку растворения в *других*, попытку уйти в мір, где все очертания размыты, как они размыты, например, в кастанедовском нагвале[2]!

– Клерк, – сказала мне Фанни в конце рабочего дня. – Сегодня пятница.

– И что же?

---

[1] Гуны – согласно индийской системе Санкхья, три состояния материи-пракрити: тамас – инертность, раджас – активность, саттва – равновесие.

[2] Кастанеда, Карлос – мексиканский писатель-оккультист. *Нагваль* есть то, чего нельзя выразить (грубо говоря, реальность, познаваемая в снах и галлюцинациях).

– А то, что впереди – два выходных, если угодно – уикэнд[1]. Поехали на пляж?

Я, понятно, согласился. За прошедшие трое суток я ни разу не снимал одежду и не мылся, если не считать того раза, когда я сушился на берегу моря. Да и, потом, мне было любопытно, что такое загробный пляж и, между прочим, как выглядит Фанни в купальнике. Я испытывал к этому интерес, совершенно далёкий от земного, хотя вам, вероятно, трудно в это поверить, ведь вы-то ещё не умерли! После работы Пьер, как всегда, укатил на одной машине с Полем, жующим толстую сигару, и Фанни, взяв шефство надо мной, сводила меня в готический храм, так как помнила, что я хотел там побывать. Мы отсидели Мессу, заключавшуюся в том, что в течение часа священник в зелёном облачении играл на органе какую-то очень старую музыку, созданную, по словам Фанни, ещё в XI веке. Не было ни исповеди, ни Причастия. Да и, похоже, здесь и вообще не было ни того, ни другого: успел на Земле исповедаться и причаститься – так успел, а не успел – так не успел. Мне повезло – я успел.

– А я, знаешь, очень тебе завидую, – сказала Фанни, когда мы сели в её автомобиль.

– Но ведь ты не виновата, что разразилась Революция, – сказал я. – И что все священники присягнули, кроме тех, кого убили патриоты.

– В этом я не виновата, да. Но я напрасно злилась на Бога…

Мы приехали на то самое место, где я впервые очнулся в этом міре. Оранжевое солнце приближалось к горизонту и заливало море косыми лучами. Фанни сняла одежду – синие джинсы и белую блузку с засученными рукавами, это всё, что на ней было, – скинула свои белые туфли-тапочки и, так сказать, обнажённая, пошла к воде. Не то чтобы я был шокирован, ведь я бывал на нудистских пляжах; скорее, меня удивляло то, что мои гениталии никак не реагировали на такой поворот обстоятельств. Вокруг ни души, кроме нас. Что ж, я снял с себя своё барахло и тоже поплыл за Фанни. Так мы и плавали, пока солнце не село, как Адам и Ева в Раю. Потом оделись. Фанни нацепила тапочки и обняла меня. Мы постояли – два силуэта на фоне *утомлённого солнца*, затем сели в машину и поехали, на этот раз, ко мне домой. Так начался уикэнд.

[1] По-англ. – выходные, конец недели.

§ 8. *Музыка.*

> И тогда, по слову Его, голоса Айнуров: голоса-арфы и голоса-лютни, голоса-свирели и голоса-трубы, виолы, органы и многоголосые хоры – начали обращать тему Илуватара в Великую Музыку.
>
> **Д.Толкин.** ***Айнулиндалэ***

1) *Великий Кибер.*

В субботу я сидел у окна в собственном доме, в то время как Фанни резала овощи на кухне: она уже успела съездить на городской рынок и теперь готовила завтрак. Неожиданно из чемоданчика послышалась трель – это означало, что я кому-то понадобился. Я открыл крышку, и на дисплее появилось лицо Боба.

– Доброе утро, дружище! – сказал он. – В Амаркорде гастролируют Моцарт и его сестра Нанерль. Они играют на синтезаторе… Если вы с Фанни хотите, то подъезжайте на центральную площадь через два часа. Соберутся все амаркордцы, ведь Моцарт в первый раз в наших краях.

– А откуда ты знаешь, что Фанни… – начал было я.

– Да ладно! – отрезал он. – Загробная техника – это тебе не хухры-мухры. Я позвонил Фанни домой, а её чемоданчик перенаправил меня к тебе, вот и всё. И, потом, в вашей дружбе я не вижу ничего постыдного или подлежащего утаиванию. Не бойся, никто специально за вами не следит. Просто последствия твоего земного невроза не дают тебе полностью раскрыться! В общем, привет Фанни! – Боб выключился, а на экране появилась фотография Моцарта с сестрой, сидящих за синтезатором и играющих в четыре руки. Послышалась также музыка, но это был всем известный *Реквием*, *Лакримоза*, как раз недописанная умиравшим Моцартом и законченная Зюсмайром. Вероятно, на площади они представят что-то новенькое. Фанни принесла еду и вино, и мы завтракаем при открытом окне, за которым утреннее солнце играет в листве клёнов на аллее.

– Скажешь, будто я не в Раю? – сказал я.

– Нет, конечно, – ответила Фанни, подставив мне тарелку с салатом и бокал вина. – Рай здесь только предугадывается. Например, моя половина ещё не освобождена, а твоя – ещё даже не умерла! Боб нашёл свою половину ещё на Земле, я имею в виду Рут. Они там были даже повенчаны как Боб и Рут Фолдеры; потом гитлеровцы оккупировали Париж, и они ушли в подполье. Там вовсю читали Сартра – *Бытиё и ничто*; с одной стороны, этот опус подводил к мысли о необходимости сопротивления силам тьмы, но с другой – опирался на бесплодную мысль о ничтожности бытия, как если бы люди так и оставались сизифами, обречёнными вкатывать на вершину горы камни, которые всё равно снова скатятся вниз. Рут попала в гестапо и повесилась, чтобы никого не выдать под пытками. Боб разуверился в Боге и запил. Он и умер от этого, сразу после освобождения Парижа. Всего этого довольно, чтобы совершить малоприятный круиз по соответствующим местам Нижнего Яруса.

– А куда смотрел Бог? – бесцеремонно спросил я, пережёвывая салат.

– Ты никак не поймёшь, что есть ситуации, в которых всемогущий Бог беспомощен. Ну разве ты полюбил бы меня, если бы твоё сердце было против?

Я взял её руку и прижался к её ладони лицом.

– Так и Бог не заставляет любить Себя. Он лишь даёт время и возможность всё решить и обдумать. Разумеется, Гортхаур тут как тут; он то и дело вставляет палки в колёса, создаёт помехи, делает всё, чтобы только заполучить клиента. Но, знаешь, дело его швах – то-то он свирепствует.

– А кто додумался до идеи взлома? – спросил я, налив Фанни ещё вина.

– Прозит! – сказала Фанни, поднимая бокал. – Один православный монах-француз, которого у нас прозвали Великим Кибером. Сперва, когда он умер десять лет назад, он просто молился по чёткам и продолжал вести чрезвычайно аскетический образ жизни, насколько это здесь возможно. Но так как по земной специальности он был электронщик и кибернетик, ему пришло в голову собрать компьютер из дхарм. Он долго медитировал, молился и т.д. И наконец сконструировал эту штуку.

– Из чего?

– Я же сказала: из дхарм. То есть он вообразил её себе и обдумывал до тех пор, пока Бог не послал ему воплощения этой идеи. Так и началась электронная эпоха в Среднем Ярусе.

– А откуда ему стало известно про фабрики Гортхаура?

– Кибер – человек святой. Он извлёк все свои сведения из размышлений и молитв. Или, можно сказать, его Ангел и Сам Бог сообщили ему всё, что требуется. Ведь *взлом кармы* – в интересах Всевышнего! Скажу тебе больше: когда Господь был распят и умер, Он произвёл не что иное, как *глобальный Взлом Кармы*, которая до того времени довлела над нами. Этот великий Взлом есть как бы тот неисчерпаемый резервуар, из которого Кибер и почерпнул все свои программы-декодеры. Он теперь стоит во главе огромного эгрегора[1] Ангелов (или, если хочешь, Айнуров), занятого кибернетизацией Среднего Яруса.

– Чудно́! – сказал я.

Потом Фанни учила меня играть на скрипке, но, так как мы собрались на самого Моцарта, я чувствовал себя пигмеем в музыке и удивляюсь, откуда у Фанни столько любви и терпения, особенно если учесть, что я вовсе не её половина…

2) *Триумф Плоти.*

И Слово стало плотию и обитало с нами…
Ин. 1:14

Фанни включила мотор, и мы поехали в город. Дом тут можно оставлять открытым, так как никому в голову не придёт что-либо красть. А если бы и пришло – в ту же минуту вы оказались бы как бы на один-два яруса ниже этого; как говорят, там Солнца нет вообще, всё время светит Луна и моросит дождь…

[1] Эгрегор – группа существ и окружающая её аура.

Впрочем, такие случаи, когда кто-то, попав в Средний Ярус, как бы провалился вниз, крайне редки.

На площади было уже человек сто (как я потом узнал – это всё население Амаркорда – т.е. этого города и окружающих его поселений!). Все сидели на половичках, принесённых с собой. Ароматный дым трубок, сигар и папирос стоял столбом. Площадь образовывали пять трёхэтажных домов, так что в ней было нечто от пентаграммы[1]. Никто не кричал, не толкался. Между сидящими ходили милые барышни (в том числе *Ангел-Жюли*), раздавая бутылки с напитками. И вот, наконец, на площадь въехала старинная карета, запряжённая четырьмя лошадьми; она остановилась на краю площади. Элегантный кучер, одетый по моде времён Австрии конца XVIII века, открыл дверцу кареты, и оттуда вышли Нанерль и Вольфганг Моцарты, каждому – лет по тридцать. Затем кучер извлёк из кареты какую-то синюю штуку, привернул к ней четыре ножки и поставил её посредине площади; это и был синтезатор. Перед ним поставили пару стульев (также извлечённых из кареты), и оба Моцарта, усевшись на них, подняли крышку синтезатора и, о чём-то пошептавшись, принялись играть. На площади в почтительной тишине зазвучала музыка, которую я не в состоянии передать. Я слушал и думал о том, что Моцарт всегда воспевал плоть, и это-то и было мне в нём чуждо, но в этом-то я и был неправ, так как *Бог стал Человеком во плоти*, чтобы и каждый человек смог, в конце земных времён, сделаться *богом во плоти*, вслед за Девой Марией, теперь включённой (по словам святителя) в саму *Троицу*. В ту же Троицу рано или поздно включимся и все мы, земные жители и все жители трёх главных ярусов загробного міра; под вопросом останется лишь Гортхаур со своими приспешниками. Его музыкальная тема с некоторых пор есть искажение той темы, которую развивают Айнуры, оркестранты *Илуватара* (так называется Бог у Толкина).

После концерта местный священник, облачённый в серебристую тогу, подошёл к Моцартам и сердечно расцеловал их. Затем так же поступили ещё человек двадцать.

– Хочешь пожать руку Моцарту? – спросил меня сидевший рядом Боб.

– И поцеловать руку его сестре? – усмехнулась его половина Рут.

Я встал и подошёл тоже к синтезаторщикам, поцеловал руку Нанерль – дамы необычайно красивой и нежной, пожал руку её брату и поблагодарил его.

– Не стоит благодарности, – возразил Моцарт.

– Стоит! – возразил я. – Потому что вы даже не представляете, сколько вы сделали для меня и моих друзей – там, на Земле! Я вам очень признателен, господин Моцарт. И хочу попросить вас – если вы увидите Её Величество Марию-Антуанетту, то замолвите перед ней словечко!

– Я хорошо знаю королеву, – удивлённо отвечал Моцарт. – А что я должен ей сообщить?

---

[1] Пентаграмма – пятиконечная фигура в оккультизме; символ человека.

Я пробормотал: – Передайте ей, что я, простой клерк, люблю её и весьма сожалею о том, что события её земной жизни были столь печальны…

– Ну хорошо, мой друг! – отвечал мне Моцарт. – Вы, как видно, весьма чувствительны к музыке.

– Приезжайте к нам в Вену, – сказала Нанерль. – В ту, что на три яруса выше той Вены, которая у вас.

– Спасибо, – сказал я, – как только я смогу, я приеду к вам. Хотя я всего лишь простой клерк.

– Не скромничайте, – Моцарт погладил меня по плечу, – я вижу ваше сердце. В нём совершенно нет зла. Ну, прощайте, мой друг! – И они оба поцеловали меня. Я вернулся на своё место и спрятал лицо на груди Фанни. Всё ещё звучавшая в моей голове музыка говорила мне, что душевная плоть торжествует над Гортхауром и его какофонией.

§ 9. *Присутствие и сбывшаяся мечта.*

Спустя несколько дней, а также ночей, проведённых в одиночестве, в каких-то неуклюжих снах, описывать которые, пожалуй, неприлично, я получил в конторе свою первую зарплату – три синих бумажки с изображением *Маленького Принца*. Все эти дни (так как Фанни уехала в срочную командировку в связи с очередным клиентом), я добирался до дому либо пешком, либо меня подвозили Пьер и Поль. И я решил приобрести автомобиль. Пришёл в Город и на рынке обнаружил выставленный на продажу сиреневый фольксваген, за который заплатил одну из трёх бумажек. Чуть позже я узнал, что бумажек три потому, что я помог улучшить судьбу троих клиентов, тщательно сверяя данные их кармы и, согласно правилам, вписывая их в соответствующий гроссбух; они должны быть уже поблизости от Амаркорда. Продавец – обыкновенный француз с неизменной улыбкой и молчаливый – показал мне, где какая педаль и как держать руль, затем торжественно вручил мне ключ от мотора и пожелал попутного ветра. Я сказал было *мерси*, но, как видно, он меня не понял…

Так сбылась моя мечта о машине.

Приехав домой, я выпил и поел сыру. Затем взял чемоданчик и сумку и поехал к морю. Миновал извилистую дорогу среди холмов – такие я видал между Коктебелем и Феодосией, – переехал мост через реку, по которой меня вёз на своей лодке святитель, и съехал на один из пустынных пляжей. Было что-то около трёх часов пополудни. В моей сумке по-прежнему лежала тетрадка с конспектами из Хайдеггера, Сартра и Юнга. Я выпил вина (три бутылки, купленные мной у Жюли, покоились про запас на заднем сиденье фольксвагена вместе с едой) и вылез наружу, оставив дверцу открытой. Море, валуны, песок. Вдали – лесные массивы, по которым я брёл после встречи с Владимиром Семёнычем. Странно, внизу на этом месте моря никакого нет; ведь это

амаркордское соответствие Иль-де-Франсу[1]. Значит, география загробных міров не буквально отображает земную. Я скинул одежду – брюки, фуфайку, ветровку и туфли-полуботинки – и сплавал по тихим волнам. Посмотрел подводный "телевизор": рыбы, ракушки, медузы, водоросли, песчаное белое дно. Достал красивую раковину и, выйдя на берег, приспособил её на валун в качестве пепельницы. Рядом разложил еду и поставил бутылку. Один, совершенно один. Где-то там Фанни! Где-то там мои умершие близкие и знакомые! Я созерцал мір. Немного о чём-то думал. Потом достал конспекты и наткнулся на такой пассаж:

Всё происходит так, как если бы Настоящее было постоянной дырой бытия, сразу же заполняемой и постоянно возобновляемой, как если бы Настоящее было непрерывным бегством от приклеивания к "в-себе", угрожающим ему до окончательной победы в-себе, увлекающим его в Прошлое, не являющееся больше прошлым никакого Для-себя. Именно смерть является этой победой, так как смерть есть радикальная остановка Временности через перевод в прошлое всей системы или, если угодно, захват человеческой Целостности посредством В-себе[2].

Но смерть оказалась – во всяком случае для меня – сама побеждённой; и бегство прекращено, коль скоро позади – Земля, а где-то далеко впереди, в перламутровой перспективе – моя встреча с Тем, Кто сотворил меня прежде моего Падения в земное Время, в тьму Энрофа, относительно которой Сартр был бы абсолютно прав, если бы только не счёл Бытиё и Присутствие *случайностью*, обречённой на такой же случайный и абсурдный, безусловно-абсолютный *Конец Всего*. Где-то теперь Сартр? – спрошу Хайдеггера, надо ведь найти, изыскать какой-то способ переубедить Сартра, так как, помимо того, что жизнь его ценна сама по себе, он как никто другой мог бы пригодится в Амаркорде, где, как я уже понял, закладываются основы метакультуры Франции.

Как бы там ни было, вот он я, и мечта о машине сбылась, и мечта о море сбылась, и уже нет той тоски, что тяготила меня в Крыму, навсегда связавшемуся в моём сознании (или подсознании) с мадам, моей бывшей женой. Сколько мы исходили вместе крымских троп с ней и с её детьми! А без неё я не ездил в Крым – во-первых, из-за означенной тоски, во-вторых – из-за отсутствия денег.

Ещё я думал о том происшествии, когда Роми Шнайдер, отозвавшись на мой слабый зов, позаботилась обо мне. Я пытался представить, как всё это было, ведь мне рассказали всё только в общих чертах. Как бы это найти её? Но… смогу ли я без страха и стыда встретиться с ней, поцеловать ей руку? Я чувствовал себя ничтожеством по сравнению с Роми Шнайдер, фрау Роми. Как

---

[1] Иль-де-Франс – часть Франции, в которой располагается Париж.
[2] *Бытиё и ничто*, с. 176.

всё-таки здорово, что она спасена. Я выпил из горла и пожевал сыр с румяным хлебом. Так я и не забрал чудесную корзину из *Сан-Суси*. Фанни, Фанни, возвращайся скорее, мне снятся поганые, похабные сны – видать, Гортхаур напустил на меня Фокерму. А с тобою, Фанни, ночь и сон превращаются в сказочный дворец, в праздник любви и нежности, с тобою *ночь нежна*, tender is the night. Солнце всё ниже; я теперь часто буду приезжать сюда после работы, а также в уикэнд – любоваться закатом, как *Маленький Принц* или какой-нибудь сочинитель хокку[1]. Закат здесь больше не означает ничего печального; впрочем, здесь только одна печаль и есть – относительно тех, кто ещё не умер, и тех, кто приобрёл незавидное посмертие.

Так я сидел на песке, радуясь здоровью и одиночеству, радуясь даже этой печали о других. Я смотрел на линию горизонта и испытывал удовольствие. Рядом стоял мой автомобиль. Я раскрыл чемоданчик и дописал *мемуары* как раз до этого параграфа.

Часть Вторая.
Монархический Принцип.

Раздел Первый.
§ 1. *Присутствие. Сюзанна.*

> Всё дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как субстанцию только, но равным образом и как *субъект*.
>
> **Гегель**. *Феноменология духа.*

"Присутствие одиноко. Присутствие ни счастливо, ни несчастно; оно нейтрально, так как основано на *ничто*. Или: Присутствие – как *Я* – дано; оно совпадает с сознанием *себя* (= рефлектирующее *Для-себя* Сартра?). Таково *моё*, равно как любое другое Присутствие. *Мір*, развёрнутый снаружи относительно *меня*, влечёт меня или отталкивает. Я, присутствующий, могу быть *міром извне* осчастливлен или огорчён. *Я* бежит в мір, к міру от *в-себе-бытия*, в коем оно не в силах распознать свой собственный исток.

И не столь важно – живой ты или умерший, – и там, и тут ты при-*сут*-ствуешь – при с у т и, которой не дано понять, ни даже ухватить как предмет за какой-нибудь краешек. Слиянием с міром была бы смерть, *если б только она была*.

Другой вопрос, возникающий параллельно: в чём принципиальная разница между *моим типом* Присутствия и *типом Присутствия Бога*? Суть, при которой Присутствие, – это, очевидно, *сущее*, существующий снаружи восприятия мір, какой бы он ни был. При м і р е присутствует сознание, или *Я*. Но при чём присутствует Бог в тот момент, *когда міра ещё нет*? *Где* присутствует Бог? Может ли Он Сам ухватить исток Своего бытия-в-себе? Или

[1] Хокку – японское трёхстишие.

Он Сам есть такое же бегство из тёмного, хаотичного *в-себе* к *Для-себя*, а затем – к *Для-другого*: к Творению Другого?"

Фрагмент из моих земных записей.

Я завёл машину и подумал: как там святитель? И вот как раз, подъехав к мосту, вижу, как он сидит в лодке посредине реки с удочкой в руках. Звучит джаз (опять фокусы). Я вылез и кричу:

– Святитель Николай, я только о вас подумал – и вот вы! Как оно – клюёт?

– Ничего, братец Клерк, на уху хватит. Похоже, ты разбогател – машину купил? – Он смотал удочку и подгрёб к берегу, где было небольшое кострище. – Иди сюда, выпьем, что ли!

– Иду. – Я захлопнул дверцу, прихватил чемоданчик и подошёл к кострищу, на котором откуда ни возьмись появился хворост и нарубленные брёвна. Святитель попросил зажигалку, а у меня как раз была новая, уже загробная зажигалка, которую мне подарила Фанни. Мы сели у костра и пили вино, которое святитель принёс из лодки. От этого вина мне сделалось так покойно, что я и думать забыл про Присутствие.

– Мудрены твои мысли, брат Клерк! – сказал св. Николай. – И как мало нужно тебе, чтобы позабыть про них: стаканчик вина! Вот это в тебе и замечательно. Не думай про то, откуда и где Господь.

– Ах да, – спохватился я было. – Я и впрямь про то думал. Но, видите ли, святитель Николай, ведь это не всё равно – что это за міры, куда нас Кто-то помещает. А так-то оно конечно – я вот купил фольксваген – и рад до смерти.

– Скорее, не *до*, а *после* смерти! Скажи-ка, ведь океан всё одно не вычерпать чайною-то ложкой, а?

– Оно верно, не вычерпать. Ваше здоровье, – и я опрокинул полстаканчика. – Мне вот только сны докучают.

– А что ты видишь?

– Понимаете, как будто там всё состоит из насилия над женщинами… Мне кажется во сне, что я какой-то злющий маньяк, который выслеживает самых красивых и самых беззащитных барышень и внезапно набрасывается на них, как бешеный бабуин, и мучит, и мучит...

– Ай-яй-яй! Значит, это что-то такое, что в тебе присутствовало ещё там, на Земле. Но ведь ты не совершал наяву таких мерзопакостей?!

– Нет, наяву, оно конечно, не совершал. Вот вы сказали: *присутствовало*… Если б я, скажем, совершенно распался, как только помер, то и не присутствовал бы, и во мне, внутри, тоже ничего бы не присутствовало. Ваше счастье, что вы не читали Сартра, – вот где мудрено так мудрено!

– Упаси Господь читать всякую абракадабру, да и, поди, безбожник он, этот твой Сартр.

– Точно, безбожник тот ещё. Но я подумываю о том, что пора бы за него взяться и переубедить его. Разве не все, в конце концов, спасутся?!

– Вообще-то подобная мысль, дружок ты мой, есть форменная ересь, за которую раньше – лет эдак 600 тому назад и сжечь могли, а то и глаза повыкалывать! Но не стану скрывать, эти молодчики, что сжигали и мучили, ошиблись.

– Хорошенькая ошибка. Ватикан полагает, достаточно было Папе попросить у міра прощения за *допущенные Церковью ошибки*, чтобы мір тут же и позабыл про них – про то, как замучили насмерть учёную даму Гипатию[1], как сожгли Яна Гуса и Джордано Бруно, как свирепствовала Мария Тюдор, как сжигали людей ни за что, ни про что в Испании при Филиппе II…

– Да ты прямо нафарширован сведениями! На вот кусочек сыру.

– Мерси. – сказал я. Кусочек сыру. А те, замученные, загнаны монархической Церковью в настоящий ад сперва на Земле, а потом, *официально*, по всем законам Гортхаура в Нижний Ярус со всеми его бюрократическими зверствами.

– Слыхал я, у тебя появилась подружка, Клерк, – вдруг говорит святитель. – Это славно. Но ты не очень за ней ухлёстывай, потому что встретился мне Ангел твоей второй половинки…

– Да ну! – воскликнул я. – Кто же она?

– А вот, помнишь, ты рассказывал мне, как вы строили дом вместе с Сюзанной? Так вот это она… Она стала парижанкой, потому что мамаша её, будучи актрисой-гастролёршей, перебралась в Париж, и они там осели, а потом в Германии всё изменилось, коммунистов выгнали, отец Сюзанны умер, а мамаша уехала в Америку. Так что живёт теперь Сюзанна одна и вскорости, надо полагать, умрёт. Справься в своём чемоданчике.

Я был несколько озадачен. Открыл чемоданчик и набрал: *Сюзанна*.

Уточните запрос, – сказал чемоданчик. Я набрал: *Моя вторая половина. Клерк из Амаркорда*. В ответ появился кадр: белокурая барышня с сумочкой на правом плече идёт вдоль парапета по набережной Сены. Я набрал: *куда она идёт?* В ответ появился кадр: блондинка входит в Нотр-Дам.

– Вот, – сказал святитель. – Это и есть она, твоя Сюзанна.

– Одного я не пойму, – сказал я. – Когда она умрёт и найдёт меня (или я её найду), каким конкретно образом произойдёт соединение нас обоих в качестве половин?

– Я же говорил, что у тебя на лбу написано: *хочу всё знать*! Две половины, как известно, составляют одно целое, правильно? Вот вы и станете одно целое, только в духовном смысле, а в душевном вы будете двумя разными телами. Ваши различия будут уже не грубыми, как на Земле, а примерно как у Ангелов;

[1] Дело рук александрийских христиан в III веке.

разная форма тела, разное излучение. Но сейчас она и не знает о тебе. Разве только мечтает сама не зная о чём.

К вечеру мы расстались. Я поехал домой, а святитель поплыл на очередную всенощную. Интересно, какую музыку они будут сегодня играть. У порога моего дома сидели две кошки – серая в полоску и белая с чёрным; присмотревшись, я узнал тех самых двух кошек, которых моя жена выкинула однажды из дому в моё отсутствие, что и послужило причиной моего окончательного ухода от неё. Серую – за ум – я называл именем *Холмс*, а её глуповатую компаньонку – *Ватсон*. И вот они, получается, где-то померли и притащились ко мне. Очень мило с их стороны. Я впустил их в дом, взял скрипку и повторил урок, заданный мне Фанни: *Полонез Огинского*. Чемоданчик я положил на клавикорд. Потом допечатал до этой строки. Вот – пока, собственно и всё.

§ 2. *Приготовления к поездке в мета-Париж.*

…Не Золотой Людовик –
Не один ведь Бог? Над ним другой ведь Бог?

М.Цветаева

На этом Клерк остановился и долгое время не писал больше, если не считать письма фрау Роми, которое он отправил ей с одним из разносчиков гроссбухов. Его занимала теперь мысль о том, *что представляет собой тип Божественного Присутствия*. Является ли Бог единовластным Монархом и если да – то *нет ли чего-нибудь за пределами Бога и міров*? Для начала следовало обдумать первый вопрос, поэтому Клерк занялся изучением жизнеописаний монархов. Первым делом он порылся в предоставленной ему и кем-то уже собранной библиотеке и нашёл там толстенный династический справочник по всем земным монархам, а также ряд отдельных жизнеописаний – больше в популярной, нежели в научной манере: среди прочего – книги о Стюартах, Капетингах и Габсбургах. К династии последних принадлежала императрица Елизавета Австрийская, именуемая *Сисси*, жена императора Франца-Иосифа, которую сыграла когда-то в кино Роми Шнайдер и которая той подарила месяц назад рыжего с белым колли. Она была убита анархистом. В справочнике она значилась как большой друг Генриха Гейне, проживающая в одной из мета-Германий, ближе к *верху*, чем к *низу*. Клерк небрежно ознакомился с биографиями нескольких Габсбургов, с историями Марии Стюарт и Марии-Антуанетты, перечитал две книжки о них, написанные Стефаном Цвейгом, застрелившимся и ныне, по данным кракерской Сети, живущим в мета-Аргентине.

Как-то утром Клерк открыл чемоданчик и, роясь в досье и сопоставляя перечни причинно-следственных связей между земной и посмертной участью

амаркордской клиентуры, нашёл рубрику *Королевы и короли*. Кое-кто из бывших августейшими особ, как выяснилось, тоже не избежал синдрома Гарри Галлера. Разумеется, то были исключительные фигуры, образованные и благородные, так же высоко взлетавшие, как и низко падавшие. С кого же начать? Повинуясь сердцу, Клерк навёл квадратик курсора на имя шотландской королевы Марии. В принципе амаркордским кракерам и хакерам (кракерам высокого уровня, ученикам Кибера) разрешалось просматривать имена угодивших в Нижний Ярус, но для взлома их кармы требовался очень высокий стаж: у Клерка его пока что не было, поэтому он числился даже не кракером, а простым регистратором – подобно своим десяти коллегам (двенадцатое место всё ещё пустовало). Итак, он обнаружил… фотографию, сделанную не так давно в одном из городов Среднего Яруса, помеченном как *мета-Париж № 14*. Указан был даже автор фотографии: некто И.Б., бывший американский литератор. Королева (теперь уже просто *усопшая дама*, впрочем весьма привлекательной наружности) расположилась в кресле-качалке, в небольшой комнате, судя по всему, на первом этаже – за широким готическим окном с распахнутыми витражными створами, которое фотографу послужило фоном, видны были набережная и залитый утренним солнцем канал с катерами и лодками. Она читала какую-то книгу. Слева от неё на бирюзового цвета столике стоял графин с красным вином, два прозрачных бокала и тарелка с апельсинами. Преломляясь в цветной оконной створке, луч падал на правую щёку Марии Стюарт и заставлял её щуриться. Клерк облегчённо вздохнул: *спасена*.

Тут-то и появилась Фанни. Она вписалась в экран чемоданчика: она валялась на золотом песке, глядя в свой такой же чемоданчик; неподалёку стояла её машина. Значит, вернулась уже.

– Привет, Клерк! – сказала она. – Ты купил машину, я знаю от своего Ангела. Если б не она (мой Ангел – барышня, как ты выражаешься), то сейчас я была бы не на пляже, а не скажу где. Попался трудный случай. Видишь ли, те, кто вступает на тропу Степного Волка, часто не выдерживают напряжения и сходят с ума. Мне пришлось иметь с таким дело. Я ему сообщила, что он – жертва Гортхаура; а когда он пришёл в себя, начался страшный ураган, выбило стёкла, и я уж думала – сейчас нам будет крышка: какая-нибудь тварь *снизу* захватит нас обоих. Гортхаур особенно злится на регистраторов и кракеров! Но тут явились наши Ангелы и перенесли нас обоих на уровень Амаркорда. Мой клиент поблагодарил меня и пошёл пешком в сторону Парижа (там его ждали родственники), а я проспала в машине всю ночь и вот теперь загораю. – Она перевернулась, подставив Небесам свой оранжевый живот.

– Ничего авантюра, – отозвался Клерк. Он рассказал Фанни о своём новом *увлечении монархами* и о том, что хочет отпроситься у шефа в отпуск – попытаться отыскать нескольких королев и узнать, кто этот человек, что

сфотографировал Марию Стюарт; заодно, быть может, найти и поблагодарить фрау Роми. – *Полонез Огинского* я почти выучил. Приезжай, Фанни, посидим! И купи по дороге вина, так как я всё выпил, пока читал. – Она сказала: – Позагораю и приеду. – А была суббота; вот уже месяц он жил в Амаркорде.

§ 3. *Интермеццо.*

Господь сидит на скамье в католическом храме (разумеется, никто из окружающих его не видит) и слушает Мессу. Поскольку Он всеведущ и вездесущ – Он одновременно присутствует на всех Мессах и Литургиях, видит всё, происходящее в мірах и во всех душах. Однако в этом храме ему нравится бывать. Он любит старого священника, любит органистку, которая после каждой вечерней Мессы играет Баха. Господь любит Баха, и Бах часто наведывается к Нему. *Почему они так слепы? Счастье, которого они ищут, заключено в них самих; оно есть тот Дух, которого Я вдохнул в каждого из них при сотворении, – Мой Собственный Дух, который присущ разумным существам, правда в неодинаковой мере.*

– Господь с вами! – восклицает кюре.

– И со духом твоим! – отвечает паства.

– Да благословит вас всемогущий Бог – Отец, Сын и Дух Святой!

Все осеняют себя католическим знамением – вверх, вниз, влево, вправо – и отвечают: – Аминь!

– Идите в мире Христовом, Месса совершилась! – говорит кюре.

– Благодарение Богу! – отвечает паства и через пару минут расходится. В храме остаются только старик-служитель, органистка и Господь. Орган – сзади, наверху, там и сидит органистка. Она играет *Прелюдию фа-минор*, ту, что в к/ф *Солярис*. Сейчас закончит, затем спустится, пройдёт мимо Бога к Алтарю и, преклонив колено, осенит себя скромным крестным знамением, словно Бог не позади неё, а впереди – в Дарохранительнице; но так как Он вездесущ, то Он и там, и там, просто ей невдомёк. *Я вдохнул в каждого из вас счастье, вашу целостность, ваш смысл, ваше бесконечное во временах Вечности бытиё. Но вы умираете, вы мучаете себя и друг друга, вы Меня не видите. Вы не видите Меня в себе самих, тогда как Я – в самой глубокой части вашего сердца. Вы интересуетесь, кто Я такой, откуда Я взялся, где Я нахожусь, изливаете душу в трактатах и поэмах, бушуете и – умираете, умираете. Но смерти нет, больше нет.* Органистка уходит, затем уходит и старик-служитель. Господь міров и эгрегоров выходит через запертую дверь храма и бредёт по бульвару, затем садится в метро и едет до станции Пигаль. Он входит в квартиру бывшей немки Сюзанны, которая сидит в кресле, курит сигареты одну за другой и мучительно вгрызается в *Бытиё и Ничто*. Господь подходит к её окну и глядит сквозь тюлевую штору на громаду Сакре-Кёр, посвящённую Его Сердцу. *Это*

такой маленький, совершенно миниатюрный мір, эта ваша Земля и этот ваш Энроф, куда вы падаете из Моего Рая; вот Я беру Энроф в руки, и он умещается у меня на ладони, словно мячик. В то же самое время Я и внутри него, рядом с вами, с каждым из вас, будучи вашим скрытым от вас счастьем, которое Я вдохнул в вас и которое бессмертно. Но вы не помните; вы забыли бытиё. Шар Энрофа хочет выскользнуть из Его нежной руки, но Господь не даёт ему. Он перебирает другие міры, глядя на Париж из окна Сюзанны, но ни один из них не находится в столь плачевном состоянии, как Энроф. *Они спрашивают – где Я нахожусь!* Он заглядывает через плечо Сюзанны и читает:

Мы бежим сами к себе и являемся поэтому бытиём, которое не может с собой воссоединиться[1].

Сюзанна берёт со столика фужер и пьёт из него. *Для-себя не может бежать к трансцендентному, которым не является, но только к трансцендентному, которым является*[2]. Сюзанна дымит табачищем в самое Лицо Господне, ведь она Его не видит. Но Его совершенно не беспокоит этот земной, вонючий дым. Какова природа Его власти – вот что Его беспокоит. Его беспокоит то, что беспокоит каждого из тех, в кого Он вдохнул Свой Дух, который не может умереть, *трансцендентное, которым они являются и которое забыли*. Они бегут к Нему и не могут воссоединиться с ним.

Чуть позже Он осенил Сюзанну благословением и вернулся из Энрофа на Небеса, в небесный Назарет, в домик Матери и Отца. Они задумчиво сидели на веранде и созерцали Его мысли, мысли Своего вечного Сына, кружащиеся, подобно звёздным вихрям Ван Гога, вокруг деревьев, пульсирующие в их стволах, ветвях и листве. – *Вот твой чай*, – сказала Прекрасная Дама. И Они втроём пили чай. Был вечер.

§ 4. *Письмо.*

This is my letter to the world
That never wrote to me…[3]
E.Dickinson

"Дорогая фрау Роми! Надеюсь, это послание Вам доставят (я передал его *Ангелу* – из тех, что возят туда-сюда гроссбухи). Спасибо, что помогли мне тогда! Могу ли я предполагать, что увижу Вас наяву, милая фрау Роми? Я никогда толком не верил в смерть, хотя *абстрактно* боялся её – как возможности… И вот – её больше нет; говорят, теперь нам остаётся бесконечный ряд *трансформаций*; говорят, всё рудиментарное постепенно

[1] Сартр, *Бытиё и ничто, стр. 229.*
[2] Там же.
[3] Это письмо моё міру, который мне никогда не писал… (Эмили Дикинсон; *англ.*)

отвалится, и сформируется новое тело, состоящее уже не из переменчивых дхарм, а из самой *субстанции Духа*. Я тут часто смотрю Ваши земные фильмы (во-первых, на портативном компьютере, во-вторых – мы ходим в местный кинотеатр с моими друзьями). Снимаетесь ли Вы по-прежнему в кино, играете ли в театре? У нас гастролировал сам Моцарт с сестрой Нанерль – его новая музыка потрясающа!

Вы никогда не знали, что я существую, пока не увидели меня тогда, в канаве. Тот факт, что Вы, в сущности, спасли меня (данные об этой истории оказались доступны моим друзьям-компьютерщикам), кажется, даёт мне право на это письмо, быть может отрывающее Вас от Ваших, простите, загробных дел… Я мечтаю, хотя и побаиваюсь, увидеть Вас… О, если бы Вы не отказались погостить в моём жилище! Я познакомил бы Вас со своей подружкой Фанни (её в своё время гильотинировали как пособницу роялистов в Париже, соседка донесла). Фанни – не моя половина, а моя половина, оказывается, вот-вот скончается где-то в Париже; я знал её во Франкфурте-на-Одере, где жил первые пять лет своей жизни. Но Фанни – мой учитель. Она вполне владеет ясновидением и умеет делать маленькие фокусы и чудеса. С ней так спокойно… как в те минуты, когда я смотрю на ваш портрет и радуюсь Вашему спасению. Я так счастлив, что меня уберегли от сил зла – и Вы в первую очередь! Однако война продолжается. Я, правда, простой клерк-регистратор, меня и зовут-то Клерк (своё земное имя я больше не использую, к тому же я теперь на территории мета-Франции, а *клерк* – как раз французское слово).

Простите, что надоедаю Вам. Приезжайте же к нам в Амаркорд! Здесь все очень милые. В главном городе всего человек пятьдесят – и столько же в окрестностях. Я познакомлю Вас со святым Николаем (если Вы не знакомы). Как Вы поживаете? Быть может, Вам неприятно, что всякие посторонние типа меня лазили на Земле в Вашу биографию… Простите, но Вас на Земле необычайно любят. Достаточно набрать в Интернете *Роми Шнайдер*, как открывается целая куча вэб-страниц, посвящённых Вашей изумительной персоне. Теперь Вы, наверное, ещё более прекрасны, чем прежде!

Так уж вышло, что моя смерть связана с Вами; так уж получилось, что в Вашем лице я поклонился всему немецкому и всему французскому (то есть лучшему из того и из другого); то-то и поплатился, ведь Вы как никто ненавистны Гортхауру: если не считать нескольких сбоев в кино, Вы создали *идеальный образ женщины*, которая остаётся честной, верной, великодушной и прекрасной вопреки своим земным слабостям. В фильме *Сисси* Вы были похожи на мою крёстную, в которую я когда-то был безнадёжно влюблён (я полагал, что она – моя половина, жестоко ошибся и *погорел*). Сейчас меня интересует сугубо теоретический вопрос (я помню – Вы не любите теорий, но всё-таки!): что такое *БОГ*? Представляете: каждый день утром и вечером я молюсь Тому, о Котором ничего толком не знаю; могу лишь надеяться на то,

что в Нём – абсолютно *сбудется* самое *идеальное* из того, к чему я стремлюсь до сих пор. Слава Ему, так как он достаточно добр, чтобы простить мне такое упорство в исследовании Его *сущности*. Извините моё занудство. Ещё раз благодарю Вас и приглашаю к нам в гости. Буду счастлив, как идиот, если Вы мне напишете хотя бы пару строк и отошлёте с Ангелом. А Ваш Ангел, бьюсь об заклад, мужского пола!

Целую Вам руку, *Клерк*."

Она улыбнулась, положив письмо на колени, и погладила колли. Из кухни пришли Магда, её мать, и Давид, её сын: они гостили у неё.

– Всё письма, письма!.. – нежно ворчит фрау Магда Шнайдер. – Видишь, как тебя любят.

– Я рада этому, мама, – говорит Роми Шнайдер. – Я бы рада каждому ответить на его тепло, но пока ещё не обрела такой способности. Говорят, те, что живут в Раю, слышат всех, кто даже мысленно к ним обращается. Как же мне назвать эту собаку? Назову-ка я её *Макс*. – Она встала и подошла к окну, закуривая сигарету. Там, за стеклом, был закат над сосновым бором. Фрау Магда села за пианино и заиграла ноктюрн Шопена, быть может тот самый, что слышал Клерк на всенощной у святителя. А Давид – тихий юноша лет двадцати, погибший ещё мальчиком, сел на подоконник, спиной к закату, и стал смотреть матери в глаза.

§ 5. *Поезд.*

Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук…
Б.Пастернак

Шеф сказал следующее:

– Раз эта проблема заинтересовала вас так сильно, то вы могли бы написать диссертацию! А что? Это звучит: *Монархический Принцип*! Как думаешь, Боб?

– Вполне, – сказал Боб, поливая фикус на подоконнике. – Например, пишем же Рут и я диссертацию *О моральных условиях компьютерного взлома*. Рут устала здесь, вот и хочет перебраться куда-нибудь повыше. Если эта диссертация *пройдёт*, то мы переберёмся на другой ярус. Так же и ты мог бы, Клерк.

– Ах, да не люблю я всех этих диссертаций! – сказал Клерк. – Пошлите меня лучше в специальную поездку, в которой я познакомлюсь с различными монархами и впоследствии опишу свои впечатления, например, в местной газете *Огни Амаркорда*. Пошлёте, шеф?

– Во всяком случае, я выясню у *начальства* и к вечеру дам вам ответ. А пока посидите с гроссбухами. – Шеф тепло пожал руку Клерку, и тот отправился в цех.

Вечером того же дня он собрал сумку (две-три книжки, включая династический справочник, зонтик, зеркало, пять пачек сигарет, отвёртка, плоскогубцы, бумажник, Библия); сыграл на скрипке *Старинную французскую песенку* и, взяв сумку и чемоданчик, вышел во двор. В осеннем лесу пела какая-то птица. Он завёл машину и неторопливо покатил в Город. Холмс и Ватсон спокойно сидели на крыльце и глядели ему вслед. Он заранее купил им рыбы и попросил Фанни приезжать и присматривать за ними. Шефу позволили отпустить Клерка в путешествие. На вокзале уже дожидались Фанни, а также шеф с четой Фолдер, Пьер, Поль и – собственной персоной – проф. Хайдеггер. Клерку было приятно.

– Когда вернётесь, как раз приедут Эльфрида и Ханна, – сказал доктор, – и я вас всех приглашаю! А нас с вами, Клерк, ждёт следующее путешествие – к Гуссерлю и к Сартру. Нам поможет Эдит Штайн[1].

Фанни была одета точь-в-точь, как я: в чёрные брюки и серый пиджак. Ясновидение. Мне это было приятно. Я поцеловал каждого в щёку, и они оставили нас с Фанни, отойдя в сторонку и задымив сигаретами из вежливости: все заметили, что меня и Фанни связывают какие-то необычные отношения. Недавно она научилась летать. [Из записей Клерка.]

– Приедешь, покажу! – сказала она Клерку. Они долго смотрели друг другу в глаза и расстались без прикосновений. Субстанция личности познаётся через взгляд. Фанни научила Клерка смотреть в глаза без страха и уметь не впускать в себя взгляды враждебные или двусмысленные.

– За третьей *таможней* возможность контакта прекратится, – сказала она. – Ты сможешь только вспоминать обо мне. Я буду молиться.

– Спасибо, Фанни. – Клерк стоял в проёме вагонной двери. Через несколько минут поезд тронулся. Клерк махал им всем из окна купе, пока они не исчезли из виду.

Ещё когда он не умер, ему представлялось, что на том свете нет больше границ между странами. Метакультуры метакультурами, а границ нет. Всеобщая дружба повсюду, кроме разве что адских урочищ Гагтунгра-Гортхаура. А оказалось, что границы существуют и за гробом. Оказалось, что в них нет ничего *плохого*. Они, скорее, подобны мостам, соединяющим ярусы и слои; например, королева Мария Стюарт жила в другом *слое*, относящемся к её *времени*, и поезд не мог ехать дальше *третьей таможни* – далее Клерк должен был пройти через лес, этот вечный символ блужданий, и пробраться в тот *пространственно-временной слой*, в котором проживала королева. Возможно, такая волокита объяснялась некоторой душевной *тяжестью*, ещё не

[1] Эдит Штайн, философ, была ассистенткой философа Гуссерля вслед за Хайдеггером; погибла в фашистском концлагере; беатифицирована (т.е. причислена к лику блаженных).

преодолённой Клерком (не случайно на его пути всё время возникают *леса*). Ну, а пока суд да дело, он осмотрелся в двухместном купе со столиком у окна и зеркалом на двери, достал бутылку водки, буханку чёрного хлеба и банку с солёными огурцами, открыл чемоданчик и включил кино-файл с участием Греты Гарбо, она играла шведскую королеву Христину. Всё лучшее, что связывалось в сознании Клерка с железной дорогой, сохранилось и преобразилось в эту поездку; станционные фонари за окном, гудки паровозов (чей пар состоит из дхарм), вечер в купе вместе с Гретой Гарбо и персонажами фильма… Клерк помянул своих близких и подумал: хорошо, что здесь нет контролёров. Да и кому здесь придёт в голову ехать зайцем?

Судя по всему, состав (три небольших вагона) миновал территорию Амаркорда, проехав вдоль моря, затем – вдоль той самой реки; начались тёмные леса. Но Клерк наслаждался и ни о чём не беспокоился. Он пил водку, курил приятно пахнувшую сигару и смотрел себе кино.

§ 6. *Станция.*

– Принести вам чай? – спросил проводник, просунувшись в дверь купе. На нём были синяя форма и синяя фуражка с надписью *Амаркорд*.

– Пожалуй, – сказал Клерк, – будьте так любезны. Вы из Амаркорда?

– Да, я живу поблизости от города.

– Скажите, а куда пойдёт состав после третьей таможни?

– Своим чередом, – сказал проводник. – В Париж, потом на юг к Лиону, потом – в Швейцарию. Сейчас принесу. – И он ушёл.

– А я, значит, должен искать тот Париж и то время, где обосновалось Её бывшее Величество... Если б сесть в машину времени! – сказал сам себе Клерк и задумался. Фильм кончился. Он пил принесённый проводником чай и смотрел в темноту окна на своё отражение.

На таможнях не было никаких таможенников. Это были просто обыкновенные станции. На третьей таможне проводник сообщил Клерку, что он может выходить, и тот, взяв своё барахло, вышел на незнакомый провинциальный вокзал. Была глухая ночь, горели фонари. *Куда же мне дальше-то идти?* – подумал он. И позвал святителя. Так как тот особенно не торопился, Клерк заглянул в привокзальный буфет и попросил себе чёрного кофе. Но как только он расположился за столиком у тёмного окна, в буфет вошёл св. Николай. В буфете звучала какая-то французская песня, в которой, как ни странно, Клерк не понимал ни слова. *Надо взять у Фанни несколько уроков французского*... Кроме него и святителя, в зале была только миловидная светловолосая официантка. Она тихо читала книжку за стойкой.

– О, вот и вы, дорогой святитель! – салютовал Клерк.

– Наше вам с кисточкой! – улыбаясь, как лиса, ответил тот и уселся напротив.

– Вам кофе заказать?

– Ну, закажи.

– Милая барышня, не будете ли вы столь добры – чашечку кофе моему другу!

– Один момент, мсье! – откликнулась официантка. – Куда это вы об эту пору?

– Увы, далеко, – сказал Клерк. – К Её Величеству Марии Стюарт.

– О! – Барышня поставила чашку с горячим кофе перед св. Николаем. – Вы что же, роялист?

– Да нет, я, скорее, просто любитель-историк.

Она обратилась к святителю:

– Пардон, а вас я где-то видела! По-моему, в нашем храме есть ваш портрет...

Святитель взял её ручку и сердечно чмокнул.

– Точно, это я и есть. Я – святой Николай.

Барышня опустилась на колени перед ним и попросила благословить её, что тот и сделал. Затем она поднялась и, довольная, вернулась к себе за стойку, где, как ни в чём ни бывало, уселась за чтение своей книжки.

– Ну чего, заблудился, мистер Хочу-всё-знать? – спросил меня мой святой собеседник, прихлёбывая крепкий кофе.

– Представьте себе. Я ищу королеву Марию Стюарт (ей отрубили голову в 1587 году), а путеводителя у меня нет! Как будто надо идти через лес – да ведь тут кругом леса! Да и тьма, как во чреве негра! Что скажете?

– Ну, в общем, – ответил он, – как мы с тобой расстанемся (я-то с тобой не пойду – у меня много дел), ступай себе напрямик по первой попавшейся тропинке и никуда не сворачивай. К рассвету увидишь небольшой храм, вернее часовню, – зайди туда (он всегда открыт) да поставь на всякий случай свечку у статуи Спасителя, возле алтаря. Затем прочитай свои утренние молитвы, выйди на улицу, покури и иди дальше; там увидишь проезжую дорогу; когда солнце взойдёт, тебя не спеша обгонит карета, и кучер спросит, не подвезти ли тебя. Садись в карету и скажи, что тебе нужен Королевский Квартал.

– А чем мне расплатиться с кучером – амаркордскими франками?

– Считай, что это *загробный автостоп*, – ухмыльнулся святитель и окликнул барышню: – Милая, а нет ли у тебя тут негритянской музыки (ты сказал про чрево негра, вот я и вспомнил)? – Барышня виновато развела руками. Тогда святитель подошёл к музыкальному ящику, что-то нажал – и оттуда послышалась музыка Луи Армстронга. – Знай наших! – сказал он официантке. Та выглядела весьма довольной; было ясно, что ей не привыкать к чудесам. Вообще чудесами, как заметил Клерк, здесь мало кого удивишь.

– Ну, спасибо за угощение, мне пора! – Святитель поцеловал барышню в голову, перекрестил её и Клерка и вышел из буфета. Барышня углубилась в чтение. Покурив напоследок под Луи Армстронга, Клерк взял свою сумку с вышитыми лилиями и чемоданчик и, поблагодарив официантку, спросил, сколько он должен. Она сказала:

– Знаете что? Передайте Её Величеству, что она была эффектная королева и что мне искренне жаль, что всё так грустно завершилось... Я умерла чуть позже – во времена *Трёх мушкетёров*. Таким образом, передав ей привет от малоизвестной официантки Клэр, вы со мной и расплатитесь!

– Отлично, – сказал Клерк. – А что вы читаете? – Она показала книгу, это был *Le Petit Prince*[1]. Он поцеловал ей руку и вышел на вокзальный перрон.

§ 7. *Из переписки и воспоминаний королевы.*

1.

"Марии де Гиз, моей матери.

Милая Матушка!

Первое – пока не забыла: позаботьтесь, пожалуйста, не об одних только Гизах, но и о Тюдорах – в первую очередь о Марии и Елизавете; относительно короля Генриха, прозванного *Синей Бородой*, смотрите сами; я бы не хотела его видеть, хотя и зла ему не желаю. Удалось ли Вам что-либо узнать о местонахождении графа Босуэла? С ним я встречаться не должна, да и нет желания. Иногда меня навещает бедняжка, который был вынужден снести мне голову (Вы помните эту эффектную историю?), да так неудачно он её мне сносил, что я изрядно помучилась! Он верно мне служит. Здесь всё не так, как в том міре страстей; иной раз мне тяжело от воспоминаний собственного безрассудства. Я разговаривала с Нострадамусом и много чего узнала от него. Он как всегда занят самыми таинственными исследованиями, и – слава Пресв. Богородице, моей Божественной тёзке, – теперь он не дрожит, как на Земле, за свою жизнь, ведь здесь некому сжигать за инакомыслие… Посылаю Вам с нарочным бочку местного вина и апельсины. Пришлите, прошу Вас, какую-нибудь икону, чтобы я лучше была защищена.

Низко кланяюсь, Ваша Мария Стюарт, раба Господня".

"Милая Мэри!

Я была рада получить от тебя письмо. Теперь я всецело занята нашими родственниками – до сих пор не удаётся распутать этот клубок доктрин, с одной стороны, и интриг – с другой, который вызвал столько ненависти и столько кровопролитий. Одно время наш общий враг (см. Быт.1:2 – *et tenebrae super*

[1] "Маленький Принц" *(франц.)* – произведение Антуана де Сент-Экзюпери (XX век).

faciem abyssi[1]) возводил на меня напраслину, будто я была замешана в событиях 1572 года во Франции, – но мне удалось, с помощью моих защитников, доказать своё, как говорят, *алиби*, ведь за 12 лет до того Господь меня прибрал, как ты знаешь, а до того я вообще жила в Шотландии! В подобных разбирательствах проходит моя теперешняя жизнь. О Тюдорах я думаю. Помолись и ты о тех наших родственниках, которые были тогда во Франции и в католическом пылу натворили множество бед: пока они рвались к власти, доказывая своё *первородство* перед Валуа, погибли тысячи душ – как со стороны католиков, так и со стороны кальвинистов (потом как-нибудь я расскажу тебе о своей встрече с Кальвином[2], если не забуду, но молиться о нём *небезопасно в нашем шатком положении*). Один Господь знает – обретут ли спасение люди, которые с Его Именем на взмыленных устах в диком озверении убивали друг друга… Я видела Давида Риччо – он просил передать, что простил твоего второго мужа и делает всё возможное, чтобы улучшить его положение. Постарайся сохранять спокойствие и найди себе хорошего собеседника – из тех, кого ты должна была бы простить. Верно, я тебе изрядно надоела с глаголом "прощать", но, видишь ли, красавица моя Мэри, здесь, где я теперь, всё основано на этом – *sicut et nos dimittimus debitoribus nostris*[3].

Обнимаю и молюсь о встрече, Господь Иисус и Пресвятая Мария да хранят тебя от глупостей!"

Едва, дочитав письмо матушки, я протянула руку за апельсином, как в дверь постучали. Я сказала *Войдите!* и на пороге моей комнаты вырисовался этакий чудной человечек в чёрных штанах, сером пиджаке и начищенных полуботинках, как у моего приятеля Иосифа. На левом плече у него висела выцветшая чёрная сумка с надписью *Paris, France* и золотистыми лилиями, в правой руке он держал серый чемоданчик.

– Здравствуйте, Ваше Величество! – сказал он и слегка поклонился. Он был коротко стрижен и с жидкой бородкой. В прочих отношениях, могу лишь отметить какую-то странную смесь хрупкости и комизма в моём посетителе. Сперва я решила, что это посыльный, принёсший мне почту или бандероль.

– Добрый день! – ответила я. – Вы ко мне, любезнейший?

– К вам, Ваше Величество. Я из Амаркорда. Меня зовут Клерк. Ваше Величество слыхали про Амаркорд?

– Увы, не приходилось, – отвечала я. – Да садитесь же к столу, дружок! Что вы там стоите, словно привратник! – Он сказал *мерси* и сел на стул против моей качалки, положив чемоданчик на колени и не сводя с меня глаз.

---

[1] И тьма над бездною *(лат.)*

[2] Французско-швейцарский протестант-реформатор XVI века; отличался чудовищной религиозной нетерпимостью.

[3] *Как и мы прощаем должникам нашим (лат.)* – из молитвы *Отче наш.*

– Да будет вам известно, сударь, – жеманно произнесла я, – что мне отрубили голову, а посему нет особого смысла величать меня как королеву. Впрочем, меня давно уже так не жаловали.

Мы помолчали. За распахнутым окном сверкала река, и доносились смех и весёлые возгласы с проплывающих лодок. Я щурилась, так как сквозь витражную створу яркое солнце падало мне на правый глаз.

– Фантастично! – воскликнул он. – Даже освещение, как на снимке! Как же он попал в наши перечни? Хотите полюбопытствовать, Ваше Величество? – И он положил свой чемоданчик на мой стол, где лежали папка с письмами и бумагой, два фолианта, которые мне дала почитать соседка, письменный прибор и ваза с фруктами.

– Там у вас не бомба? – говорю я. – Однажды мне довелось слышать чудовищный взрыв, и с тех пор я боюсь бомб.

2.

Слева от неё на бирюзового цвета столике стоял графин с красным вином, два прозрачных бокала и тарелка с апельсинами. Преломляясь в цветной оконной створке, луч падал на правую щёку Марии Стюарт и заставлял её щуриться.

См. § 2.

Оказалось, это волшебный чемоданчик. Я думала, там какие-нибудь бумаги или, быть может, дорожные вещи, да не тут-то было. Там была масса каких-то разноцветных кнопочек, квадратных клавиш с буквами, цифрами и, вероятно, китайскими иероглифами. Он принялся нажимать на всё это, да так лихо перебирал все эти кнопки, как разве что я играю на своём клавесине.

– Ваша правая щека, мадам, освещена в эту минуту точь-в-точь, как на вот этой фотографии. Не соблаговолите ли сами убедиться?

Я смотрю, а на внутренней стороне крышки чемоданчика всё вдруг засветилось, и прямо передо мной возникла я сама, сидящая в этой самой качалке у того же стола и того же окна, словно в каком-то сказочном зеркале.

– Это поразительно! – восхитилась я. – Так вы что же, волшебник?

– Что вы, Ваше Величество! – ответил он. – Просто мы живём с вами в разных, так сказать, временах... А вот это специально для вас! – На крышке чемоданчика всё сделалось чёрным, послышалась изумительная музыка (я даже не могла определить, что это за музыкальный инструмент), и постепенно из чёрного фона стала образовываться великолепная ярко-красная роза (под цвет того кровавого пеньюара, который я выбрала для этого несчастного спектакля в день моей казни). И вот что странно: роза издавала запах, она была как бы живая, так что я даже потянулась было её сорвать... Но увы! Чудо накрепко приросло к крышке чемоданчика.

– Как бы там ни было, это – вам! – сказал Клерк (вот так имя!) и приложился к моей руке. – Я, – говорит, – первый раз *в жизни* целую руку королеве.

– Ну, и как вам? – спрашиваю.

– Нет слов, Ваше Величество!

– Ну, что мы так сидим; угощайтесь, раз уж вы мой гость! – Я встала и налила нам по стакану вина из графина. – Чин-чин! Меня научил этому выражению мой приятель Иосиф, большой чудак. Он, кстати, из вашего века, по всей видимости: у него тоже есть такая странная машинка, поменьше вашей, которой он временами щёлкает, глядя сквозь какой-то специальный стеклянный глазок.

– Вы, наверное, имеете в виду фотоаппарат! Так вот кто вас сфотографировал! А нельзя ли мне с этим Иосифом познакомиться, Ваше Величество?

– Я как раз пригласила его на обед, приглашаю и вас!

– Спасибо. Похоже, вы никогда не видали такую штуковину? – Он имел в виду свой волшебный чемодан.

– Как это вы выразились – *штуковину*? Странная речь у вашей эпохи! Нет, – говорю, – не видала. А что это?

– Это называется *компьютер*.

– А-а, счётная машинка?

– Если эту машинку включить у нас в Амаркорде, Ваше Величество, она сможет много чего сделать!

– Например?

– Например, она помогла мне найти Ваше Величество и убедиться, что Вы спасены.

– Вот как! Очень мило. Стало быть, вас зовут Клерк.

– Ага.

– И чем же вы занимаетесь там, в этом вашем Амаркорде?

– Мадам Мария, я не имею права рассказывать вам о деталях и нюансах нашей деятельности, но скажу в общем: мы выясняем причины и следствия душевного состояния определённого круга умирающих и уже умерших. А именно – тех, кто в момент своей кончины чувствует себя подобно персонажу, описываемому в книге *Степной волк*.

– Я не читала этой книги!

– О, – воскликнул он, – нет ничего проще! – И что же? Этот чудак нажал какие-то клавиши, и на крышке чемоданчика возникла... обложка книги! Я прочла по-немецки: *Steppenwolf*, Hermann Hesse.

– Может, вам неинтересно читать по-немецки? Я найду на любом языке, вплоть до шотландского!

– Что же, по-вашему, я не знаю по-немецки? Разве что эта речь, удалённая от меня на четыре с половиной столетия... Но вы мне поможете, я надеюсь.

– С огромной радостью, мадам Мария.

– Но как же мне прочесть эту книгу, любезный сэр?

В ответ он нажал зелёного цвета кнопку, и – о, ужас! – откуда-то сбоку из таинственного чрева его чемоданчика полезли листы бумаги. Они вылезали один за другим в течение минут десяти, как пироги из печки, правда намного быстрее, и на них был оттиснён какой-то текст, как я уже догадалась – текст вышеназванной книги. Я молчала, заворожённо наблюдая сей процесс. Наконец, мой гость извлёк из сумки с лилиями какой-то инструмент и прищемил всю стопку бумаги посредине, так что получилась скреплённая рукопись, впрочем довольно непритязательная в сравнении с фолиантами нашей эпохи...

– Это, Ваше Величество, *степлер*. Не топор какой-нибудь!

При слове *топор* я поёжилась и говорю: – Ну и шутки у вас, голубчик! Вам, вероятно, привелось скончаться с бо́льшими удобствами, нежели мне! Просто дрожь пробирает, *как вспомню казнь*. Но пейте, пейте же! И апельсины берите, не стесняйтесь! Вам, значит, известна моя печально-комичная история?

– Конечно, Ваше Величество, ведь о вас написано немало книг. Вы очень известны и многими (в частности, и вашим покорным слугой) весьма почитаемы!

– Кто же писал обо мне?

– Дюма, Вальтер Скотт, Стефан Цвейг, Шиллер – я читал только их.

– А не могли бы вы мне достать их таким же образом из своей *штуковины*, чтобы и мне взглянуть – что они там про меня понаписали?

– С удовольствием, – и он принялся за дело. Откуда в этом плоском чемоданчике столько чистой бумаги? – подумала я. Тем временем он прочитал мне целую лекцию о каких-то *частицах*, причём я, как ни силилась, ничего не поняла (даром что слыла одной из образованнейших дам Европы!).

§ 8. *Ниоткуда с любовью.*

Ниоткуда с любовью надцатого мартобря...
И.Бродский

На обед, по словам хозяйки, должны были подать каплуна. Клерк никогда раньше не ел каплуна. *Вот я и в конце Средневековья*, – подумал он. За его стулом стояла миловидная служаночка, одетая по тогдашней моде: длинное платье с пуфами, тонкий, высокий ворот. Служаночка обслуживала Клерка, в то время как королеву обслуживал юный разноцветный паж. Как только они вчетвером так расположились в ожидании трапезы, вошёл гость. Он был одет во фрак чёрного цвета, с белой манишкой, в брюки и ярко начищенные полуботинки.

– Боже мой! – вскричал Клерк. – Так это вы тот фотограф?! Вы, Иосиф Бродский?

– Как вам угодно, – невозмутимо промолвил Иосиф Бродский. – Издалека в эти края? – Он поцеловал руку королеве, затем пожал руку онемевшему на миг Клерку. Королева их познакомила. Затем вошла ещё служаночка и подвинула гостю персональный стул. И вот тут-то и принесли каплуна. Обеденный прибор состоял из ножа и двуострой вилки (введение Генриха III, короля Франции и родственника Марии Стюарт по её первому мужу, французскому королю Франциску II-му). Они немного поклевали каплуна и опорожнили по две рюмочки шотландской водки асквибо. Клерк задумался о сущности того, что ел: ведь если это каплун, то есть кастрированный петух, то, выходит, у местных петухов и кур имеются половые различия – в противном случае какой смысл кастрировать загробного петуха? Никакого.

– Не забывайте, – молвил поэт, – что различия, о коих вы помыслили, во-первых, уже не те, что там, на Земле, а во-вторых – вся эта дичь, равно как и петухи и куры, состоит из нашего с вами воображения.

– Равно как и эта водка асквибо, – улыбнулась Её Величество. Они, стало быть, читали некоторые мысли Клерка, а он этого до сих пор не умел – да и немудрено: они умерли раньше и многому научились. – Лучше расскажите-ка, дружок, как вы добрались к нам, в *этот* Париж?

– Я следовал во всём совету святого Николая, – ответил Клерк. – Сперва шёл по лесной тропе, затем вышел на дорогу и набрёл на готическую часовню, там поставил свечку у статуи Спасителя, затем вышел, и, точно по словам святителя, меня неспеша обогнала карета с кучером, спросившим – не подвезти ли меня. Я сел в эту карету и попросил отвезти меня в Королевский Квартал, к вашим апартаментам, мадам Мария. И вот я здесь. Ваше здоровье!

– Чин-чин! – сказали королева и поэт. – Что касается меня, – сказал Бродский, – мне всюду помогал Симеон-Богоприимец, которому, в сущности, я посвятил свой опус под названием *Сретенье*.

– О, я помню! – воскликнул Клерк. – *Светильник светил, и тропа расширялась*...[1] Это просто здорово!

– Спасибо. Как видите, я одет точь-в-точь как тогда, когда мне присуждали Нобелевскую. Там я в очередной раз задумался о королевской власти; впрочем, кажется вас больше, чем меня, занимает этот предмет?

– Клерк называет меня *Вашим Величеством*, – улыбнулась королева и отпила из рюмки.

– Понимаете, – сказал Клерк, – я хочу уяснить природу монархического принципа: от Бога ли он... Вы же помните про Саула, которого Бог помазал на

[1] Последняя строка упомянутого стихотворения *Сретенье*.

царство, видя, что Израиль предпочитает себе не Бога, а царя. Но тогда почему Бог именуется *Царём Небесным*? Вот вопрос!

– Давайте-ка лучше перейдём к десерту! – предложила мадам Мария Стюарт.

– Согласен, – сказал поэт. – Как ни хорош был каплун, на ваш вопрос я едва могу ответить что-либо членораздельное. Перечитайте моё *Путешествие в Стамбул*. Мадам Мария, не желаете ли сыграть партию в шахматы после столь шикарного обеда?

– С удовольствием – как только покончим с ананасами! – Прислуга принесла три ананаса. Клерк решил не мешать шахматному пылу хозяйки и её приятеля. Он быстро расправился со своим ананасом и, откланявшись, сказал:

– Ваше Величество, коль скоро я в *Париже*, не позволите ли вы мне пройтись – я поищу себе пристанище...

– Вы сошли с ума, голубчик! Чем же мои апартаменты плохи для вас? Оставьте свои вещи и ступайте. Если заблудитесь – позовите своего Ангела. Видите, наши Ангелы всегда при нас, – и она указала веером на прислугу. Две служаночки и паж с улыбкой поклонились Клерку, а паж сказал:

– Вообще-то я Ангел этого места...

– Вы домовой? – наивно поинтересовался Клерк.

Все засмеялись.

– Очень может быть, – сказал Ангел-паж. – А вот это моя вторая половина, – он указал на изящную служаночку с распущенными рыжими волосами, – она – Ангел мадам Марии.

– А я – Ангел Иосифа, – сказала другая служанка, черноволосая, в простой синей средневековой юбке и заправленной в неё белой рубахе. – Это мы так играем.

– Я, видите ли, играю в королеву, – объяснила Мария Стюарт. – Привычка есть привычка! Но, разумеется, власти у меня никакой нет (если не считать некоторого влияния, которое я оказываю на иные души, угодившие в Ад).

– Вы полагаете, мы только для развлечения хотим играть в шахматы? – сказал поэт. – Это – один из способов кому-нибудь помочь. Мадам Мария, кроме того, весьма ловко раскладывает один пасьянс: когда он получается, кому-то удаётся спастись. Пример тому – ваш покорный слуга; я, правда, сам обратился к св. Симеону, но – лишь после того, как мадам Мария, так сказать, *выиграла* меня, удачно разложив свой пасьянс!

Клерк почесал в затылке и, взяв с собой чемоданчик, ещё раз откланялся и пошёл в город.

§ 9. *Парк возле церкви.*

В моём конце – моё начало.
Мария Стюарт

1. *Негритянка.*

Париж XVI века. Правда, здесь уже нет королевской власти, хотя и не было (да и быть не могло) Французской революции с её чудовищной гильотиной; прохожих мало, и те все одеты по-средневековому (как Клерк и предполагал, средние века закончились как раз после казни Марии Стюарт и гибели Непобедимой Армады, которую выслал в Англию Филипп II и которую разбила флотилия казнившей мадам Марию Елизаветы Тюдор). *Вот кого надо повидать*, – подумал Клерк, – *королеву Марго и её сестру Елизавету, что была выдана замуж за Филиппа II-го*. В Лувре, как ни странно, *уже* была художественная галерея, причём вход был бесплатный, а среди картин Клерк с изумлением обнаружил не только старую живопись, но и копии с картин последующих четырёх веков: там были выставлены и Ван-Гог, и Шишкин, и Левитан, и Виже-Лебрен (портретистка Марии-Антуанетты), и Ренуар... Не было только XX-го века. Лувр был поблизости от Королевского Квартала. Вообще топография этого города сильно отличалась как от своего средневекового прототипа времён последних Валуа, так и от того Парижа, по которому месяц-другой тому назад бродил ещё не умерший Клерк. Побывав в Лувре, он зашёл в парк возле какой-то церкви и сел на скамейку рядом с маленькой негритянкой, одетой в джинсы и вязаный свитер и погружённой в какую-то книжку, по виду не средневековую. Он сказал *привет*, раскрыл на коленях чемоданчик и принялся было записывать свои последние впечатления. Тут чернокожая соседка и говорит:

– А представляешь, какой Париж в Раю?!

– Нет, а что? – ответил Клерк.

– Ничего, так. Тебя зовут Клерк.

– Точно. А тебя?

– Меня – Луиза.

– Что это ты читаешь?

– Это Библия в параллельном переводе на японский и на турецкий.

– Тебе это интересно? – удивился Клерк; он сам обожал читать Библию на семи разных языках – и до турецкого почти добрался, а японский только начал было изучать – да помер.

– Очень любопытное чтение. А это что – компьютер?

– Откуда ты знаешь? Ты же в средних веках!

– Вовсе нет. Вовсе не обязательно соответствовать "своему" времени. А что до меня, так я и вообще не человек! Я – Ангел этого парка. Добро пожаловать!

– Ну, знаете! – воскликнул Клерк. – Это уже чересчур! Значит, ты Ангел... А сколько же тебе лет?

– Ты что, совсем рехнулся? Я же Ангел, мне всегда было одинаковое количество лет; я – вне твоих понятий о времени. Лучше скажи, кого ещё ты бы хотел повидать?

– Ну-у, – протянул Клерк, – королеву Марго, Елизавету Валуа, Марию-Антуанетту, княгиню Дашкову, Людовика Святого, Алиэнор Аквитанскую, да и много кого ещё! А ты могла бы устроить мне эти встречи?

– О нет! Я же не отлучаюсь из этого парка, кроме как на Небо – к Иисусу, к Марии и к Отцу. А тут меня видят не все, а только те, к кому я послана.

– Кто же послал тебя ко мне?

– Господь.

– А не могла бы ты мне рассказать о Нём?

– О, этого не расскажешь... Он такой простой, что нужно пожертвовать всей своей сложностью, чтобы Его хотя бы почувствовать. Когда ты был на Земле, Он незримо сопровождал тебя от рождения до самой смерти и оберегал от сатаны...

– Ты имеешь в виду Гортхаура?

– Можно и так сказать. Хочешь шоколадку? – И она протянула Клерку пустую руку, в которой возникла шоколадка с изображением *Маленького Принца*.

– Спасибо.

– Между прочим, ты забыл передать королеве привет от официантки Клэр!

– Вот это ясновидение! – восхитился Клерк и пообещал исправиться. Потом негритяночка-Ангел пожала Клерку руку и исчезла в кленовой кроне, шелестевшей над скамейкой.

2. *Святой король.*

Исписав в файле чемоданчика пару страниц, Клерк покурил. *Интересно, курит ли Иосиф Бродский при королеве?* – подумал он. Затем, выйдя из парка, заглянул в таверну и заказал себе бокал средневекового вина. Выпив его, он заснул прямо за столом, сидя на деревянном стуле. Ему снилась Фанни, загорающая на пляже, оранжевая от солнца. Она тоже спала. От её тела прямо к сердцу Клерка шёл синий луч, умиротворяющий и снимающий противоречия. Клерк задумался было об... отверстиях в загробном теле и об их функциональной бессмысленности, да синий луч обвил его голову, как змея, и мысль пропала. Выспавшись, Клерк заплатил за вино амаркордский франк с *Маленьким Принцем*; хозяин за стойкой долго разглядывал и вертел в руках ассигнацию, не зная что и сказать. Но потом говорит:

– Никогда не видел таких денег! Вы издалека, стало быть?

– О да, – ответил Клерк, – я из XX-го века, а вы – в XVI-ом. Мы закладываем основы французской метакультуры.

– Простите, сударь, это не моего ума дело. Я – всего лишь простой трактирщик. Желаю вам приятно провести вечер!

– И вам также, – ответил Клерк и снова пошёл в парк, повинуясь странному порыву и решив, что он понадобился негритянке.

На одной из скамеек сидел, спиной к Клерку, человек в красивой голубой мантии и с длинными волосами. Клерк подошёл к нему и увидел, что тот горько плачет – локти упёрты в колени, лицо спрятано в ладонях.

– Простите, сударь, не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

В ответ на вопрос Клерка человек поднял к нему заплаканное лицо и говорит: – Я плачу оттого, что ты не можешь простить нас с матерью... Меня, бывшего короля Людовика IX-го, и мою мать, Бланку Кастильскую. Каждый, кто не может меня простить, вызывает у меня рыдания.

– Боже мой, вы – святой Людовик? – Клерк совсем обалдел. – А можно я покурю, а то у меня уже совсем голова кругом?

– Кури-кури, только прости меня! – И Клерк закурил сигарету. Затем сел на краешек скамейки.

– Да в чём же вы передо мной виноваты, Ваше Величество?! Я посещал в Москве храм, освящённый в вашу честь... Сколько раз я буквально приползал к вашему храму, истерзанный грехом (или, если хотите, кармой), а уходил просветлённый, прощённый, причащённый! Лучше вы меня простите за то, что я приносил в ваш храм одно только скверное! – Над Клерком и королём шелестели кленовые кроны, в которые уходил синий дымок от сигареты Клерка.

– Так вот, – плача, сказал св. Людовик, – для того и существуют на Земле храмы, чтобы освобождать человека от совершаемого им зла. А я сделал много зла – и всё же угодил в святые! Я не любил евреев, я уничтожил альбигойцев[1]. Это мучает меня, хоть я многим альбигойцам помог спастись от притяжения Ада. Ведь, как бы там ни было, они действительно сильно заблуждались. И вообще, мы, короли и королевы, много зла причинили людям! Так ты простишь меня? А то я вернусь в Небеса и буду всё время плакать, и мать моя тоже!

Клерк принял снисходительный вид и сказал, опустившись на одно колено:

– Ваше Величество, с вашего позволения я торжественно вам заявляю, что ни в чём вас не виню и прошу простить и меня, несчастного простого Клерка, отказавшегося от своего настоящего имени, простить за мои сомнения в вашей святости!

– Встань, голубчик, встань немедленно! Я так рад, так счастлив!

---

[1] Альбигойцы – общее название провансальской еретической секты, полагавшей, будто мір создан дьяволом. Бланка Кастильская и Людовик IX в XIII в. завершили дело их уничтожения, уничтожив тем самым целую провансалькую культуру, славившуюся трубадурами и куртуазной поэзией.

– Ваше Величество, а знакомы ли вы с вашей родственницей Марией Стюарт?

– Нет, увы.

– Так давайте я вас познакомлю! Пойдёмте к ней вместе, ведь я у неё остановился!

– Ну что ж, до ночи ещё есть время. Пойдём!

Когда они выходили из парка, Клерк зачем-то оглянулся: у скамейки, где они только что сидели, появилась негритянка. Она стояла, прижав к груди книгу левой рукой, а правой помахала Клерку. На её чёрном личике сверкала белозубая улыбка.

§ 10. *Сена и её стихиаль.*

...Слеза в голубоватой тине
И водорослей сквозь теченье
Влечения немые к сини,
Сиреневые озаренья...

Из стихов Клерка

Король Людовик IX и Клерк кликнули карету, уселись и поехали к Марии Стюарт. Таким образом, Клерк познакомил загробных родственников, которых разделили три столетия. Иосиф Бродский к тому времени уже удалился: он жил в гостинице, как обычно. Обещал прийти на другой день с фотоаппаратом и сфотографировать Клерка и королеву, а Клерк пообещал *оцифровать*[1] его снимки. Назавтра Клерк собрался уезжать в поисках других королей, а в особенности – королев.

Бывшие король и королева сердечно, как родственники, расцеловались. Первый муж Марии Стюарт, Франциск II, был из того же рода, что и Людовик IX; между ними прошло много лет, всякое бывало – даже Столетняя Война[2]. Клерк, чтобы не мешать им, вежливо сидел в углу комнаты, читая книжку в своём универсальном чемоданчике, в котором он содержал целую библиотеку, а также пинакотеку, фонотеку и несколько своих любимых кинофильмов, многие из которых впервые увидел только в Амаркордском кинотеатре, куда они несколько раз ходили с Фанни, Пьером и Полем. Встретившиеся августейшие родственники сидели на краешке софы, держа друг друга за руки и глядя друг другу в глаза. Клерк боковым зрением это видел. То был безмолвный разговор, весьма распространённый по ту сторону гроба. У окна в серебряной клетке прыгал какаду; за открытым окном кричали чайки над Сеной.

Через полчаса святой король поцеловал королеву и собрался уходить.

– Благословите нас, ведь вы – святой! – попросила мадам Мария и поманила Клерка. Он подошёл к ней, и Людовик перекрестил их обоих. Затем вокруг него соткался какой-то сияющий голубовато-розовый кокон, и он растворился в нём.

---

[1] Т.е. ввести в компьютер.
[2] С 1337 по 1453 гг.

Ну, дела! – сказал про себя Клерк. Её Величество проводила его в приготовленную комнату и пожелала ему спокойной ночи.

Наутро, после того как они позавтракали, явился Иосиф Бродский в простом сером пиджаке, голубых джинсах и начищенных полуботинках. Он сделал несколько чёрно-белых фотоснимков, которые пообещал прислать Клерку в Амаркорд. Королева осталась дома, заявив, что должна почитать *Степного Волка*, а поэт повёл Клерка на прогулку. Он показал ему средневековый рынок, на котором, в числе прочего, продавались фолианты. Клерк приобрёл за один франк великолепную *Песнь о Нибелунгах* в подлиннике, а поэт запасся бутылью бордо. Он рассказал Клерку, что приезжает сюда на неделю, взяв с собой только двухъязычную пишущую машинку и десять пачек американских сигарет, к которым привык. Живёт он постоянно в одной из Венеций (а в земной Венеции находится его могила). Своей половины он покамест не нашёл.

– Я всегда был тем ещё бабником, – сообщил он Клерку. – А тут это ни к чему. Но где-то бродит по мірам моя нежная половина, и мне неведомо – где. Пойдёмте посидим на набережной Сены.

– Что же мне думать по поводу монархического принципа? – задумчиво сказал Клерк. – Вы не видели Бога?

– Увы, для этого я ещё не созрел, хотя вполне верю в Него, о чём едва ли мог сказать там, на Земле.

– Разве на этом свете возможно неверие?

– В Аду, – лаконично ответил Бродский и слегка помрачнел. Было ясно, что *ад* для него не пустое слово. На миг перед ними пролетела его Ангел и, осенив речную воду, растворилась в синем парижском небе.

– Даже не знаю, о чём мы с вами могли бы поговорить, ведь я, по сравнению с вами, *чмо болотное*[1]! – печально сказал Клерк.

– Да не такое уж вы и чмо. Вы просто кокетка, а вовсе не чмо. И потом говорить-то, в сущности, нам не о чем. Смотрите, река, набережная, помните? – *дорогая, я вышел из дому поздно вечером подышать свежим воздухом, веющим с океана*...[2] Вы, я знаю, мистик и любите Даниила Андреева. Правду говоря, я всегда несколько, что ли, чурался чрезмерной метафизики. Знаете, что свело меня с королевой Марией?

– Нет, – сказал Клерк. Они сели на бревно на левом берегу, прямо против Лувра, закурили по сигарете, и Бродский откупорил купленную на рынке бутыль.

– Когда-то я написал такие стишки, малоприглядные и местами совершенно неприличные... Двенадцать сонетов к Марии Стюарт. Там была совершенно невероятно неприличная строчка, ну, вы наверняка знаете, что я имею в виду,

[1] Чмо – сокращённо *человек, мало образованный*.
[2] Из стихотворения Бродского.

совершенная матерщина! Оказалось, к моему изумлению, эти сонеты стали известны Марии Стюарт. Но она сделала вид, что ничего не заметила и... выиграла меня в пасьянс! Каково, да? Давайте выпьем за *стихиаль*[1] этой славной загробной реки!

Они выпили, хотя ни тот, ни другой не умели пока что *видеть* и распознавать стихиали. Ангел Клерка невидимо сидел на крыше близстоящего дворца и читал в душе своей второй половины, которая находилась на Земле, рядом с Сюзанной.

Раздел Второй.

§ 1. *Бытиё и Ничто.*

> Je me rendais compte que l'insouciance est le seul sentiment qui puisse inspirer notre vie et qui ne peut pas disposer d'arguments pour se défendre.
>
> Fr. Sagan *Bonjour, tristesse*[2]

Казалось бы, всё было хорошо. Я имела отца и мать, он был военный, она – актриса. Мы жили во Франкфурте-на-Одере, рядом с домом, помню, проходила трамвайная линия. Я играла в куклы и собирала домики из конструктора. Одно время к нам приходила русская семья – военный доктор с женой-домохозяйкой и сыном, моим сверстником, с которым я подружилась; пока взрослые делали вид, что общаются (русские не знали по-немецки, а мои родители – по-русски), мы возились у меня в детской на полу, собирали домик (кажется, там были даже унитаз и ванна). Они приезжали к нам в тёплую пору на двух велосипедах, а зимой или в дождь – на трамвае. Потом они были высланы в Россию, т.к., оказывается, контактировать с немцами русским запрещалось. Но я их помню. До сих пор у меня хранятся чёрно-белые фотографии, которые сделал русский доктор: обе наши семьи празднуют Рождество, приходит Санта-Клаус с мешком подарков, мы с мальчиком (забыла его имя) сидим на полу, нам примерно по три-четыре года.

Увы, мои родители не поладили между собой. Мать поехала на гастроли во Францию, взяла меня с собой и вдруг решила остаться там. Отец приехал раза два к нам в гости, но ничего из этого не вышло. Потом он умер; мне было десять лет. Думаю, что он умер от одиночества и ещё оттого, что много стал пить. Теперь, закончив музыкальную школу по классу скрипки, я живу на Монмартре одна: мать практически уехала в Америку. Ей никогда не сиделось на месте.

Что мне сказать о себе? Мне сорок лет. Я невысокая блондинка с голубыми глазами; говорят, привлекательная, да вот только меня никто не привлекает (сказать по правде, у меня никогда никого и не было). Я учу детей играть на

---

[1] Стихиаль – по Д.Андрееву, иноматериальная душа природного явления.

[2] Я отдавала себе отчёт в том, что беззаботность – единственное чувство, которое может вдохновить нашу жизнь и не располагает аргументами в свою защиту. *Франсуаза Саган "Здравствуй, грусть"* (фр).

скрипке. В свободное время – его у меня достаточно – хожу по книжным лавкам, собираю и читаю книги, летом езжу на машине к морю, помогаю при церкви. Я верующая. И у меня есть духовник, голландец, его зовут отец Вэнсан. Тяжело быть одной, но я понемногу привыкла. Отец Вэнсан говорит, что я создана для монастырской жизни. Но я-то этого не думаю; вот я сижу у себя дома и печатаю на маленьком ноутбуке этот текст; зачем, для кого? Этим летом я тщетно пыталась вникнуть в трактат Сартра *Бытиё и Ничто*, но, похоже, мой мозг недостаточно развит! Всё, что мне удалось понять, – это что Сартр убеждён в невозможности Бога, и бытиё для Сартра – абсолютно случайно, оно возникает из ничего и гибнет. Я долго носила этот трактат в сумочке, вместе с документами, кошельком и косметичкой, просиживала за чтением на набережной, курила-курила, думала-думала. Всё же я одинока, и даже такой чудный друг, как отец Вэнсан, не может мне помочь. В моей душе живут словно два человека: один радуется каждой новой музыкальной пьесе, каждому солнечному дню, каждой Мессе (я хожу в Нотр-Дам, где и прислуживаю в качестве уборщицы), каждой прочитанной или увиденной в кино сказке; тогда как другой то и дело затягивает меня в серую меланхолию, которую усиливает парижский дождь, боится смерти, не очень-то верит в Бога... Где-то, наверное, существует мой Принц, однако мне не дано найти его, повстречаться с ним. Ну, ладно, хватит. Вот уже четвёртый час дня, и мне пора в храм. Прости меня, мой Бог, что я так немощна, что я почти не открываю Библию. Как одиноко, как одиноко! И – рано или поздно – я должна... умереть!

Сюзанна выключила свой ноутбук, выпила рюмочку ликёра и, приведя себя в порядок, вышла из дома. Её Ангел сделал всё возможное, чтобы уберечь Сюзанну от мчавшегося слишком быстро шевроле. Она ездила в храм на метро. Ей хотелось быть рядом с людьми, так она меньше боялась того другого человека в себе.

– Здравствуй, Сюзанна! – приветствовал её отец Вэнсан, тот самый, что однажды, дней десять тому назад исповедовал Клерка. – Ты всё так же печальна!

– Всё так же, отец, простите меня, – отвечала она. И он предложил ей после Мессы сходить в кино.

В конце концов, через полгода, сама не зная как, она угодила в клинику с тяжёлой депрессией. Отец Вэнсан навещал её, но она уже понимала, что яд под названием Ничто, слишком глубоко проник в её душу и что жизнь навсегда отравлена. Она не выдержала более и – умерла. Всё, что она взяла с собой в другое существование, были скрипка в футляре и маленький ноутбук, в котором, в частности, хранился и вышеприведённый отрывок из её воспоминаний. Мать её приехала чуть позже, продала квартиру и машину и

снова уехала в Америку. Она разучивала очередную роль для спектакля. Трудно сказать, что она чувствовала. Скорее всего, она была слишком беззаботна, и это вполне вдохновляло её жизнь, вопреки приближающейся старости. Единственное, чего она не могла понять, – это куда подевались ноутбук и скрипка.

§ 2. *Несбывшееся.*

Таким образом, я понял своё Несбывшееся
и покорился ему.

А.Грин *Бегущая по волнам*

На прощанье он притащил Марии Стюарт *аквариум* – в качестве исчерпывающего символа эпохи Рыб, которая на Земле всё ещё продолжалась. Её Величество поцеловала Клерка в лоб и записала в блокнот его адрес, пообещав писать ему письма. Он попросил её прочесть ему какое-нибудь из когда-то написанных ею стихотворений в подлиннике, что она и сделала (разумеется, он почти ничего не разобрал). В свою очередь, он прочёл ей по-русски одно из своих стихотворений, так что она тоже ни слова не поняла, однако была весьма довольна.

– Вы такая красивая! Какого рожна Елизавета взъелась на вас?! – сказал Клерк.

– Воля к власти, воля к власти... – задумчиво сказала Мария Стюарт.

– Вы читали Ницше?!

– Да, мне дал почитать Иосиф. Он меня учит своей культуре, а я его – своей. Согласитесь, в ваших учебниках написано немало чепухи про *наше* время! Ну, что же, вот у меня и ещё два друга – вы и св. Людовик!

Клерк передал ей привет от официантки Клэр и рассказал, что в парке недалеко от Лувра можно встретить Ангела-негритянку. Королева сказала, что непременно туда сходит.

– К какому монарху вы направляетесь теперь? – спросила она.

– Вы знаете, я, кажется, всё уже понял. Я, может, не поеду больше к монархам, разве что буду с ними переписываться, как вот с вами, мадам Мария.

– Вы поняли насчёт Бога? – Клерк сказал, что нет, но что лучше иметь дело с монархом, чем с *чернью*, или с хайдеггеровским *das Man*. Пришлось ему заодно рассказать королеве в двух словах о Хайдеггере.

– Король в каждом из нас – это само наше Присутствие, мадам Мария. В каждом мужчине – это Королева, в каждой женщине – Король! Вот и весь монархический принцип. Важно найти свою королеву или своего короля.

– Это любопытный вывод, – улыбнулась Её Величество. Она явно сожалела, что он уходит. Однако у подъезда уже давно стояла заказанная карета; они простились. Клерк с чемоданчиком и сумкой сел в карету и попросил отвезти его к той самой часовне на краю города.

Кучер поблагодарил Клерка за диковинный франк и укатил восвояси. В часовенке на скамейке сидел святитель Николай. *Она умерла*, – сказал он. – *Кто? – Твоя суженая*.

– Куда же мне теперь идти? – спросил Клерк.

– Если хочешь, я отвезу тебя в Гель-Гью?

– Вот так так! Это же выдуманный город!

– Ничего выдуманного не существует. Твой любимый писатель придумал и заселил его; значит, этот город есть.

– Грин? – Святитель кивнул. – А где он сам? В Небесном Крыму?

– Ты угадал. Но именно теперь он сидит в одной из таверн Гель-Гью и пишет воспоминания.

– Здесь все только и пишут, что воспоминания.

– Согласись, здесь есть что вспомнить.

– Не спорю. – Они помолились, каждый по-своему (Клерк трижды прочёл про себя *Радуйся, Мария*), и вдруг Клерк обнаружил, что храм превратился в небольшой катер, плывущий по морю. Святитель вышел на палубу и уселся на стоявший там стул. Катер двигался сам под неизвестно откуда звучащую музыку. Сопрано исполняло *Ave Maria* Джулио Каччини. Впереди показался прибрежный город, вероятно – Гель-Гью. Катер причалил. Клерк, стараясь сохранять спокойствие, обернулся, чтобы что-то сказать святителю, но того уже и след простыл.

На пристани никого не было. Дальше, по песчаному берегу, загорали голые люди; вверх уходила старинная улица с котами и собаками, мирно гревшимися на солнце. Клерк сошёл с катера и увидел таверну. Его Ангел, облачённый в сиреневую тогу, стоял, подбоченясь, у раскрытой двери. Чуть поодаль на холме возвышалась прекрасная статуя, изображавшая, как догадался Клерк, бегущую по волнам героиню Грина по-имени Фрези Грант.

– Здорово, приятель! – сказал Ангел. – Тебе сюда! – И исчез. *Вот ведь шут гороховый!* – с нежностью подумал его подопечный. И вошёл в таверну. Там сидело несколько моряков, за стойкой хозяин вытирал полотенцем вымытые пивные кружки, у окна за отдельным столиком сидел Александр Грин, любимый писатель Клерка, и с папироской в углу рта что-то писал на листах бумаги, иногда поглядывая в окно, где было видно статую, а также нудистский пляж. Грин был в брюках, ботинках и пиджаке, всё это светло-серого цвета; на краю стола возле зелёной бутылки, стаканчика и хрустальной пепельницы лежала серая шляпа.

– Ваше Несбывшееся, – сказал Грин подошедшему к нему Клерку, – ищет вас. Поторопитесь.

§ 3. *Усопшая.*

Я видела, как отец Вэнсан отпевал меня. Но ничто уже не держало меня на Земле, даже привязанность к духовному отцу. Наверное, и он был ко мне привязан; мне казалось, что он очень расстроен из-за того, что я умерла. Итак, думала я, удаляясь от Земли, Сартр писал чепуху, а я не зря ходила в церковь. Я летела, летела и вот в какой-то момент вдруг почувствовала почву под ногами и увидела освещённое солнцем озеро. Зелёная трава, вереск, голубика, еловая чаща, стук дятла в лесу. Я не знала, из чего я состою и что собой представляю, но ясно понимала, что я жива, что я – это я, а смерть осталась позади, словно фантом. Депрессия, невроз, шизофрения – я уже не понимала этих вещей, хотя и знала, что они-то и свели меня в могилу. Мне стало так легко, как разве что в детстве. Это тело было точной копией того, которое отпевал отец Вэнсан, однако что-то в нём изменилось, как будто все его системы заработали иначе: например, не было никаких неприятных выделений – простите за подробности, – я не чувствовала нужды, меня не раздражало полуденное солнце. Скинув синие туфли и сняв платье – такое же синее платье, как то, что в гробу, – и всё прочее, я сложила всё это возле чемоданчика, и футляра со скрипкой, не знаю уж как сюда попавших. Моя кожа была чистой и гладкой. Мои светло-золотистые волосы наверху были схвачены заколкой и спускались на плечи; я посмотрелась в тёмную воду и осталась собой довольна. Минут двадцать я плавала по озеру, ничто меня не страшило – ни подводные опасности, ни тёмный лес вокруг. И скучно мне тоже не было. Жаль только, что сумочка с косметичкой осталась там, внизу... Но зато у меня есть скрипка и ноутбук! Я вылезла, повалялась на солнце и оделась. Может, это и неинтересно читать, но ведь я пишу, в общем, просто для себя, припоминаю, размышляю. *Покурить бы*, – подумала я. И тут я заметила, что с одной стороны лес имеет просвет, и там какая-то дорога. По этой дороге к озеру ехала женщина на велосипеде. Я разглядела короткие чёрные волосы, лёгкое малиновое платье и красные туфли. На плече у неё висела сумочка. Она подъехала ко мне и, прислонив велосипед к дереву, говорит:

– Мы тут тебя заждались! – И протянула мне руку.

– А кто вы? – спросила я. – Вы умершая?

– Н-нет, я и не рождалась. Я – Ангел.

– Вы мой Ангел? – обрадовалась я.

– Нет, я обслуживаю тут одну кофейню. Меня зовут Жюли. Твой Ангел – тоже женского пола. Она не смогла тебя встретить; да это и ни к чему после отпевания и стольких неприятностей! Я привезла тебе вот эту сумочку взамен прежней, держи. Только угости меня сигаретой, пожалуйста.

Удивлённая, я раскрыла белую сумочку и нашла там... Сартра, пачку сигарет *Голуаз*, зажигалку, ручку, блокнот и косметичку.

– Какая-то фантастика... – пробормотала я. – Но всё равно – спасибо! Держи сигарету! – Мы сели на траву и задымили. Перед нами у противоположного берега сосны и ели опрокидывались в воде.

Жюли рассказала мне, что я теперь приобрела *душевное тело*, сотканное из бессмертных дхарм – полу-вибраций, полу-частиц; что для человеческого сознания смерти действительно нет, а умирают только физические тела (исключение, правда, составляют насекомые, которые имеют только *коллективные* души и, по смерти, распределяются по разным *местам и ярусам* загробного міра). Над озером летали красивые стрекозы и бабочки.

– Здесь уже готов дом для тебя, – сказала Жюли. – И работа.

– Здесь работают?

– Мало тех, кто может обойтись без помощи. Неужели ты не хочешь, например, помочь Сартру?

– Хочу, – сказала я, – но как это сделать?

– Очень просто; надо лишь занять двенадцатый стул в одном из цехов конторы *Штэппенвольф и К*^{0} .

Она рассказала мне, что некоторые люди (может быть, даже большинство) умирают в состоянии *Степного волка* (я читала этот роман, он написан на моём родном языке). Ещё она рассказала о монахе по прозвищу Великий Кибер, об Амаркорде. О том, что здесь живёт Хайдеггер и участвует в создании метакультуры Франции. Я спросила, что это за штука – метакультура.

– Помнишь свой детский конструктор? – отвечала Жюли. – Вы с одним мальчиком строили *дом*. – Я сказала, что помню.

– Так же строится метакультура, то есть *жизнь после смерти*. Так получилось, что у Франции эта жизнь складывалась наперекосяк. Умиравшие оказывались в разных ярусах, в разных слоях, уединялись и обособлялись друг от друга. Потом на Земле произошла Революция. Казнили французского короля, затем – королеву. Так и выходило, что одни попадали по смерти в общекатолическую метакультуру, другие – в Нижний Ярус (например, атеисты, убийцы, даже Вольтер попал туда, в то время как в Париже до сих пор не уничтожен его памятник). Есть и другие страны без метакультур: это большинство стран агрессивно-мусульманских и, разумеется, вся Россия с 1900-го года и по сей день. То есть, видишь ли, каждому месту и времени здесь соответствует свой *слой*, так сказать. СССР находится в аду, это ясно; хотя отдельные люди оттуда попали в более высокие слои. Один из них, в частности, – тот самый мальчик, с которым вы строили *дом*.

– А зачем здесь... половые органы? – смущённо спросила я. – Они функционируют?

– В этом теле – нет, – ответила Ангел Жюли. – Вот когда вы все воскреснете, половые различия обретут окончательный смысл. У каждого есть своя противоположная половина.

– И у меня?

– И у тебя. Пока поживи у меня, в моём доме, где я держу кофейню. Едем?

Я кивнула, взяла свои вещи, и Жюли поехала, усадив меня на багажник. Чемоданчик и футляр со скрипкой я положила себе на колени и придерживала правой рукой, а левой держалась за свою первую загробную подругу. Она была очень изящна, и от неё исходило какое-то необыкновенно умиротворяющее, материнское тепло.

§ 4. *Вифания.*

За музыкою только дело!
Итак, не размеряй пути...

Верлен
в переводе
Пастернака

Людвиг ван Бетховен в полном метафизическом здравии играет на фортепьяно в гостях у Господа Бога. А Тот и сам в гостях; по Своему обыкновению, Он зашёл к Лазарю и его сёстрам. Бетховен отлично слышит. Марта и Мария вышивают под звуки *Аллегретто* из 7-ой симфонии своего гостя. В этот момент дверь гостиной приоткрывается, и в неё прокрадывается Ангел Жюли, брюнетка в малиновом платье, и тянет за собой, держа за руку, новопреставленную блондинку Сюзанну. Одна из бесконечного множества строго упорядоченных мыслей в голове Бога представляет собой город Гель-Гью с его тавернами, весёлым побережьем и статуей Фрези Грант, в точности отображающей Пресв. Деву Марию. Это придумал Грин. Ведь поначалу Фрези Грант была, скорее, оппоненткой Девы Марии... Клерк сидит за одним столиком с автором Гель-Гью и пьёт сладковатый ром. *Пора отправляться домой*, – думает он. – *Что там ещё за вторая половина? Хайдеггер, наверное, ждёт меня: ведь он обещал экспедицию к Сартру и Гуссерлю. Как назло, второго я вообще не читал, а в первом мало чего понял*. Господь подумал: – *В отличие от Меня. Иногда устаёшь столько понимать*. Бетховен закончил аллегретто, встал и поклонился. Лазарь тоже встал с кресла у камина, подошёл к Бетховену и тепло пожал ему руку.

– Сюзанна умерла! – говорит Жюли. – Она поживёт пока со мной, если Ты не против. – Господь кивнул.

– Где-то я видела этого человека... – шепчет Сюзанна на ухо Жюли. – Кто это? – Господь засмеялся.

– Я... Бог, собственной Персоной, – говорит Он. – А это Мои друзья: Мария, Марта, Лазарь. Я у них в гостях. Хочешь выпить?

Сюзанна не знает что сказать. – Значит, это Ты?

– А что, не похож?

Она медленно, как бы ощупью, подходит к Нему. Это высокий красивый голубоглазый мужчина с длинными тёмно-русыми волосами и бородой. Он облачён в средиземноморскую одежду времён Тиберия. В Нём нет ничего торжественного. Рядом с Ним столик, на столе – бутылка и бокалы.

– Видишь, Сартр всё-таки ошибся, – говорит Он, наливает вина и протягивает Сюзанне. Она выпивает до дна; мозг её лихорадочно работает. Она видит своё пребывание в клинике для душевнобольных. Она видит отца Вэнсана, как он смиренно сидит у её могилы и шепчет слова Лоретанской Литании[1]. Она видит Сартра, печатающего на машинке; он сидит в полутёмном кабинете, его стол – у окна, за которым моросит нескончаемый *парижский* дождь. – И никаких тебе овец и козлищ! – говорит Бог. – *Понавыдумывали*. – Сюзанна вдруг чувствует Его; какая-то тончайшая вибрация касается её и охватывает, превращаясь в фантастический трепет узнавания. Сколько она прочитала молитв к Нему, как она звала Его, как ей было одиноко. – Он привлекает её к себе, и она припадает к Нему, Он гладит её по голове. – Всё позади, милая моя Сюзанна. Теперь ты со Мной, и – не уходи больше, пожалуйста!

– Ни за что не уйду больше! – она плачет, прильнув к Его груди. И такая же история происходит с миллиардами разумных существ. Этот парадокс необъясним. Непостижимы пути Всевышнего для ограниченного восприятия человека. Лазарь о чём-то болтает с Бетховеном, Жюли с сёстрами Лазаря. Ангел Клерка и Ангел Сартра ведут переговоры, сидя на стальных сваях моста.

§ 5. *Грин. Мария-Антуанетта.*

Апостолом грядущего откровения должна быть женщина, но женщина благородная, чистая и прекрасная, а также – умудрённая, но не мрачным жизненным опытом, а познанием радости; всей своей жизнью она должна доказывать, что священная любовь приносит нам счастье!

Готорн. ***Алая буква***.

Разговор с Грином больше смахивал на молчание: уже и так всё было ясно. Кроме, разве что, одного. Ответа на свой вопрос относительно монархической природы Всевышнего Клерк всё-таки не нашёл. Выходило – после встречи с Марией Стюарт и Людовиком Святым, – что у этого вопроса едва ли есть шанс оказаться разрешённым. Несбывшееся уже вошло в жизнь нашего персонажа, и ему было назначено сбыться по возвращении Клерка в Амаркорд. Приведём лишь несколько прощальных реплик Клерка и его любимого писателя.

– Вы участвовали в подпольном движении, господин Грин.

---

[1] Католическая молитва, обращённая к Пресв. Богородице. Названа по итальянскому городу Лорето, куда, согласно преданию, чудесным образом был перенесён из Назарета дом Пресв. Марии.

– Увы.

– Из этого *увы* следует, что вы раскаиваетесь?

– А иначе зачем бы мне было выдумывать свой собственный особенный мір!

– Вы не воспринимаете эту погружённость в вами же созданные міры как обречённость?

– Я теперь всем доволен, друг мой. Ведь я люблю своих персонажей – как и Господь Бог любит своих… Когда я помирал, мне было так тяжело. Я же не знал, что всё вот так обернётся. Мне сказали, что вы решаете одну сложную проблему, что от её решения, возможно, зависит ваша дальнейшая судьба, а заодно и судьба некоторых бывших монархов… Что сказать вам?

– Понимаете, – ответил Клерк, – мне нестерпима даже мысль, что Небо и Землю, то есть всё видимое и *невидимое*, сотворил ТИРАН. Когда я жил в Москве, в чужой квартире, когда сидел на кухне, обложившись книгами, я приклеивал на стену в своём уголке изображения людей, которых почитаю. Вас там, правда, не было. Но вот между казанской иконою Богородицы и Христом я приделал обёртку от шоколадки *Алые паруса* – там был нарисован парусник наподобие вашего *Секрета*, и казалось, будто его бушприт смотрит на Пресв. Деву Марию, как будто Господь послал этот мистический, романтический корабль прямо к Ней. А Она для меня ассоциировалась с созданной вами Фрези Грант, спасающей тех, кто безвинно терпит кораблекрушение… Таков же, я думаю, и Бог.

– Вы видите, всё уже продумано каким-то более гибким, нежели мы с вами, мыслителем.

– Да, я вижу, что это так. – Они выпили. Пепельница была полна окурков.

На прощание – а может, и до встречи – Грин крепко пожал Клерку руку.

На вокзале Гель-Гью Клерк сел на поезд, взяв билет до Австрии. Через несколько таможен проводница сказала Клерку, что пора выходить. Была ночь. На перроне явился его Ангел и провёл его лесом через несколько слоёв туда, куда влекло теперь Клерка, а именно – в Вену, родной город королевы Марии-Антуанетты, сложившей голову под гильотиной в 1793 году. Эти две судьбы – Марии Стюарт и Марии-Антуанетты – чем-то были схожи, не случайно Стефан Цвейг посвятил им два специальных повествования. Мария-Антуанетта проживала в шикарном дворце, подобии её родного Шёнбрунна[1].

Клерк остановил извозчика, заплатил ему франк и, подойдя к дворцовым воротам, позвонил в колокольчик. Ему открыла служанка, быть может тоже Ангел. Бывшая эрцгерцогиня, дочь Марии-Терезии и королева Франции Мария-Антуанетта сидела на мягком, расшитом золотом диване вместе с какой-то

[1] Шёнбрунн – дворец в Вене, резиденция Габсбургов.

приятной дамой. У обеих были огромные напудренные причёски. У высокого окна, скрестив на груди руки, стоял дворянин.

– Мне сообщили, что вы изучаете монархический принцип, – сказала Её Величество. – Это весьма мило с вашей стороны.

– Здравствуйте, – сказал Клерк и, приблизившись к дивану, припал к руке королевы, а затем и её компаньонки.

– Познакомьтесь: это принцесса Ламбаль[1], а это граф Ферзен[2], мой верный друг. Как видите, мы живём в приличных условиях.

– О да, – ответил Клерк, – всё это говорит о том, что *Господь Бог никогда не был на стороне революционеров*. И это меня озадачивает. – Он положил чемоданчик и сумку возле дивана и сел рядом с Марией-Антуанеттой.

– Ну, да что уж теперь говорить! – Королева жеманно всплеснула своими изящными ручками. Клерк потянул носом и учуял запах резеды – такими духами любила пользоваться покойная королева. Граф, улыбаясь, ходил по зале, украшенной большими династическими портретами Габсбургов и Капетингов. – Господь всегда был против насилия, это ясно, – продолжала Её Величество. – Расскажите нам немного о себе.

Клерк рассказал о себе и о сущности происходящего в Амаркорде. Они ахали и охали, слушая про тот скачок технического прогресса, который произошёл за два с небольшим столетия, но поняли очень мало. Тогда Клерк отщёлкнул крышку ноутбука и продемонстрировал им его возможности.

– Это поразительно! – воскликнули в один голос граф, принцесса и хозяйка. – А мы выигрываем души с помощью карт и шахмат, по старинке, друг мой, – сказал Ферзен. Его (в тот же самый день, когда казнили королеву, но несколько лет спустя) погубила стокгольмская чернь. Он ненавидел чернь и был одной из последних опор *монархического принципа*.

– А я плохо играю в шахматы, – признался Клерк.

Мария-Антуанетта хлопнула в ладоши, и слуги принесли на подносах шампанское, шоколад и бананы. *Наверно, тоже из Ангелов*, – подумалось Клерку насчёт слуг. Видимо, служение – это основа существования Ангелов. Если б и люди так служили друг другу! Но они убивают, убивают и убивают. Каин убил Авеля – так оно и повелось. После шампанского принцесса Ламбаль предложила партию в преферанс, но Клерк признался, что, кроме *дурака*, ни во что играть не умеет. Оказалось, они не умеют играть в дурака. Клерк научил их. Выбрали Робеспьера[3] в качестве ставки. Тогда вмешалась служанка и

---

[1] Госпожа де Ламбаль пала жертвой разнузданной парижской толпы в 1792 г. Они насадили её голову на пику и пронесли перед окнами королевского семейства. Ламбаль была прекрасная дама и близкий друг королевы.

[2] Ферзен – шведский офицер, почти единственный настоящий друг королевы, несколько раз безуспешно пытавшийся спасти её от патриотов.

[3] Максимилиан Робеспьер – деятель Французской Революции, организатор массового террора в 1794 г. Казнён своими коллегами в результате т.н. термидорианского переворота.

объяснила, что Робеспьера им пока ни за что не выиграть, тем более в дурака, но тем не менее возможно поставить на герцога Орлеанского, который во многом был повинен в заговоре против Людовика XVI-го и его семьи. Решили, что выиграть его может только Клерк. И, поскольку остальные играли в дурака первый раз, Клерк без труда выиграл герцога. Другая служанка из числа четырёх присутствовавших слуг зааплодировала и заявила, что герцог Орлеанский в этот самый момент поднялся ярусом выше.

§ 6. *У спасительницы.*

Schwierig wird das Erzählen ferner dadurch, daß wir ja nicht nur durch Räume wanderten, sondern ganz ebenso durch Zeiten. Wir zogen nach Morgenland...

***H.Hesse* Die Morgenlandfahrt**[1]

Пока Сюзанна помогала Жюли по хозяйству в кофейне *Сан-Суси*, а в конторе *Штеппенвольф и К°* регистраторы и кракеры работали над чужой кармой, Ангел подбросил Клерка в своей таратайке в те края, где обитала Роми Шнайдер, так как время для этого уже вполне созрело. Вот что впоследствии записала в свой дневник *фрау Роми*.

Не так давно, после съёмок нового фильма, я сажала в саду цветы. В доме *императрица Сисси* играла на фортепьяно. Макс, рыжий с белым колли, которого она мне подарила полгода тому назад, вертелся поблизости. Вдруг у моей калитки остановился какой-то путник с чемоданчиком и сумкой, на которой были вышиты надпись *Paris, France* и золотистые лилии. Я узнала в этом бородатом создании того самого человечка, которого довезла до амаркордского моря и от которого получила потом письмо. Воткнув лопату в землю, я подошла к нему и улыбнулась. Он был весьма смущён, наверное.

– Вот вы меня и нашли, Клерк, – сказала я и протянула ему руку. Он поставил чемоданчик на траву, взял протянутую руку и почтительно её чмокнул. – Не смущайтесь так. Слышите музыку?

Он кивнул и почесал в затылке.

– Это играет Сисси, бывшая австрийская императрица Елизавета Австрийская.

– Да, фрау Роми, я помню, как вы дважды играли её в кино. Она была заколота анархистом. Он воткнул ей в сердце напильник. Какой кошмар. Но… это – вы. Как-то не верится. Спасибо вам, вы меня много раз спасали на Земле и выручили меня здесь.

– Пустяки, – сказала я. – Пойдёмте выпьем чего-нибудь. Я сажала розы.

---

[1] Трудно рассказывать дальше из-за того, что мы ведь странствовали не только через пространства, но и через времена. Мы направлялись в Страну Востока. *Г.Гессе,* Паломничество в Страну Востока.

Я провела его на второй этаж своего коттеджа, в ту комнату, где играла в этот момент Сисси (императрица сама попросила меня так её называть). Она как раз закончила ноктюрн Шопена и обернулась.

– Сисси, – сказала я, – к нам гость. – Я их познакомила. Кажется, он романтическая натура. Он хотел приложиться к её руке, припав на колено, словно трубадур или рыцарь перед прекрасной дамой, однако Сисси подняла его, обняла и поцеловала в лоб.

– Я слышала о ваших поисках, – сказала она ему. – Не думаю, что г-н Гортхаур, как его некоторые тут именуют, доволен вами!

– Чтоб ему пусто было, этому Гортхауру! – выпалил без церемоний Клерк.

– Осторожно, что вы! – сказала Сисси. – Мы ведь не в Раю.

– Вы такие дамы, что мне кажется, Рай начался с той минуты, как я вас обеих увидел.

– Имел честь лицезреть, – сказала я, рассмеявшись. – Как по-вашему, похожи мы с ней друг на друга?

– У вас одинаковые излучения: одного цвета! Сине-зелёные, цвета морской волны, – ответил он. – Ваше Величество не курите?

Сисси помотала головой.

– Но Роми курит при мне, и меня это не шокирует. – Мы с Клерком закурили. – Так вы решили что-нибудь? Является ли Бог *монархом*?

– Да, – решительно сказал Клерк. – Но, как вы помните, *царство Его не от сего міра*. Здесь, где мы теперь, Он господствует над нами, я это чувствую. Но господство Его потрясающе приятно. Не хотите ли вина (мне подарила бутылку вина принцесса Ламбаль, прекрасная мученица)?

– Пожалуй, – ответила Сисси. – А мы тут сидим каждый у себя дома, никуда не ездим. Поговаривают, скоро мы переберёмся в иной мір, более тонкий и глубокий. – Я принесла фужеры, штопор и пепельницу.

Потом Клерк помогал мне сажать розы. К вечеру я посадила его и Сисси в автомобиль и прокатила их по окрестностям Парижа. Разноцветные огни фонарей отражались в Сене. Ночью, когда императрица заснула, мы долго ещё сидели вдвоём с Клерком у камина, курили, пили вино, которого у меня всегда достаточно.

– Вы много видели моих ролей, Клерк? – спросила я.

– Не особенно. Больше всего я любил фильм *Старое ружьё*. Там вас сжигают огнемётом эсэсовцы, а Филипп Нуаре мстит им с помощью старого спрятанного в тайнике ружья. Я видел фильм, где Нуаре играл убитого миллиардера, то есть *живого умершего*, типа нас с вами.

– Чего вы ждёте от меня?

– Я люблю вас, фрау Роми, – сказал он. – Это означает, что я совсем ничего от вас не жду; просто радуюсь вашему бессмертию и своей встрече с вами.

– Но во мне нет ничего особенного! – удивлённо воскликнула я.

– Особенное – это каждый из нас, – сказал он. – А вы видели Бога?

– Пока нет. Но в том, что Он существует и помогает нам, я уже давно не сомневаюсь. Сомневалась бы – не находилась бы *здесь*! Кроме того, у меня есть Ангел, и, кстати, он в большей мере заслуживает вашей благодарности, чем я.

– Уверен, сейчас наши Ангелы тоже разговаривают друг с другом.

– А вы умеете *входить в кино*? – спросила я. Он сказал, что нет, не умеет. Тогда я попросила его найти в своём чемоданчике один из его любимых кинофильмов. Он открыл *Сталкера* Тарковского, остановив на той сцене, когда Писатель и Профессор стоят за столиком в закусочной. Я попросила Бога впустить нас на пять минут внутрь этой сцены, и мы оба оказались на пороге закусочной; Писатель, Профессор и Сталкер вежливо нам кивнули и продолжали какой-то разговор, явно выходивший за рамки сценария.

– Это что же, – спросил меня Клерк, – отдельный мір? – Я кивнула. Мы заказали себе пива, выпили и вернулись в мою квартиру.

– Особенно долго там быть нельзя, тем более с непривычки, – объяснила я Клерку.

– А что?

– Может затянуть. Так и останешься внутри фильма.

– Да-а, ну и ну! Знаете, фрау Роми, вы могли бы быть моей матерью, если исходить из земной хронологии. Вы – почти ровесница моей матери!

– Это неблагодарность с вашей стороны по отношению к вашей настоящей матери, – наставительно сказала я. – Она ещё *там*?

– Там. И я понятия не имею, что с ней происходит. Понимаете, она проходит по другому ведомству, не по ведомству *Степного Волка*... Впрочем, когда-нибудь мы все, наверное, встретимся: мать, отец и так далее. Как вы полагаете, чем вообще всё это кончится?

Я пожала плечами: – Ничем! Мы просто будем совершеннее... Когда-то я потеряла веру в Бога, а совершенства искала разве что *как женщина*.

– Женщина – это смысл бытия, – заявил Клерк. – Только вот ума не приложу, как выглядит в этом міре воссоединение *половин*. Представляете, моя половина, оказывается, уже поджидает меня в Амаркорде! Я встречался с ней на Земле только в глубоком детстве, в Германии. Мы там жили с отцом и матерью; я писал вам об этом. Скажите, когда вы умерли, вы ведь не сразу попали *сюда*?

– Нет, не сразу. – Мне не хотелось вспоминать эти вещи, и он больше об этом не спрашивал. – А что касается *монархического принципа*, подождите ещё чуть-чуть: я думаю, когда вы встретитесь с Богом, всё станет ясно само собой. Меня многому научила Сисси. – Ко мне подошёл Макс и положил свою белую морду мне на колени.

§ 7. *Гортхаур.*

Он всюду царь, но там – Его держава,
Там град Его, и там Его престол...
Данте Божественная Комедия,
Ад, I:127,128.

Вот что написал учёный д-р Хокинг о... чёрной дыре:

Термин "чёрная дыра" появился совсем недавно. Его ввёл в обиход в 1969 го американский учёный Джон Уилер (...) Когда в ходе сжатия радиус звезды достигнет некоторого критического значения, гравитационное поле у её поверхности станет очень сильным, и тогда (...) свет не сможет больше выйти наружу (...) Существует (...) некая область пространства-времени, из которой невозможно выйти наружу и достичь удалённого наблюдателя. Такая область называется сейчас чёрной дырой. Границу чёрной дыры называют горизонтом событий (...)[1]

Устало Он опустился в чёрное кожаное кресло, пододвинутое ему мрачным кривоногим, как гунн, рабом в шерстяных панталонах и с голой грудью, разрисованной похабными татуировками. Хозяин Дворца стоял к Гостю спиной, скрестив за ней пальцы тёмных своих рук, и глядел в овальное, как большой иллюминатор, окно, в котором чернело потустороннее небо Энрофа, полное созвездий и планет. Он внимательно рассматривал окрестности звезды Алголь (от арабского *ал-гуль – дьявол*), размышляя о своих делах. Звезда Алголь мерцала, словно глаз пантеры, теперь спокойно лежащей, но уже готовой к дикому прыжку в сторону ничего не подозревающей жертвы. (У своего отца в гороскопе Клерк обнаружил конъюнкцию Солнца с этой зловещей звездой в 26-м градусе Тельца.)

Встреча усталого Гостя с мрачным Хозяином происходила в большой нетопленной зале с высоким потолком. По одной из стен шли какие-то диковинные устройства – экраны, пульты с кнопками и клавишами, щиты с металлическими рубильниками.

– Пшёл вон отсюда! – не оборачиваясь, сказал Хозяин рабу. Тот, боязливо пятясь, выскользнул из залы и прикрыл тяжёлую железную дверь. – Зачем Ты опять пришёл ко мне?

Господь, а это был Он, положил руки на кожаные подлокотники. – Чем-то напоминает сталинский Кремль, – усмехнувшись, сказал Он. – Отец сожалеет о твоём упорстве, Гортхаур. Тебе никогда не доказать своей правоты.

– Они законченные козлы, эти Ваши *по образу и подобию*! – отвечал Гортхаур. – Если б мне никто не мешал, я давно уже доказал бы всё, что нужно, чтобы сделать из них рабов моих рабов. Но Всевышний помешан на любви к ним. А они каждый земной и небесный миг порождают себе подобных...

[1] С.Хокинг, *Краткая история времени* (СПб "Амфора" 2000).

Вопрос: для чего? Да для того, чтобы жрать и ещё раз жрать, а потом разжигаться похотью к своим женщинам и порождать очередных пожирателей.

– Ты всегда видел только скверное.

– Я реалист. А Ты – неисправимый романтик с головой, напичканной бессмысленными идеалами, и совершенно лишённый *воли к власти*. Зачем Ты отнял у меня Ницше? Зачем Ты позволил козлу по кличке *Кибер* создать мне противовес в виде целой армии *взломщиков*? На каком основании Твой Отец попускает воровство и подлог? С Твоей Матерью, по крайней мере, всё ясно: Она враг Справедливости; но с каких пор Справедливости отказано в божественном статусе?!

– Да, Я, пожалуй, действительно романтик... – задумчиво ответил Господь, неприязненно разглядывая стену с устройствами.

– Посмотри, что они с Тобой сделали! – Хозяин указал рукой на скульптурное Распятие в углу. – Они молятся перед этой жуткой скульптурой, потом встают с колен и рычат друг на друга так, как не умеет ни один из моих рабов, и готовы разрезать друг друга на мелкие клочки. Они сами выбрали смерть. Твой Отец подарил мне их удел ещё до того, как они начали в него проваливаться, ещё до того, как я устроил *фейерверк* Большого Взрыва, столь тупо ими изучаемый...

– Ты никогда не пытался даже понять Меня, Гортхаур. Зато они тебя отлично поняли. Взять хотя бы их Коран – там немало глупостей, но твоя сущность там изображена достаточно верно: Я имею в виду предание об Иблисе, так ты там назван. Когда Мы сотворили человека (каждого человека в том числе), все Наши Ангелы и все разумные существа поклонились человеку. Кроме тебя – ты не поклонился, Иблис-Гортхаур. И вот твой удел: Справедливость.

– Может, Тебе выдать специальную лицензию для этих наглых *взломщиков*? – Гортхаур-Иблис криво усмехнулся. – Рано или поздно Твой Отец поймёт, что я был прав.

– Много ли душ тебе удалось заполучить, не считая некоторых Ангелов, которые переметнулись к тебе ещё до Большого Взрыва? Твой Нижний Ярус, который люди называют словом *ад*, потихоньку пустеет; Мои друзья делают всё возможное, чтобы милость восторжествовала *в самом аду*, сам *порядок твоего ада* постепенно меняется. Рано или поздно они перестанут рождаться в Энрофе, и Мы расселим их по различным мірам, как Мы поступаем с прочими существами. Твои рабы восстанут против тебя, Иблис.

– Однако я бессмертен, – сказал, надувшись, дьявол (ибо это был он).

– Помнишь Наполеона? Я отобрал его у тебя. Но и ты сам, подобно ему, мнишь себя императором. И, подобно ему, когда-то останешься один в своём тёмном міре, словно Наполеон в почётной ссылке на своём острове. Он признал Меня. А ты, ты возомнил себя Богом Правосудия; ты прокрался даже в их

Священное Писание – и *Нас* ты обвиняешь в потворстве *воровству* и *лжи*. *Таким* Отец тебя не творил, Гортхаур! Я пришёл к тебе с миром, как всегда. Но, кажется, ты, как всегда, замкнут и обижен, и ты Меня не понимаешь...

– Да, – ответил сатана, – я не понимаю Тебя.

– Ну, в таком случае Я снова ухожу ни с чем.

– Прощай, *единородный Сын Божий*, иди, сияй Своим братьям и сёстрам, как Ты их называешь. Твоя любовь и Твои нежности не вызывают во мне ничего, кроме презрения. *Аттила*! – На этот резкий оклик вошёл раб; это действительно был не кто иной, как бывший предводитель гуннов Аттила, умерший в день собственной свадьбы в 453 году. – Проследи, чтоб никто не допустил ошибки, пока Он будет идти по Дворцу. – Аттила оскалился и поклонился своему теперешнему повелителю. Господь с минуту читал в душе Аттилы, но не нашёл там того, что хотел бы найти, и, таким образом, не возникло ни малейшего повода к возможности спасти это существо. Кажется, тот всем здесь был абсолютно доволен, кроме *Божественного Присутствия*.

Итак:

(...) когда в ходе сжатия радиус звезды достигнет некоторого критического значения, гравитационное поле у её поверхности станет очень сильным, и тогда (...) свет не сможет больше выйти наружу .

§ 8. *В Небесном Коктебеле.*

...Явь наших снов Земля не истребит...
Максимилиан Волошин

Человек, похожий на Христа, уходил к горам через цветущий луг. Клерк глядел на него из полусна, в котором только что видел Дворец Гагтунгра-Гортхаура, из которого этот человек вышел. Клерк не знал, как это всё истолковать. Он сел на кушетке и долго думал. Вошла императрица Сисси и принесла Клерку завтрак на серебряном подносе: тарелка с сыром, кофейник, яблоко. Из носа кофейника шёл синеватый *дхармический пар*. Прекрасная королева (на ней был синий халат и мягкие тапочки) поставила поднос на столик перед Клерком, затем присела рядом с ним на кушетку и погладила его по голове.

– Я застала ваш сон, голубчик. Не мучайтесь – это было на самом деле! Таким способом вам дано было кое-что обдумать и, возможно, понять. – Она засмеялась. – Пойду поиграю. Что вам сыграть, дружок Клерк?

– Мадам Сисси, сыграйте то, чего не любит Гагтунгр! – сказал, приходя в себя, Клерк. Она ушла в другую комнату и заиграла Баха, *хорошо темперированный клавир*. Фрау Роми, вероятно, ещё спала, так как они с Клерком долго сидели этой ночью.

К полудню Клерк решил поехать отсюда в Небесный Крым. Это желание пришло к нему по ходу завтрака, возможно, потому, что он увидел на письменном столе книгу стихов М.Волошина, раскрытую на венке сонетов, строчка из которого приведена как раз в эпиграфе к этой главе. Дамы приглашали его снова в гости (Её Величество пригласила его к себе в *Будапешт*, она там жила – в одном из Будапештов – по причине своей любви к Венгрии; книга Волошина принадлежала ей – она изучала русский язык и русскую поэзию). Фрау Роми протянула Клерку руку для поцелуя, а Сисси обняла его со всей своей *немонархической* сердечностью, что была ей всегда присуща.

Клерк вышел на то самое шоссе, по которому Роми Шнайдер ехала в его поисках в § 9-ом нашего Пролога, и уселся на обочине верхом на свой заветный чемоданчик. Он прочёл мысленно пару-другую латинских католических молитв и ещё добавил вопрос: *Ангел мой, как мне добраться до того дома, в котором живёт Максимилиан Волошин?*

Через мгновение явился его Ангел в шикарном сине-сером костюме и с бабочкой. В углу рта – сигарета.

– Шикуешь?

– Шикую, а что? – ответил Ангел. – Понадобилась помощь? – Клерк кивнул. – Ну, пошли.

Откуда ни возьмись – мотороллер. Клерк махнул рукой и сел со своим барахлом на багажник позади Ангела-пижона; они поехали. Из окна коттеджа две прекрасные дамы с улыбкой глядели им вслед. Вскоре Ангел остановился, велел Клерку слезть и закрыть глаза.

– Когда я укачу – глаза можешь открыть. Ты окажешься там, куда тебе надо. Покедова! – Клерк постоял с закрытыми глазами, слушая шум удаляющегося мотора. Потом открыл глаза – перед ним расстилалось знакомое из поездок с *мадам* Чёрное Море, посёлок, видимо, дореволюционных времён, знаменитая скала *с профилем Волошина*, даже тот холм, где должна бы находиться его могила. Но в этом міре не существовало ни мертвецов, ни могил. Двухэтажный домик на берегу в тени деревьев. На пороге сидит дама с папиросой и смотрит на море.

– Простите, – сказал Клерк (в правой руке – чемоданчик, на левом плече – сумка с лилиями, гербом Капетингов[1]), – вы не знаете Максимилиана Волошина, сударыня? – Она поворачивает лицо к нему, и, оказывается, что это Марина Цветаева, великая поэтесса, повесившаяся в 1941 году в Елабуге. Клерк роняет от удивления чемоданчик. – Это вы?!

[1] Капетинги – французская королевская династия с X по XVIII век.

– Узнали? – говорит она в ответ. – Ну, садитесь, покурим! – Клерк присел возле неё на пороге и, достав сигарету, сунул её себе в рот. Цветаева чиркнула спичкой и дала ему прикурить.

– Простите ещё раз: я так мало вас читал! Но я никогда не верил в то, что вы *не спасены*!

– И на том спасибо. Вас зовут Клерк, я знаю.

– У меня что же, на лбу написано, что все меня узнают? Какое-то повальное ясновидение!

– Ну что ж, у этого міра такие вот свойства. Я вижу, вы в некоторой панике; вы думаете – о чём же теперь говорить? Давайте тогда просто помолчим, глядя на море.

– *Мне имя – Марина; я – гордая пена морская...* – процитировал её Клерк.

– Нет, – решительно сказала она. – С гордыней я свела счёты. Скоро придёт Макс: он рисует на Кара-Даге. Помните, там такая скала под названием *чёртов палец*?

– Помню; она и здесь тоже есть?

– Почему бы нет! Этот "палец" символизирует *сатану*. Макс обнаружил, что если рисовать его, то что-то меняется в структуре происходящего в мірах.

– То есть во всех мірах?

– Конкретней – в тех *слоях*, где могут томиться *души*. Меняется *то, из-за чего* они томятся; я была одной из таких душ. Он меня и вытащил.

– Просто рисуя?!

– Да, просто рисуя. А вот и он. Наш славный волшебник Макс. – Солнце сверкает в листьях пальмы. Солнце играет в морских волнах. Макс Волошин, круглый и довольный, в длинной рубахе и босиком, подходит к своему дому; в правой руке – посох, в левой – этюдник. Они поднимаются, все трое, в дом. Бюст царевны Таиах по-прежнему красуется в библиотеке. Мать Волошина – красивая дама лет тридцати – варит суп.

§ 9. *Фанни и Сюзанна.*

Гетто избранничеств – вал и ров:
Пощады не жди!
В сем христианнейшем из міров
Поэты – жиды!

М.Цветаева

Таким образом, Сюзанна уже повстречалась с Господом Богом, а Клерк – ещё нет. Он обедал с сыном и матерью Волошиными и с Цветаевой в Небесном Крыму и размышлял о неоднозначности иных самоубийств. Он вспомнил слова из предисловия к сборнику стихов Марины Цветаевой, который остался у него в Москве: *Самоубийств не бывает; бывают только убийства*. Эти слова принадлежали поэту Евтушенко, и Клерк не мог теперь не согласиться с глубокой истиной, которая в них содержалась. Под вопросом оставалась для

него личность Иуды Искариота, который, как известно, предал Христа. Но *Иуда* – это имя всего народа, который Христа не принял; весь народ иудейский, подумалось Клерку, наложил на себя руки в акте самоубийства Иуды. А Клерк на одну четвёртую был еврей. Он вспомнил слова своей воскресшей бабушки (см. в *Части Первой, с. 46*). У евреев, следовательно, особенная судьба. Трудно представить, чтобы они, подобно гунну Аттиле, сделались рабами Гортхаура. Многое станет ясно и тому, кто вдумается в эпиграф данной главы.

Тем временем Жюли и Сюзанна пребывали то в Вифании, то в кофейне, где обслуживали редких амаркордских посетителей. Жюли переносила Сюзанну в Небо, а потом возвращалась с ней в Амаркорд – эта процедура ей ничего не стоила, тем более что Сюзанна оказалась достаточно лёгкой для подобных перемещений. Она вся сияла от восторга. В этом новом міре она обнаружила совершенное понимание; здесь был *общий язык*, но и все земные, *не-общие*, языки также присутствовали здесь – можно было изучать их, говорить на них, читать на них. Сюзанна подавала посетителям еду и питьё, училась "магической кулинарии" у Жюли: например, вынуть из воздуха сковородку с готовой глазуньей или бутылку вина. Новый мір Сюзанны был міром волшебства, и за это никто никого не сжигал на костре. Здесь не было больше ни болезней, ни грязи, ни зловония, ни обид, ни насилия. Она познакомилась с Пьером, Полем и Фанни, имевшими обыкновение захаживать в *Сан-Суси*. Каждый рассказывал ей о своей земной эпохе; молчали только о том, что пережили *в Аду*. Как видно, пытались это совсем забыть, вычеркнуть из памяти. Сюзанне повезло в двух отношениях: во-первых, она не изменила католической вере, во-вторых – умерла в сумасшедшем доме.

Однажды Господь сказал ей: *Ну вот, Сюзанна, пора тебе приниматься за своё собственное хозяйство. Пусть Жюли отвезёт тебя в тот дом, который до поры до времени построен для тебя и для твоего дружка. Дружок у тебя философ и любит попутешествовать. Надеюсь, он тебе понравится. В общем, переселяйся и жди. Когда он приедет, Мы устроим тебя на работу.*

Жюли сказала ей: – *Закрой глаза, как обычно. Потом открой – и окажешься на кленовой аллее, ведущей к дому. В каком-то смысле этот дом ты сама выстроила когда-то из детского конструктора. Располагайся в нём; там во дворе машина, на ней ты можешь приезжать в Сан-Суси и вообще кататься по Амаркорду. Ну, давай!* – Сюзанна закрыла, потом открыла глаза. Она стояла на кленовой аллее, ведущей к дому Клерка. На пороге дома сидела Фанни и писала акварель.

– Я тут всё прибрала, – сказала Фанни, продолжая выписывать ствол сосны, красующейся на холме вдали, слева от леса и аллеи. – Знаешь, мне не хватает твоего Клерка, Сюзанна...

– А вдруг он мне покажется не тем, о ком я мечтала? – спросила Сюзанна, сев рядом с Фанни на крыльцо и положив рядом свою поклажу: ноутбук и футляр со скрипкой.

– Так не бывает. Ты же сама его выбрала!

– Я? Когда это?

– Ну, тогда, когда ты ещё не родилась. Когда никто из нас ещё не родился на Земле и, следовательно, не умер. Было такое состояние...

– Ох, Фанни, мне так трудно всё это осмыслить!

– Как будто твой Сартр проще!

– Ах, на нём-то я, видно, и сломалась. Хотя его считают *гуманистом без Бога*.

– По крайней мере, Клерк тоже пытался одолеть его в русском переводе, но, по-моему, мало чего понял. Пойдём перекусим! – Фанни собрала свои рисовальные принадлежности (коробку с красками, кисточки, карандаш, пузырёк с водой и большую акварельную бумагу), и они вошли в дом.

– Скоро я совсем освобожу своего *Принца* (он был тот ещё забулдыга и бабник, вот почему я столько с ним вожусь!). Он приедет в Амаркорд и раскритикует всю мою живопись – он же был художник. Ты красивая.

– М-да, прямо *белокурая бестия*! – саркастически ответила Сюзанна. Они сидели в комнате на первом этаже. В креслах, друг против друга. Между ними стоял столик с бутылкой, бокалами и едой. – Он, наверно, сперва решил, что ты – его половина?

– Наверно. Но если бы у него была на Земле сестра, то это была бы я, а если бы жена – то это ты. Впрочем, Земля – это такой мір, в котором мало кому *везёт*, в основном – всяким мерзавцам, чьей карме не позавидуешь. А здесь хорошо – никто нас не тиранит.

– Странно, Фанни, в том домике, который мы строили из детского конструктора, были туалет и ванная, а тут их нет. Зачем Господь оставил нам все эти внешние *о*рганы?

– Придёт время, и они трансформируются, как и всё тело, – отвечала Фанни. – Не знаю точно – как именно, но мы изменимся и станем очень сильными; мы преобразим всю историю Земли и, насколько возможно, очистим её от дурных воспоминаний. От насилия, от животной похоти, от одиночества.

– А что Гагтунгр?

– Сначала он останется совсем один, так как все его оставят; обычная судьба тирана. Затем он не выдержит и попросит у Отца небытия. Но Отец не может дать того, чего у него нет. Поэтому Гагтунгр постепенно смирится и станет простым Ангелом в услужении самым неразвитым мірам.

– Мы будем рождать детей?

– Да, конечно. Но иначе, чем там, на Земле: сексуальность преобразится в первую очередь – в ней уже не будет ничего тёмного, ничего, что влекло бы к

насилию, ревности, ненависти и прочему. Дети будут рождаться как бы из ничего, как ты достаёшь у Жюли фужеры из воздуха! Они будут расти до нашего с тобой возраста и не будут стареть, как и мы. Посюсторонние міры могут изменяться, но они неуничтожимы. И вот тогда наши гениталии исчезнут: их заменят особенные излучения и формы.

Так Фанни просвещала Сюзанну. Они пили вино, ели хлеб и слушали музыку. Они играли на скрипках дуэтом. Они легли спать на софе Клерка и видели одни и те же сны. Счастье – совершенно обыкновенное состояние там, где всё это происходило. Сам Будда признал бы *положительный характер загробных дхарм* и перестал бы приписывать дхармам всё зло. Потому что здешние дхармы, в отличие от земных, это дхармы *гармонии, чистоты, света и покоя*. Здесь *конфликт* не является больше первоосновой и двигателем бытия. Здесь – мір поэтических избранничеств. И всё же это – мір Царя Иудейского.

Эпилог. *Берег моря.*

1.

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
И выпуклую радость узнаванья...

О.Мандельштам.

Он неторопливо шагает по кленовой аллее, ведущей к нашему с ним дому. Я смотрю на него сквозь оконное стекло, подперев голову рукой. На моей руке красуется серебряный браслет, подаренный мне Марией из Вифании. Клерк видит меня и на миг останавливается (в правой руке – чемоданчик, точь-в-точь как у меня, на левом плече – сумка). Тут какая-то ласковая сила переносит меня в детство, во Франкфурт-на-Одере; я вижу: мы сидим вдвоём на паркете в моей детской комнате и тихо собираем *этот* дом. Прожив 40 лет, я никогда не знала мужчины – да и не хотела знать. Очень боялась всегда двух вещей: насилия и смерти. Наконец, окрестилась (так как родилась я в соцстране, родители и не подумали меня сразу окрестить). Отец Вэнсан стал моим наставником и другом. Но Сартр и Ницше что-то сломали во мне. Я всегда была одинока. Не то чтобы я некрасива, нет; несколько раз сверстники пытались завязать со мной отношения, впрочем, тщетно. Их понятия о любви меня не устраивали. Всё происходило так, словно бы я всегда шла против общего течения. Может, из гордости. Когда я заболела, никто уже не мог помочь мне – ни отец Вэнсан, ни Господь Бог. Я сижу у письменного стола, подперев голову рукой с серебряным браслетом. Клерк, закурив, наверно, чтобы скрыть неловкость (неизжитая земная привычка?), медленно приближается к входу в дом. Вот я больше не вижу его: он обогнул угол дома и входит в дверь, и вот он в прихожей. Он входит в большую комнату, и между нами – около десяти шагов. Приблизившись, он кладёт свой ноутбук на стол, рядом с моим, сумку бросает на кресло, затем спрашивает робким голосом:

– Сюзанна? – Я киваю и улыбаюсь.

Он опускается передо мной на колени и смотрит мне в глаза, снизу вверх. У меня зелёные глаза. Он берёт мои руки в свои, целует мне руки.

– Значит, мы – муж и жена? И это – тот самый дом? – спрашивает он.

– Похоже на то, – отвечаю я. – Ещё до того, как родились. В Раю, который теперь пытаемся вспомнить. Здравствуй *(и я назвала его русским именем, а не по "загробной кличке")*.

Он старается делать комичное, скособоченное лицо, но я чувствую: дух его достаточно углублён. Что *он* видит во мне? Не разочарован? Не кажусь ли я ему холодной куклой Барби[1]? В ответ он прижимается к моему животу головой, обняв меня за талию. *Это ты*, – думаем мы оба, – больше нас ничто не разлучит.

Я спустилась со второго этажа и постучалась в приоткрытую дверь.

– Да-да! – крикнул Клерк. Войдя, я полюбовалась на эту свежую парочку; голова Клерка на коленях Сюзанны, он левым глазом ехидно смотрит на меня. Мы не то чтобы сентиментальны здесь в подобных случаях; впрочем, и сентиментальность никому в Амаркорде не претит. Поэтому они встают и подходят ко мне, и мы стоим втроём посреди комнаты, держа друг друга за руки, словно *три грации* у Боттичелли. – Милая Фанни! – говорит Клерк.

Отряхнув со своего церковного облачения прибрежный песок, о. Вэнсан поднимается на ноги и поначалу тупо глядит на морской горизонт. *Похоже, что я умер*, – думает он. По его левую руку в море впадает небольшая река; посредине её, опустив верёвку с камнем на дно реки, сидит в лодке седой старичок и задумчиво ловит рыбу.

– Эй! – крикнул о. Вэнсан. – Вы не знаете, что это за местность?

– Как не знать, знаю! – крикнул старичок. – Вот ты и помер, раб Божий!

– А вы, простите, кто?

– Я? Святой Николай собственной персоной, – святитель подгрёб к берегу и, привязав лодку, стоял теперь на том месте, где они встречались не так давно с Клерком. – Сперва подкрепимся, а потом я повезу тебя к себе в гости. Если ты не возражаешь.

– Конечно, я не возражаю, – сказал о. Вэнсан, и они уселись трапезничать. Как ясно из вышесказанного, святитель не испытывал трудностей с продовольствием. Он рассказал усопшему кюре в общих чертах о новом міре и ответил, как мог, на его наивные вопросы, вызванные явным несоответствием между привычной для него католической доктриной и собственными ощущениями. Не станем тратить на это интервью бумаги, скажем только, что кюре проделал по реке путь, прямо противоположный тому, который в своё

[1] Изящная кукла-блондинка.

время проделал Клерк, направлявшийся в Амаркорд. Так как о. Вэнсан не принадлежал к сословию *степных волков*, его ждали не в Амаркорде, а чуть повыше; ну, а здесь должна была состояться церемония благословения Сюзанны и Клерка – в том самом храме с луковкой, где на всенощной играли Шопена, и наверху было решено, что о. Вэнсан не откажется от главной роли. Таким образом, сюда съехался клерковский цех конторы *Штеппенвольф* во главе с шефом, и церемония состоялась. Описывать её, вероятно, излишне. Во всяком случае, о. Вэнсан был приятно изумлён и в высшей степени доволен. А дальше всё пошло по-прежнему. Сюзанна заняла двенадцатый стул в цеху рядом с Фанни и Клерком, зато Рут и Боб уехали в дальние края, навсегда; они получили разрешение повстречаться с Германом Гессе и с Великим Кибером, рассчитывая принять участие в новых, более сложных проектах кибернетической войны против Гортхаура. Пьер и Поль (бывший гугенот и бывший воин Хлодвига) продолжали посещать кофейню Жюли вместе с Фанни, обретшей, наконец, своего художника, который занял в цеху место Рут. Клерк с Хайдеггером посетили Сартра и Гуссерля, но итоги этого визита, состоявшегося под руководством блаженной Эдит Штайн, уже не вмещаются в рамки данного повествования. Заметим только, что Эдит Штайн вела своих спутников по узкой горной тропе, кругами спускающейся в соответствующий подъярус, и там не раз им припомнилось творение Данте. *Да-а,* – сказал Клерк, – *Данте наломал дров!* На что Эдит Штайн ответила: – *Но обратите внимание, какими изящными штабелями они уложены!* – На что Хайдеггер ехидно усмехнулся и закурил очередную сигару.

2.

Господь Саваоф, заложив руки за спину, рассеянно прохаживается вдоль линии прибоя, временами останавливаясь и глядя вдаль. Вид у Него такой, словно Ему совершенно нечего делать. Он видит меня, так же неторопливо бредущего по сухой песчаной косе в его направлении. Мы поравнялись, и тогда Он говорит:

– А, это ты – Клерк-точка-ру. Уэлкам ту Хэвн[1]! – и зевнул, прикрыв рот левой рукой. Потом опять заложил её за спину.

– Ты похож на арестанта. Тебя, – говорю, – будто выпустили из тюрьмы погулять… по берегу моря!

– Ну-ну, – равнодушно промолвил Господь Саваоф, косясь с любопытством на мерцающую в прибрежной воде оранжевую медузу. – Ты чего-то ждёшь от меня?

[1] Добро пожаловать в Небеса *(англ.)*.

Я подумал. – Кажется, Ты уже снабдил меня всем, чего мне хотелось. И я рад, что ничего не заслужил.

Мы помолчали, глядя оба на веселившуюся медузу.

– Domine[1], у Тебя такой же вид, как в ту субботу, когда Ты почил от дел Своих.

Он снисходительно улыбнулся. – Ты неплохо справился со своей ролью, Клерк-точка-ру. По крайней мере, несколько ещё не умерших из числа доверяющих Мне больше не боятся Меня. Сам Данте (Он почтительно склонил голову) перестал сеять панику в Амаркорде и обрёл более правильный угол зрения. Ты его видал?

– Как-то раз, во сне. Данте сидел на пеньке с бутылкой 0,25 в одной руке и с книгой – в другой. Вид у него был тот ещё. Я помахал ему рукой.

– А он что?

– Печально так улыбнулся. Похоже, он много пьёт фиолетового вина.

– Ну, а ты что скажешь? Как жизнь?

– Спасибо, ничего. Нам с Сюзанной всего хватает. Всю свою земную жизнь я старался показать, что Ты не лишён чувства юмора…

– Это и была твоя скромная роль, Точка-ру. Чем же Я могу вознаградить тебя сейчас?

– Эх, – я вздохнул, глядя на носок собственного ботинка, – сигару бы!

– Но, – Он потёр нос, – ты ведь знаешь – Я не курю.

– Но Ты же всемогущ?

– Это правда. – Тут я услышал шум дождя за окном и проснулся. Было утро, и пора было ехать на работу. Сюзанна причесалась и сварила кофе. Мы позавтракали. Я полил цветы, посмотрел на себя в зеркало, надел плащ и шляпу и вышел во двор. Дождя с этой стороны дома не было. Над сопками розовело Солнце, кладя фиолетовые блики на сиреневый автомобиль. Сюзанна вышла из дома; на ней был лёгкий зелёный плащ и зелёная ленточка в волосах. Она села за руль, я уселся рядом и отпил из бутылки, лежавшей в ящичке. На крыльце сидели Холмс и Ватсон. Будущее, Господь Бог и Богородица, бесконечный путь – всё это казалось весьма простыми вещами, чем-то самим собой разумеющимся.

Сюзанна завела мотор и включила приёмник.

Играли Грига.

Москва, Энроф, 2003 г.

---

[1] Господи *(лат.)*.

Огл.
Пролог – стр. 2
Часть 1, раздел 1 – стр. 20
Раздел 2 – стр. 40
Раздел 3 – стр. 56
Часть 2, раздел 1 – стр. 75
Раздел 2 – стр. 99
Эпилог – стр. 119